

ОБРАЗОВАНІЕ и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ II.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

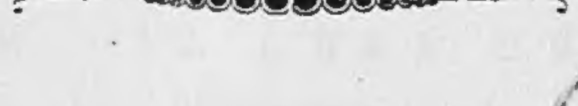
Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета,

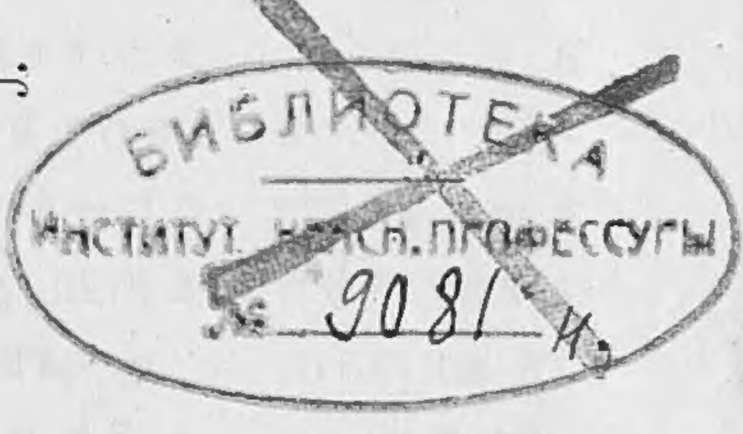
А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ II.

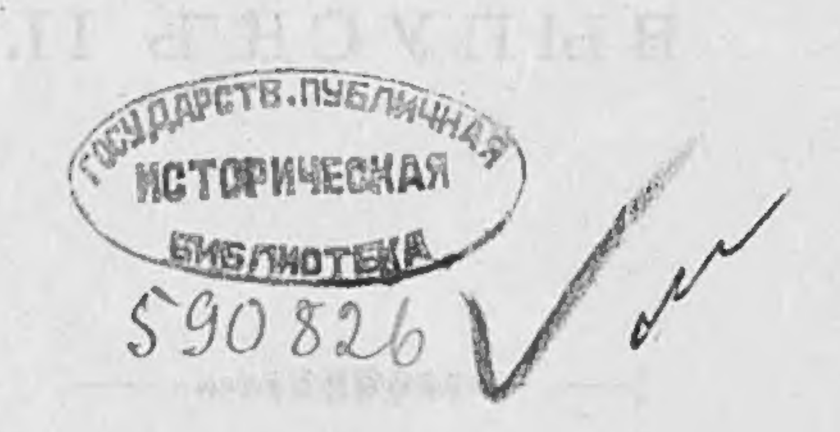

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1901.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ А. Смирновъ

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета за 1899—1900 гг.

Вслѣдствіе неоднократныхъ требованій Геннадія, „еретики“ наконецъ были подвергнуты торговой казни, и лѣтописецъ такъ извѣщаетъ объ этомъ фактѣ: „Того же года, биша новгородскыхъ поповъ кутіемъ, присла же ихъ владыка Геннадій изъ Новгорода великаго, что поругалися иконамъ пьяны и послыша ихъ къ владыцѣ опять“...— и только. Это извѣстіе кажется намъ весьма важнымъ: изъ него видно, что другіе современники „ереси“ не видѣли въ ней того, что усматривалъ Геннадій и о чемъ онъ съ такою горячностью и настойчивостью на первыхъ же порахъ писалъ къ митрополиту, великому князю, къ епископамъ—и въ чемъ еще съ большей энергіей поддерживалъ его позднѣе пр. Іосифъ Волоколамскій... Какъ бы то ни было, невольно думается, что слѣдующими замѣчаніями пр. Іосифъ Волоцкій даетъ объ общемъ характерѣ ереси несравненно болѣе вѣрное представленіе, чѣмъ всѣми шестнадцатью „словами“ своего обширнаго „Просвѣтителя“: „Отступиша—пишетъ онъ къ архіепископу Нифонту въ 1493 году—мнози отъ православныя и непорочныя Христовы вѣры и жидовствуютъ въ тайнѣ. Иже преже ниже слухомъ слышася въ нашей земли ересь, отнели же возсія православія солнце,—нынѣ же и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищихъ—иноцы и мірстіи—вси сомнятся, вси о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но—отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ... и съ ними дружатся, и піютъ и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству“... „Толико—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—прельстиша (еретики) и въ жидовство отведоша, яко не исчести мощно“... „Аще же кто, прибавляетъ онъ, и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ писанія божественныя укоряти,—и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопреніе творяху и

сомнѣніе имяху"... Конечно, эта масса пулуеретиковъ, которую „не исчести мощно", и которую „прельщали" еретики—не доходила до тѣхъ крайностей, которыя выставляетъ въ ереси „жидовствующихъ" пр. Іосифъ; очевидно, связующимъ элементомъ между „новгородскими еретиками" и остальной массой православныхъ (...„съ ними дружатся, и пьютъ, и ядятъ, и поучаются отъ нихъ жидовству"...) служили вовсѣ не тѣ „хулы" и мерзости, которыя разсказывали о новгородскихъ попахъ-еретикахъ архіеп. Геннадій и Іосифъ Волоколамскій, и не тѣ мнѣнія крайняго отрицанія, которыми характеризуетъ ересь жидовствующихъ послѣдній: существовала, вѣроятно, почва болѣе умѣренная, болѣе такъ сказать нейтральная, на которой сходились съ „еритиками" православные, на которой послѣдніе „поучались" отъ еретиковъ и дружились съ ними... „Хулы" еретиковъ, очевидно, имѣли больше видъ общаго недовольства, общаго возбужденія, начинавшаго возникать во всей массѣ „книжныхъ людей" и остального общества, противъ крайностей господствовавшаго направленія религіозныхъ понятій...

Пр. Іосифъ Волоцкій въ только что приведенныхъ словахъ замѣчаетъ: „аще кто и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ писанія божественныя укоряти..."; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что всѣ мудрствованія „еретиковъ" произошли отъ того, что „посмѣли много веществовати умолчанная (въ св. писаніи) и истязати сокровенная", вся погибель произошла отъ умнаго развращенія и мыслей благихъ оставленія..." Вотъ, въ послѣднемъ-то, кажется, дѣйствительно и заключалась основная, существенная черта „ереси". Безусловное довѣріе къ авторитету рушилось: возникъ духъ критики, критическаго отношенія ко всему строю церковной жизни, ко всему характеру современной религіозности...

Для уясненія возникшаго движенія,—чрезвычайно характерными являются и отношенія къ „еретикамъ“ такъ наз. бѣлозерскихъ старцевъ. Нельзя не остановиться мимоходомъ на характеристикѣ этихъ „старцевъ“: борьба съ ними у противниковъ ереси одно время идетъ совершенно параллельно...

Прежде чѣмъ перейти къ этой характеристикѣ, не можемъ не привести здѣсь сполна одного замѣчательнаго памятника полов. XVI в.,—вводящаго насъ непосредственно въ самый центръ борьбы тогдашняго нашего иночества. Разумѣемъ извѣстное посланіе о „нелюбкахъ“...

Спросилъ мя еси, почему Кирилова м-ря старцы Іосифовыхъ старцовъ не любятъ. И азъ вкратцѣ реку ти, съ коихъ мѣстъ нелюбка межь ихъ.

Егда бысть соборъ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи и при Симонѣ митрополитѣ, о вдовыхъ попѣхъ и діаконехъ въ лѣто 7012 (1503), а на томъ соборѣ были архіепископы и епископы и архимандриты и честные игумены и честные старцы изо многихъ монастырей. Да тутъ же былъ старецъ Паисея Ярославовъ, еже бысть преемникъ великаго князя Василія отъ святыя купели, и ученикъ его старецъ Нилъ, пореклу Майковъ. Сей Нилъ былъ въ святѣй горѣ, и князь великій держалъ ихъ въ чести въ велицѣ. И егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконехъ, и нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ,—а съ нимъ пустынники бѣлозерскіе. И сіе слышавъ игуменъ Іосифъ нача вопреки глаголати, приводя на свидѣтельство святаго преподобнаго Ѳеодосія, общему житію начальника, и святаго преподобнаго Аѳанасія Аѳоньскаго, и святыхъ преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ чюдотворцовъ, и иныхъ многихъ монастырей,—еже у нихъ села. Тажъ и се глагола:

Аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію или архіепископа или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцовъ и благородныхъ,—ино вѣрѣ будетъ поколебаніе"... И божіими судьбами по ихъ волѣ не осталося. То —первая нелюбка!

Какъ не стало старца Нила, а ученикъ его князь Вассіянъ Косой, князь Ивановъ сынъ Юрьевича, и нача сей князь вельми поборати по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было селъ,—и съ нимъ сташа иные старцы, съ ними жъ святогорцы. Се же бысть при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Руссіи. И не попусти сему быти, и имъ мнѣніе на Іосифа же. То—вторая нелюбка!

Также и новгородскіе еретики нача каятися лестно, а не истинно. И старецъ князь Васьянъ повѣрилъ имъ и учалъ за нихъ печаловати великому князю,—а съ нимъ и отъ владыкъ и отъ старцевъ начаша печаловатися. И сіе слышавъ Іосифъ, да написалъ къ великому князю, чтобы лестному ихъ покаянію не вѣрилъ, велѣлъ бы ихъ держати неисходны отъ темницы, чтобы иныхъ людей непрельстили. И князь великій Іосифа послушалъ. То—третья нелюбка! И они стали Іосифа про то укоряти великими укоризнами.

Да въ тѣжъ времена старцы звенигородской князь Деонисій да Нилъ Полевъ, Іосифовы постриженники, жили въ пустынѣхъ на Бѣлѣ-озерѣ, близко Кирилова монастыря. И старецъ князь Діонисей Звенигородскій пріиде къ пустыннику и узрѣ у него крестъ подъ постелею, и прилучися въ та времена съ нимъ священникъ мірской. И паки, во иное время, пріиде ко иному пустыннику, а тотъ священникъ съ нимъ же: аже тотъ пустынникъ дер-

житъ у себя въ рукахъ книгу; а келья у него топится. И какъ зазрѣлъ старца Діонисія, и тотъ пустынникъ книгу вкинулъ въ печь и книга згорѣла. И ту великую ересь видѣлъ старецъ Діонисій да и священникъ. И къ Іосифу старецъ Діонисій прислалъ старца Серапіона крестечника съ граматою, а въ ней написано, что у пустынниковъ видѣлъ ересь. Іосифъ прочетъ грамату, да послалъ ту грамату къ ростовскому архіепископу Васьяну, понежь въ его архіепископьи. А въ та времена Васьянъ архіепископъ на Москвѣ былъ. И Васьянъ архіепископъ ту грамату подалъ великому князю. И великій князь ту грамату показалъ старцу князю Васьяну Косому, и рече ему: добро ли чинятъ твои пустынники? И Васьянъ рекъ великому князю: та деи, государь, грамата писана лукавствомъ а все солгано; вспроси-де, государь, попа. И князь великій велѣлъ поставити попа, да вспросилъ попа. И попъ сказалъ такъ, какъ въ граматѣ писано. И старецъ Васіанъ князь попа просилъ на пытку, и попа пытали, и ногу изломали, и попъ и умеръ, а не сговорилъ. И князь великій ополѣлся на старца на князя Діонисія да и на старца Нила, глаголюще: сами де межь себя бранятца, и меня грѣха доставили. Да велѣлъ князь великій старца Діонисія да съ нимъ Нила старца взяти въ Кирилловъ монастырь, и пустыни ихъ велѣлъ сжечи. То—послѣдняя вражда и до сѣхъ мѣстъ!

Егда жь Діонисей старецъ князь звенигородскій и старецъ Нилъ Полевъ были въ Кирилловѣ въ опалѣ, и повѣдаша намъ, яко тогда въ велицѣй нужи многи скорби претерпѣша. И повѣда намъ се старецъ Нилъ Полевъ. Егда, рече, быхъ въ велицѣй нужи и молихся со слезами и вспомянухъ, яко безъ благословенія изыдохъ отъ отца Іосифа и обѣщанія своего постриженія, и о семъ зѣло оскорбихся, и забыхъ всю нужу свою, и быхъ въ страсѣ велицѣ, и рѣхъ во сердци своемъ: что сотворихъ азъ окаянный, яко умираю

безъ прощенія. И начахъ призывати отца Іосифа въ молитвѣ своей и прощенья просити и рѣхъ: Отче господине пр. Іосифе! аще и мѣстомъ растоянія далече есмь, но сердцемъ и мыслію предъ тобою есмь, прости мя грѣшнаго,—и легохъ мало опочинучи, и видѣхъ себя въ монастырѣ отца Іосифа, и паки яко пріидохъ въ келью ко отцу Іосифу, и егда узрѣхъ его, падохъ на нозѣ ему, прощеніе прося. Онъ же объятъ мя мантіею своею и рече ми: Богъ тя проститъ. Азъ же отъ радости воспрянувъ и обрѣтохъ сердце свое безъ всякія скорби И въ малѣ времени князь великій повелѣлъ намъ ѣхати во Іосифъ монастырь.

Князь же Васьянъ старецъ враждовалъ много на Іосифа и монастырь его хотя разорити. И божіими судьбами по малѣ времени ополѣлся на него князь великій и послалъ его во Іосифовъ монастырь. Онъ же въ монастырѣ и преставися, и погребенъ бысть тамо.

О искони злоначальный врагъ роду человѣческому! Іосифъ все благочиніе и благоговѣинство снималъ съ Кирилова монастыря,—и се нынѣ діаволъ мнѣніемъ не смирну вражду положи межь такихъ свѣтилъ! Во истину сбыстся, якожь святіи отци рекоша, яко мнѣніе—второе паденіе. И паки рекоша: всѣмъ страстемъ мати—мнѣніе". [Сборн. XVI в. Моск. Син. б-ки, № 927, прежн. ка., лл. 187—190. Приб. къ тв. св. отц., X, стр. 504—508].

Важнѣйшіе представители „бѣлозерскихъ старцевъ"— Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ.

Біографическія свѣдѣнія о Паисіи Ярославовѣ крайне скудны и отрывочны. Предполагаютъ, что около половины XV в. онъ былъ инокомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; позднѣе нѣкоторое время живетъ въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ (1467—1474), и по настоятельному желанію великаго князя дѣлается здѣсь даже игуменомъ (1479—1482), но скоро уходитъ отсюда,—потому что, замѣчаетъ лѣтописецъ,

„не могъ обратить чернецовъ на путь Божій, на молитву, постъ, воздержаніе, они хотѣли даже убить его“... Затѣмъ мы видимъ его въ Москвѣ: въ 1484 году великій князь совѣтуется съ нимъ по дѣлу митр. Геронтія (разсорившагося съ княземъ и хотѣвшаго оставить митрополію), уговаривая Паисія быть вмѣсто него митрополитомъ, но тотъ отказался. „Князь великій— читаемъ въ Софійскомъ Временникѣ—поча думати съ Паисею, пригоже ли его (митрополита) опять взяти на митрополію, онъ-же сдума. Хотяше бо его самого на митрополію, онъ-же не хотяше“... Какъ причину отказа лѣтописецъ приводитъ упомянутый фактъ неудачнаго игуменства: „Принуди бо его (Паисія) дотолѣ князь великій у Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ игуменомъ быти,—и не може черньцовъ превратити на Божій путь, на молитву и на постъ и на воздержаніе, и хотѣша его убити, и остави игуменство. И потому же и митрополію не восхотѣ“... Паисій присутствуетъ на соборахъ въ Москвѣ 1490 года, о новгородскихъ еретикахъ, и 1503 года, о вдовыхъ попахъ и монастырскихъ имуществахъ. Наиболѣе частымъ мѣстопребываніемъ Паисія были повидимому монастыри Кирилло-Бѣлозерскій и Спасо-Каменный, находившіеся въ предѣлахъ ростовской епархіи, и вообще пустыни „заволжскія“. Годъ смерти неизвѣстенъ. Вмѣстѣ съ „ученикомъ“ своимъ Ниломъ Сорскимъ († 1508) Паисій Ярославовъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ какъ въ средѣ современной русской іерархіи, такъ и отъ великаго князя. Въ 1489 г. новг. архіеп. Геннадій, вступая въ борьбу съ новгородскими еретиками и сообщая о нихъ ростовскому архіепископу, проситъ послѣдняго посовѣтоваться съ жившими въ предѣлахъ его епархіи, Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, и привлечь ихъ къ борьбѣ: „Да чтобы еси послалъ по Паисія да по Нила—пишетъ Геннадій —да съ ними-бы еси о томъ (рѣчь идетъ о распространившихся въ народѣ толкахъ о близкой кончинѣ міра) посовѣтовалъ... И ты бы съ Паисіемъ да съ Ниломъ накрѣпко по-

говорилъ—повторяетъ онъ нѣсколько ниже—чтобы и мнѣ отписалъ о томъ". Геннадій и самъ хочетъ поговорить съ авторитетными старцами, — съ этой цѣлью даже приглашаетъ ихъ къ себѣ: „Да и о томъ ми отпиши, наказываетъ онъ, мощно ли у меня побывати Паисею да Нилу, о ересяхъ тѣхъ было съ ними поговорити"... Съ еще бóльшимъ уваженіемъ относится къ Паисію и Нилу самъ великій князь. По свидѣтельству современниковъ, оба старца „ради крѣпкаго жительства и добродѣтели множества имѣли великое дерзновеніе къ державному, и были зѣло преемлемы и почитаемы у него"... Паисій былъ близокъ и къ самому семейству великаго князя, являясь воспреемникомъ его дѣтей. Въ 1480 г., вмѣстѣ съ митр. Геронтіемъ и архіеп. Вассіаномъ, Паисій ходатайствуетъ предъ великимъ княземъ за его брата.

Паисій Ярославовъ является духовнымъ руководителемъ другого, не менѣе знаменитаго современнаго подвижника, Нила Сорскаго, и какъ мы замѣчали, однимъ изъ старѣйшихъ представителей „бѣлозерскихъ" или „заволжскихъ старцевъ", — иноковъ, жившихъ по отдаленнымъ пустыннымъ монастырямъ вологодскимъ и бѣлозерскимъ, съ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ во главѣ; старцы—назывались въ Москвѣ вообще „заволжскими"... Нила Сорскаго, главнаго представителя идей и стремленій „заволжскихъ старцевъ", современники прямо называли „ученикомъ" Паисія; въ письмѣ о „нелюбкахъ": „да тутъ же (на соборѣ 1503 года) былъ старецъ Паисій Ярославовъ и ученикъ его, старецъ Нилъ Сорскій, по реклу Майзковъ"... Взаимныя отношенія этихъ двухъ замѣчательнѣйшихъ представителей тогдашняго русскаго иночества были, повидимому, вообще постоянно самыя близкія и тѣсныя. Въ упоминаніяхъ современниковъ имена Паисія и Нила чаще всего встрѣчаются вмѣстѣ, рядомъ... Въ числѣ посланій Нила Сорскаго едва ли два не были написаны имъ къ Паисію: мы пе знаемъ никого другого, съ которымъ могли-бы быть у

Нила столь глубокія нравственныя связи и къ которому въ тоже время онъ могъ бы относиться какъ къ своему духовному руководителю и наставнику... „Боюся, владыко мой—читаемъ въ одномъ изъ этихъ посланій—да не множество грѣхъ моихъ возбранитъ мнѣ насладиться твоего видѣнія..,—да утвердится ми сердце твоими словесы!. О частнѣйшій отче! свое чадо убогое не забывая, буди молитвенникъ ко Господу о моемъ окаянствѣ,—всегда быти благоволи, много молю твое преподобство, и на путь спасенія наставляти мое недостоинство, владыко, не отрицися"!... Во второмъ—прося опять молитвъ у того, „его же отъ пеленъ вожделѣхъ видѣти",—авторъ пишетъ: „Можеть бо, святый владыко, еже токмо видѣти тя злонравную ми душу увѣщати, во благонравіе приложитися и во умиленіе прійти... Не могу комуждо, яко же прилучися, обнажити язвы души моея,—но тебѣ токмо, святый владыко, яко и древняя моя цѣлившу"...

Общее направленіе „заволжскихъ" иноковъ было строго аскетическое, но—несравненно болѣе внутренняго, духовнаго характера, чѣмъ какъ понимался аскетизмъ большинствомъ тогдашняго русскаго монашества. Общій фонъ ихъ стремленій—перевѣсъ внутренняго, духовнаго, идеальнаго, передъ внѣшнимъ, обрядовымъ. На взглядахъ и идеяхъ „старцевъ" лежитъ общій отпечатокъ христіанской духовности; въ своихъ стремленіяхъ старцы хотятъ приблизиться къ первобытному евангельскому идеалу. Иночество, по ихъ мнѣнію, должно быть не тѣлеснымъ, но духовнымъ, и требуетъ не внѣшняго умерщвленія плоти, а внутренняго, духовнаго самосовершенствованія. Почва монашескихъ подвиговъ—не плоть, а мысль и сердце. Намѣренно обезсиливать, „умерщвлять" тѣло излишне: слабость тѣла можетъ препятствовать подвигамъ нравственнаго самоулучшенія. Инокъ, напротивъ, можетъ и долженъ питать и поддерживать тѣло, „по потребѣ безъ мала", даже—„успокоивать его въ малѣ", снисходя физическимъ слабостямъ, болѣзни, старости... Во всякомъ случаѣ физическое пощеніе не

самое главное. О предметѣ этомъ, столь важномъ по господствовавшему взгляду того времени, Нилъ Сорскій дѣлаетъ лишь общее наставленіе: „Отъ всѣхъ обрѣтающихся брашенъ, аще и сладкихъ, пріимати по малу: се есть смысленныхъ разсужденіе“, говоритъ онъ,—а не ова избирати, ова же отлагати“... Непомѣрному пощенію Нилъ не сочувствуетъ: для подавленія страстей полезно уменьшать пищу, но вообще „неподобаетъ —говоритъ онъ словами Василія Великаго—брашны, ими же составляется тѣло, ратовати è“... Нилъ Сорскій вообще врагъ всякой внѣшности; онъ считаетъ излишнимъ имѣть въ храмахъ дорогіе сосуды, золотые или серебрянные, и вообще украшать церкви: „еще ни одинъ человѣкъ не осужденъ Богомъ за то, что онъ не украшалъ храмовъ“... Церкви должны быть чужды всякаго великолѣпія; въ нихъ нужно имѣть только необходимое —„повсюду обрѣтаемое и удобь покупаемое“. Чѣмъ жертвовать въ церковь,—лучше раздать нищимъ... Подвигъ нравственнаго самосовершенствованія долженъ быть разумносознательнымъ. Инокъ долженъ проходить его не въ силу принужденій и предписаній,—а „съ разсмотрѣніемъ“,—„вся съ разсужденіемъ творити“... „Ты, какъ свѣча, говорили русскому иноку прежде,—воленъ только до церковныхъ дверей, а потомъ, не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ; ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до монастыря“... Нилъ Сорскій, ученикъ Паисія и глава „бѣлозерскихъ старцевъ“, смотритъ на инока не такъ. Онъ требуетъ отъ инока не механическаго послушанія, а сознательности въ подвигѣ. Здѣсь, какъ вездѣ,—„самая добрая и благолѣпная дѣланія, говоритъ Нилъ, съ разсужденіемъ подобаетъ творити. Вся дѣйствоваемая мудрованіемъ предваряти,—безъ мудрованія бо и добрая на злобу бываетъ“... Рѣзко возставая противъ „самочинниковъ“ и „самопретыкателей“, „старцы“ не уничтожаютъ въ инокѣ, личной свободный воли.

Преподавая въ своемъ *Правилѣ ученикомъ* — родъ монастырскаго устава—совѣты и наставленія, Нилъ Сорскій всегда даетъ ихъ подъ условіемъ,—„аще произволяютъ“,—„аще угодно Богу и полезно душамъ“; „аще же кто о сихъ вящшее и полезнѣйшее разумѣваеть, прибавляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ— и онъ та́ко да творитъ, и мы о семъ радуемся“... Это признаніе правъ личнаго, свободнаго разумѣнія, вмѣсто безотчетнаго, рабскаго „послушанія“ представляетъ характерную черту въ общемъ кругѣ воззрѣній Нила Сорскаго и всѣхъ „бѣлозерскихъ старцевъ“...

Личная воля инока (а равно и каждаго человѣка) должна подчиняться, по взгляду „старцевъ“, только одному авторитету—„божественнымъ писаніямъ“. Это—единственный источникъ къ познанію нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей инока. „Испытую божественныя писанія“, пишетъ Нилъ къ своимъ друзьямъ, „и тѣмъ внимаю; и аще что́ случится творити ми,—аще не обрящу то во св. писаніяхъ, отлагаю се на время, дондеже обрящу“.... „Свяжи себе законы божественныхъ писаній, пишетъ онъ одному изъ своихъ учениковъ,—и послѣдуй тѣмъ.., и безъ свидѣтельства писаній не твори что́“!.. „Буди же усерденъ къ послушанію божественныхъ писаній—пишетъ онъ другому—и сихъ глаголы, яко водою духовною напаяя свою душу, тщися, елико по силѣ, по сихъ творити“... „Испытаніе“ божественныхъ писаній, изученіе ихъ—главная обязанность инока. Любовь къ этому „испытанію“, вообще книжныя занятія, были повидимому отличительною чертою „старцевъ“. „Тѣми (писаніями) поучаюся, замѣчаетъ Нилъ Сорскій, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю“.. И аще кто, прибавляетъ онъ, любовію духовною прилѣпляется мнѣ,—такожде совѣтую дѣлати“.. Недостойная жизнь иноковъ и вообще человѣка исключительно зависитъ, по мнѣнію „старцевъ“,—„отъ еже не вѣдѣти намъ святая писанія“... И въ защитѣ своихъ мнѣній „старцы“ стараются исключительно стоять на этой почвѣ „писаній“,—защищая себя ссылками

„отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ",—на своихъ противниковъ смотря лишь, какъ на „незнающихъ писанія" или „клевещущихъ истину евангельскую"...

Впрочемъ, по мнѣнію „старцевъ", писанія—„не вся божественна суть"... Съ изученіемъ божественныхъ писаній должно быть соединяемо критическое отношеніе къ общей массѣ письменнаго матеріала. „Писанія многа, но не вся божественна",—и слѣдовать нужно писаніямъ „истиннымъ, божественнымъ"... Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны книжныя занятія самого Нила Сорскаго. Переписывая книги, онъ подвергаетъ списываемый матеріалъ болѣе или менѣе тщательной критикѣ. Онъ списываетъ „съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правый",—дѣлаетъ сводъ наиболѣе вѣрнаго; сличая списки и находя въ нихъ „многа неисправлена",—старается исправлять, „елико возможно его худому разуму".. Въ случаѣ, если иное мѣсто кажется ему „неправымъ", а исправить не́ почему, Нилъ оставляетъ въ своихъ рукописяхъ пробѣлъ, съ замѣткой на поляхъ: „отъ здѣ въ спискахъ не право", или: „аще гдѣ въ иномъ переводѣ (подлинникѣ) обрящется извѣстнѣйше сего, тамо да чтется", — и оставляетъ такъ пустыми иногда цѣлыя страницы. Вообще онъ списываетъ только то, что́ „по возможному согласно разуму и истинѣ"... То же критическое отношеніе къ „писаніямъ" мы видимъ и у Вассіана Патрикѣева, и вообще въ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ школы „заволжцевъ"... „Бѣлозерскіе старцы" рекомендуютъ такимъ образомъ не простое чтеніе „писаній", „почитаніе книжное" (о необходимости котораго у насъ говорилось съ XI вѣка), но сознательное, критическое усвоеніе читаемаго. Эта мысль о критикѣ является новой, чрезвычайно характерной чертой въ воззрѣніяхъ „старцевъ", и для тогдашняго круга грамотниковъ особенно необычной. Въ глазахъ послѣднихъ—всякая вообще „книга" (кромѣ тѣхъ „ихъ-же не подобало чести", граница которыхъ однако была крайне неопредѣленна и подвижна), все написанное—носило характеръ одинаковаго

авторитета, являлось одинаково непререкаемымъ, „боговдохновеннымъ“. И книги св. Писанія въ строгомъ смыслѣ, и творенія отцовъ церкви, и житія святыхъ, и патерики, и правила св. апостоловъ и соборовъ, и толкованія на эти правила, и добавленія къ нимъ, явившіяся впослѣдствіи, наконецъ, даже разнаго рода „градстіи законы“, т. е. указы и распоряженія византійскихъ императоровъ, и еще болѣе поздвія дополнительныя статьи къ нимъ, вошедшія въ Кормчую—все это въ глазахъ древнерусскаго читателя являлось одинаково неизмѣннымъ, неприкосновеннымъ, все это безразлично носило названіе „божественныхъ писаній“... Іосифъ Волоколамскій, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, прямо доказываетъ, что напр. упомянутые „градстіи законы“—„подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ“, а сборники Никона Черногорца (простого греческаго монаха XI вѣка) смѣло называетъ „боговдохновенными писаніями“... Понятны поэтому укоры со стороны Іосифа—Нилу Сорскому и его ученикамъ, что „Нилъ и ученикъ его Васьянъ похулиша въ русской землѣ чудотворцевъ, иже въ древняя лѣта... бывшихъ чудотворцевъ,—чудесемъ ихъ невѣроваша и отъ писанія измѣташа чудеса ихъ“... И Вассіянъ долженъ былъ защищаться: „Сіе Іосифе, лжеши на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцовъ и древнихъ и новыхъ. Чудесъ изъ ихъ святыхъ писаній ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, а наипаче исправилъ съиныхъ, съправыхъ списковъ“... Одна попытка сколько нибудь критическаго отношенія къ списываемому матеріалу даже лучшимъ людямъ казалась ересью...

Стремясь къ евангельскому идеалу, „бѣлозерскіе старцы“ не скрываютъ своего осужденія тѣмъ „нестроеніямъ“, которыя они видѣли въ большинствѣ современнаго русскаго монашества. Паисій Ярославовъ тщетно пытается обратить подчиненныхъ ему иноковъ „на божій путь, молитву, постъ, воздержаніе“...,—и молча протестуетъ, оставляя игуменство и уходя

изъ монастыря. Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ вооружаются противъ монастырской деморализаціи открыто. „Нѣкогда святое житіе иноческое — нынѣ мерзко бысть“, пишетъ Нилъ. „Отягчаются вся грады и веси отъ лжемонаховъ, обходящихъ и обтекающихъ всуе. Смущаются вси домувладыки—видяще тѣхъ прошаковъ безстудно у дверей своихъ пребывающихъ“... Вассіанъ Патрикѣевъ съ еще бо́льшей рѣзкостью обличаетъ „презлыхъ осифлянъ“,—которые „не токмо яко мирстіи человѣцы живутъ, но и горше того“...

„Бѣлозерскіе старцы“, и во главѣ ихъ Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, какъ мы уже упоминали выше, выступили энергичными противниками монастырскихъ имуществъ, горячими проповѣдниками первобытной иноческой нищеты. Это вытекало непосредственно изъ общаго взгляда ихъ на сущность и цѣли иночества. Всякую собственость они считаютъ противорѣчащей иноческимъ обѣтамъ, рѣшительно несовмѣстимой съ стремленіями „инока“: инокъ отрекается отъ міра и всего, „яже въ немъ“; какъ же послѣ этого онъ можетъ тратить время на заботы о мірскихъ имуществахъ, земляхъ, богатствахъ?.. Иноки должны питаться исключительно своими трудами; даже подаянія могутъ принимать лишь въ крайнихъ случаяхъ. Они не должны „не точію не имѣти имѣнія, но ни желати то стяжавати“... Обязательное для инока „старцы“ считаютъ обязательнымъ и для монастыря: монастырь есть лишь собраніе людей съ одинаковыми, одними и тѣми же, цѣлями и стремленіями,—предосудительное иноку поэтому предосудительно и монастырю... Вопросъ о монастырскихъ имуществахъ имѣлъ животрепещущее значеніе, и отрицательное отношеніе къ нему „старцевъ“ естественно не могло не быть одною изъ главныхъ причинъ враждебности къ „старцамъ“ такихъ людей, какъ Іосифъ Волоцкій, а равно, съ другой стороны, открытой вражды „старцевъ“ къ „презлымъ осифлянамъ“,—причиной, „почему Кири-

лова монастыря старцы Іосифовыхъ старцевъ не любили": по отзыву современника,—„то была межъ нихъ первая нелюбка"...

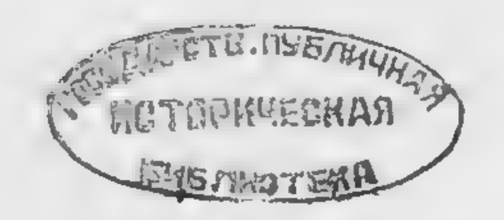
Вмѣстѣ съ проповѣдью идеальной иноческой нестяжательности,—„бѣлозерскіе старцы" явились проповѣдниками бóльшей религіозной терпимости. Это касалось другого чрезвычайно важнаго общественнаго вопроса времени, дѣла о „новгородскихъ еретикахъ"; болѣе снисходительное отношеніе къ нимъ „старцевъ" было, по отзыву того же современника, новой причиной вражды къ „старцамъ" „осифлянъ",—„второй межъ нихъ нелюбкой"... „Старцы" дѣйствительно въ этомъ случаѣ столь же рѣзко расходились съ господствовавшими взглядами, какъ и въ вопросѣ о монастырскихъ имуществахъ. Большинство духовенства смотрѣло совершенно иначе. Даже лучшіе его представители, напр. знаменитый нов. арх. Геннадій, совѣтуютъ собравшимся въ Москвѣ для суда надъ еретиками епископамъ—„токмо того-для учинити соборъ, что ихъ (еретиковъ) казнити, жечи да вѣшати".. Другой современникъ, Іосифъ Волоцкій, доказываетъ въ особомъ посланіи, что еретика и отступника подобаетъ „не токмо осужати, но и проклинати..., и въ заточеніе посылати и казнямъ лютымъ предавати,—а всѣмъ, Христа любящимъ, подобаетъ всяко тщаніе и подвигъ и богомудростная коварства (!) показати, еже крыющаяся еретики испытовати и искати и истязати"...; что вообще—„еретика или грѣшника руками убити или молитвою—подвергнуть тѣлесной, гражданской казни или духовной, церковной—е д и н о е с т ь".. Бѣлозерскіе старцы выступаютъ рѣшительными противниками этого суроваго взгляда, и въ коллективномъ *посланіи*, стоя на почвѣ евангельской любви и прощенія—по пунктамъ разбиваютъ приводимые доводы Іосифа. Приводимъ это амѣчательное посланіе сполна,—оно фактически характеризуетъ воззрѣнія „старцевъ":

Кирилова монастыря старцы и вси заволожстіи старцы положили тому посланію старца Іосифа (настоящее посланіе „старцевъ" слѣдуетъ въ рукописи непосредственно за

„посланіемъ старца Іосифа на Волокѣ... о Касьянѣ архимандритѣ и о прочихъ еретицѣхъ",—отвѣтомъ на которое и служитъ) *свидѣтельства отъ божественнаго писанія сопротивно*, что некающихся еретиковъ и непокоряющихся велитъ заточити, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающихъ церковь Божія пріемлетъ простертыма дланьма. Грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотися, пріиде взыскати и спасти погибшая. А что, господине старецъ Іосифъ, Моисей скрижали разбилъ, тако есть, но егда Богъ хотя погубити Израиля поклоншаяся тельцу, тогда Моисей ста впреки Господеви и рече: Господи, аще сихъ погубиши, то и мене прежде сихъ. И Богъ не погуби Израиля Моисея ради. Видиши-ли, господине, яже любовь Моисеева и согрѣшающи зло превозможе и утоли гнѣвъ Божій. Такоже, господине, и Илья пророкъ, ревнуя по Господѣ Вседержители, закла четыреста жрецъ вааловыхъ понеже не каястася; а ижъ отъ нихъ покаяшася, сихъ пріятъ на покаяніе. Отъ сихъ же бысть Авдей пророкъ, и пророческаго дара сподобленъ бысть. А Финеесъ, господине, проболъ оружіемъ братана, блудяща съ мадіамлянынею, понеже на всемъ тогда Израили грѣхъ той бысть. Намъ же въ новѣй благодати яви Владыко Христосъ любовный союзъ, еже не осуждати брату о томъ, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая, рече: не судите, не осуждени будете. И егда приведоша къ нему жену въ прелюбодѣяніи яту, тогда Премилостивый Судія рече: иже не имать грѣха, да вержетъ на ню первіе камень. Потомъ самъ главу преклонь, и писа коегождо ихъ согрѣшенія. Тако возрази убійственную руку жидовскую, кождо по своимъ дѣломъ пріиметъ отъ Бога въ день судный. Аще же ты повелѣваеши брату брата согрѣшша убити, то вскорѣ суботство будетъ и вся ветхая закона, ихъ же Богъ ненавидитъ. И Петръ апостолъ Симона волхва молитвою разби, понеже прозвася прелукавый злодѣй Сыномъ Божіимъ, при Неронѣ цари, и того ради достойный судъ пріятъ отъ Бога за превеликую лесть и злобу.

И ты, господине Іосифе, сотвори молитву да иже недостойнiи еретицы то земля ихъ пожретъ. Аще ли пріемлетъ Богъ еретика на покаяніе, то не услышенъ будеши отъ Бога. Разумѣи бо разбойника исповѣданіемъ спасена, и мытаря милостію очищена, и блудницу плачющуся предъ нимъ прощену, и дщерію ея Владыка прозва. И Павелъ апостолъ Елиму волхва молитвою ослѣпи, понеже искаше антипата развратити отъ вѣры. А самъ ап. Павелъ пиша: азъ быхъ былъ анафема отъ Христа моего, сирѣчь проклятъ, токмо братія моя спасайся израильтяне. Видиши ли, господине, душу свою полагаетъ за соблазнившуюся братію, дабы спастися, а не реклъ имъ, дабы ихъ огнь пожегъ или земля пожерла,—а могли отъ Бога сія вся пріяти. А Левъ, господине, Катанскій епископъ, Леодора волхва патрахилью связа и сожже, и другаго волхва Исидора такожде молитвою сожже при гречестѣмъ цари; и ты, господине Іосифе, почто не испытаешь своей святости, не связа Касьяна архимандрита своею манатіею, донели же бы онъ згорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ связана,—и мы бы тя яко единого отъ трехъ отрокъ изъ пламени изшедша пріяли. Поразумѣй, господине Іосифе, яко много разньство промежъ Моисея и Иліи и Петра апостола и Павла,—да и те отъ нихъ. Ктобы, господине, вѣдалъ многое Божіе милосердіе, аще не бы самъ показалъ человѣкомъ, пріемля грѣшники кающася, яко же и блудницу и мытаря, якоже онаго Манасію сквернаго, иже пятдесятъ лѣтъ и два лѣта идоломъ служилъ, и весь Израиль беззаконьствовати сотвори и во единъ часъ покаяся, прощеніе получи. Видиши ли, господине, колико душъ израильтескихъ людей въ пятдесятъ лѣтъ и въ два лѣта погибе, имъже повиненъ бысть Манасія царь. Но одолѣ человѣколюбіе Божіе злу̀ Манассіину. Затворенъ бывъ въ мѣди въ Вавилонѣ и тако покаяся Господеви. Ангелъ Господень развергль мѣдь и принесе его во Іерусалимъ и поживѣ прочее лѣто въ покаяніи. И апостолу Петру вопросившу Господа и рече: Господи! аще братъ въ мя согрѣшитъ до седьмижды ли прощу его днемъ?

12

И рече Господь: не глаголю ти до седьмижды, но и до седьмдесятъ седмерицею прости его. Оле милости твоея, человѣколюбче! Слава неизреченнымъ твоимъ щедротамъ, Господи. Ино и истиннымъ судомъ милостивъ и долготерпѣливъ о злобахъ человѣческихъ наречеся,—праведныхъ бо любиши, а грѣшныхъ милуеши, нынѣ и въ безконечныя вѣки. аминь. [Памятникъ этотъ напечатанъ въ „Древн. Росс. Вивліоѳикѣ", Новикова, ч. XVI, изд. 2-ое. М., 1791, стр. 423—424; здѣсь помѣщается нами сполна, по Сборнику XVII в. Моск. Синод. б-ки, № 623, стар. кат., л. 209—209 об.].

Стоя на различныхъ точкахъ зрѣнія, бѣлозерскіе иноки нерѣдко расходились съ большинствомъ современнаго духовенства и по другимъ, болѣе частнымъ, церковнымъ вопросамъ. Такимъ былъ напр. вопросъ о „вдовыхъ попахъ". Извѣстно, что на соборѣ 1503 года всѣ вдовые священники и діяконы были лишены права священнослуженія. „Бѣлозерскіе старцы", во главѣ съ Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, присутствовавшими на соборѣ, высказались противъ соборнаго опредѣленія. Взгляды „старцевъ" поддерживались и нѣкоторыми отдѣльными лицами; протестъ противъ соборнаго рѣшенія подалъ напр ростовскій священникъ Георгій Скрипица, и также тщетно... Извѣстно, что взгляды бѣлозерскихъ иноковъ впослѣдствіи, на московскомъ соборѣ 1666—1627 гг., восторжествовали.

Таковы были въ общихъ чертахъ идеи направленія, во главѣ котораго стоялъ Паисій Ярославовъ и „ученикъ" его, Нилъ Сорскій. Идеи „старцевъ" вызвали большую полемику,—но въ ней не участвовалъ ни Паисій, ни его „ученикъ": она всецѣло была предоставлена ими болѣе молодому и энергичному преемнику, кн.-ин. Вассіану Патрикѣеву; ему, вѣроятно, и принадлежала бóльшая часть всего написаннаго отъ имени „заволжцевъ". И Паисій и Нилъ держали себя въ сторонѣ. О Паисіи Ярославовѣ въ этомъ отношеніи имѣется даже еще менѣе прямыхъ извѣстій, чѣмъ о Нилѣ Сорскомъ,—хотя и

дошедшія, при всей ихъ краткости и отрывочности, довольно опредѣленно указываютъ симпатіи знаменитаго старца, солидарность его взглядовъ съ взглядами и симпатіями позднѣйшаго энергичнаго ученика... На соборѣ 1503 года Паисій Ярославовъ вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ выступаютъ открытыми противниками монастырскихъ имуществъ. Предполагаютъ, что на авторитетъ знаменитыхъ старцевъ болѣе всего разсчитывалъ опереться Иванъ III, въ своей борьбѣ противъ вотчинныхъ правъ монашества: оба вождя „заволжцевъ" призываются на соборъ и имъ предоставляется иниціатива дѣла... Вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ Паисій Ярославовъ повидимому держался болѣе вѣротерпимыхъ взглядовъ и въ дѣлѣ о новгородскихъ еретикахъ. Мы видѣли, въ 1489 г. архіеп. Геннадій дѣлаетъ попытку привлечь ихъ къ борьбѣ съ ересью,—приглашаетъ ученыхъ старцевъ къ себѣ. Неизвѣстны результаты стараній Геннадія; но, кажется, они были несовсѣмъ таковы, каковыхъ желалось. По крайней мѣрѣ, больше мы не видимъ никакихъ сношеній Геннадія ни съ Паисіемъ, ни съ Ниломъ. Къ нимъ не обращается и главный противникъ ереси, волоколамскій игуменъ; какъ и Геннадій, онъ не имѣетъ съ ними никакихъ сношеній... Между тѣмъ, оба старца не относились къ дѣлу безучастно: мы видимъ ихъ на соборѣ 1490 года, разбиравшемъ дѣло еретиковъ,—и едва ли даже это присутствіе не вліяетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на соборное постановленіе... Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ рѣшеніе собора 1490 года: приговоръ этого собора далъ совсѣмъ не то, чего ожидали. Накапунѣ соборныхъ засѣданій Геннадій пишетъ собравшимся въ Москву іерархамъ: „Вамъ, своей братіи, пишу. Митрополитъ бы съ вами, съ моею братіею, тѣхъ всѣхъ еретиковъ проклялъ, да и тѣхъ, къ кому они приходили въ соглашеніе, или кто по нихъ руку держалъ, или кто о нихъ печальникъ, или кто нибуди послѣдовалъ ихъ прелести,—тѣхъ бы всѣхъ отецъ митрополитъ да и вы, наша братія, проклятью предали. Да бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей

съ ними не плодили; токмо того-для учинити соборъ, что ихъ казнити—жечи да вѣшати... Да пытали бы на нихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили... Да не плошитеся: станьте крѣпко"... Повидимому, этотъ взглядъ вполнѣ раздѣлялся и большинствомъ: по сохранившемуся извѣстію, всѣ іерархи „стали крѣпко" и единогласно заявили, что „вся (всѣхъ еретиковъ) сожещи достоитъ"... И однако, что́ же въ результатѣ? Соборъ проклинаетъ двухъ-трехъ поповъ-еретиковъ, лишаетъ ихъ сана, и отсылаетъ обратно къ Геннадію; о тѣхъ же, „къ кому они приходили въ соглашеніе" или „кто по нихъ руку держалъ", или о томъ, что кого-либо „сожещи достоинъ"—ни слова. Какъ произошелъ такой неожиданнный поворотъ?.. По упомянутому извѣстію, противъ мнѣнія „всѣхъ" возсталъ митрополитъ Зосима: „Егда вси (архіепископы и епископы) рѣша, яко вся сожещи досто́итъ,—егда же дойде до Зосимы митропоиита, той рече: достоитъ ꙗ҆ проклятію предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу; занеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію"... Соборный приговоръ такимъ образомъ, судя по извѣстію, былъ собственно мнѣніемъ митрополита; но неужели онъ одинъ, безъ сторонниковъ, могъ такъ рѣзко воспротивиться голосу всего собора? Не было ли мнѣніе митрополита поддержано и нашими старцами?.. И не потому ли Іосифъ Волоцкій съ такой готовностью заподозривалъ и Нила Сорскаго и его ученика въ ереси?..

Архіеп. Геннадій, преслѣдуя новгородскихъ еретиковъ „градскими" казнями, въ то же время хотѣлъ бороться съ ними и духовнымъ оружіемъ—на почвѣ образованія, просвѣщенія. Онъ приглашаетъ къ себѣ ученыхъ старцевъ Паисія Ярославова и Нила Сорскаго—„о ересѣхъ тѣхъ поговорити", разыскиваетъ по монастырямъ книги, нужныя для

борьбы съ еретиками,—любопытно, что многихъ изъ такихъ книгъ не было у православныхъ, даже у самого архіепископа; съ цѣлью противодѣйствовать ложнымъ слухамъ о близкой кончинѣ міра, составляетъ *Пасхалію*,—этими слухами также пользовались „еретики", и т. д. Съ той же цѣлью—бороться съ еретиками духовнымъ оружіемъ—Геннадій приступаетъ къ составленію славянскаго *Библейскаго кодекса*. Это—величайшее дѣло, созданное трудами Геннадія, вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ наиболѣе раннихъ фактовъ вліяній у насъ Запада.

Дѣло было весьма важнымъ и само по себѣ. До самаго конца XV вѣка ни въ русской письменности, ни у южныхъ славянъ не было библейскаго канона. Библейскія книги, какъ и всякія другія, предлагались древнерусскому читателю въ различныхъ сборникахъ, самыхъ разнообразныхъ по содержанію,—вмѣстѣ и рядомъ съ сочиненіями отцовъ церкви, житіями святыхъ, разными поученіями, историческими статьями и отрывками, съ сочиненіями апокрифическими, наконецъ, даже прямо съ свѣтскими повѣстями, вродѣ извѣстной „Александріи"... Оріентироваться среди этого литературнаго хаоса было слишкомъ трудно для „препростыхъ" древнерусскихъ читателей,—и этимъ опредѣляется значеніе дѣла Геннадія. Онъ впервые выдѣлилъ библейскія книги изъ хаотической письменной массы, собралъ ихъ въ одинъ кодексъ, и тѣмъ положилъ основаніе славянской Библіи. Трудъ Геннадія составилъ эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго канона, и легъ въ основаніе последующихъ печатныхъ изданій. Внутреннія достоинства кодекса были довольно условны; кодексъ не отличался даже единствомъ языка въ своихъ текстахъ: одни изъ библейскихъ книгъ вошли въ кодексъ въ древнѣйшемъ, можетъ быть, даже кирилло-меѳодіевскомъ переводѣ, другія—въ значительно подновленномъ, вообще позднѣйшемъ текстѣ; нѣкоторыя книги, вѣроятно, совсѣмъ не найденныя Геннадіемъ въ тогдашней русской письменности, были переведены вновь,—и притомъ съ латинской библіи Вульгаты, а не съ греческаго

текста, наконецъ, часть одной книги была переведена прямо съ еврейскаго...

Вліяніе на трудъ Геннадія латинской Вульгаты было особенно знаменательнымъ: Геннадій взялъ Вульгату своимъ главнымъ руководствомъ—вмѣсто библіи греческой. Расположеніе, порядокъ книгъ, раздѣленіе ихъ на главы—сдѣланы по Вульгатѣ; изъ той же Вульгаты заимствованы руководительныя статьи, находящіяся въ кодексѣ передъ каждой книгой въ видѣ предисловій,—чего не находится въ Библіи греческой. Въ Вульгатѣ совсѣмъ нѣтъ 3-ей гниги Маккавей,—ея нѣтъ и въ кодексѣ Геннадія... Кромѣ латинской Вульгаты, Геннадій пользуется нѣмецкой библіей,—уже бывшей тогда напечатанной. Во всѣхъ спискахъ Геннадіевой Библіи читается нѣсколько статей вводнаго характера,—переведенныхъ Герасимовымъ изъ какого-то нѣмецкаго изданія Библіи XV в.

Вообще библейскій кодексъ Геннадія является весьма любопытнымъ фактомъ раннихъ вліяній у насъ Запада. Любопытно трудъ Геннадія въ этомъ отношеніи сопоставить съ изданіемъ *Острожской Библіи 1580—1581 года.* Острожское изданіе Библіи было не только „дорогимъ подаркомъ для православной церкви“, но составило вторую, и едва ли не болѣе важную сравнительно съ трудомъ Геннадія, эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго текста. Изданіе это было не только величайшимъ религіознымъ подвигомъ, въ высшей степени важнымъ для поднятія религіознаго образованія среди православныхъ юго-западной Руси, въ виду происходившей здѣсь въ это время борьбы двухъ вѣроисповѣданій и народностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшимъ научнымъ трудомъ, исполненнымъ въ строго-православномъ, греко-восточномъ направленіи. Полученный изъ Москвы списокъ Геннадіевскаго кодекса острожскіе издатели подвергли тщательному пересмотру и исправленію: они сличаютъ славянскіе списки выбирая лучшій, прежній славянскій переводъ вновь провѣряютъ по гре-

ческому оригиналу, восполняя пропуски, уничтожая посторонния вставки, приводя въ порядокъ раздѣленіе главъ, исправляя чтеніе собственныхъ именъ и т. д. и т. д. Это сличеніе съ греческимъ текстомъ являлось особенно важной стороной дѣла: латинскія уклоненія Геннадіевскаго кодекса острожскіе издатели исправляютъ по тексту греческой Библіи. Здѣсь и заключалось существенное различіе двухъ трудовъ. Геннадіевскій кодексъ держался латинской Вульгаты; острожскіе издатели—канона греческой Библіи. Книги, внесенныя въ кодексъ Геннадія въ переводѣ съ латинскаго,—острожскіе издатели исправляютъ по греческому тексту; *Кн. Есѳирь*, переведенную въ Геннад. кодексѣ отчасти съ еврейскаго, отчасти съ латинскаго, *3-ю книгу Маккавеевъ*, совсѣмъ опущенную въ Геннадіевскомъ кодексѣ (ея нѣтъ и въ латинской Библіи),—острожскіе издатели вносятъ въ свое изданіе въ собственномъ переводѣ съ греческаго, слѣдуя греческому канону, и т. д. Такъ образ. точки отправленія двухъ трудовъ были діаметрально противоположны,—соотвѣтственно тѣмъ литературнымъ теченіямъ, на почвѣ которыхъ они возникли. Въ одномъ случаѣ рѣзко сказывалось вліяніе Запада, уже съ XIV—XV вв. начавшаго сильно обнаруживаться въ Новгородѣ и въ Псковѣ...; въ другомъ—вліяніе Византіи, стремленіе противопоставить вліянію латинства авторитетъ греческаго Востока... Само собою разумѣется, что иногда и острожскіе издатели, въ извѣстной степени, не могли не подпасть вліянію Вульгаты: авторитетъ присланнаго имъ изъ московской православной Руси библейскаго списка не могъ на нихъ не дѣйствовать... Любопытно между прочимъ то обстоятельство: ни Геннадій, ни позднѣе Максимъ Грекъ не могли найти въ московской Руси людей, „греческымъ языкомъ умѣющихъ“,—почему и должны были обращаться къ „латынщикамъ“; вокругъ Константина Острожскаго, очевидно, такіе люди были...

Однимъ изъ первыхъ наиболѣе видныхъ представителей „западнаго образованія“ въ московской Руси былъ Димитрій Герасимовъ († ок. 1530 г.),—„Митя Малой, толмачъ латынской“, по выраженію Никон. лѣтописи, приближенный человѣкъ къ архіеп. Геннадію. Происхожденіе Герасимова неизвѣстно; образованіе онъ получилъ въ Ливоніи, и рано поступилъ толмачемъ въ посольскій приказъ. Вѣроятно, онъ уже рано выдался своими способностями; покрайней мѣрѣ уже скоро московское правительство отправляетъ его съ важными порученіями сначала въ Швецію и Данію, потомъ въ Пруссію и Вѣну, позднѣе, ок. 1525 г., въ Римъ. Въ Римѣ Герасимовъ между прочимъ близко сходится съ извѣстнымъ Павломъ Іовіемъ; послѣдній пользуется отъ него различными свѣдѣніями о состояніи современной Руси и т. п. Съ Герасимовымъ былъ знакомъ и Герберштейнъ,—который также былъ обязанъ ему нѣкоторыми сообщеніями. Литературная дѣятельность Герасимова состояла въ переводахъ. Ему принадлежалъ цѣлый рядъ переводовъ съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ,—наиболѣе раннія у насъ въ этомъ отношеніи „новшества“... Мы выше упоминали о его переводахъ изъ нѣмецкой Библіи. Кромѣ того, повидимому Герасимовымъ же были переведены съ латинскаго: Николая Делиры *Противъ іудейскаго безвѣрія* (1501) и Самуила Евреина *Обличеніе на іудейская блужденія* или *на богоотметныя жидове* (1503): переводы эти были вызваны борьбой съ ересью жидовствующихъ и сдѣланы были по повелѣнію Геннадія. Позднѣе Герасимовъ перевелъ *Толкованія на псалтырь* вюрцбургскаго епископа Брунона. Изданіе псалтыри Брунона, съ котораго сдѣланъ переводъ, достовѣрно неизвѣстно... Еще ранѣе, въ 1500 г., Герасимовымъ были переведены „изъ нѣмецкія Псалтыри“ *Надписанія псалмовъ*—„а велѣлъ переводить архіепископъ Геннадій новгородскій“, замѣчается въ послѣсловіи. Трудъ перевода этихъ „написаній“ (заглавій) былъ совмѣстный съ самимъ Геннадіемъ: въ этомъ же пре-

дисловіи прибавлено: „Переводилъ Митица Малый (Димитрій Герасимовъ). А преже того года за два переводилъ архіепископъ...,—и потомъ Митя; а тутъ же опять Митя“... Герасимову приписываютъ также переводъ сочиненія нѣкоего Іосифа, крещенаго еврея, *Объ іудеяхъ, крестившихся въ Африкѣ*,—встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ XVI в. Герасимовъ былъ вообще однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ архіеп. Геннадія. Нерѣдко Геннадій обращался къ нему и съ другими литературными порученіями; такъ Геннадій между прочимъ проситъ Герасимова—когда тотъ былъ въ Римѣ — справиться тамъ по книгамъ на счетъ „сугубой аллилуіи“, на что̀ Герасимовъ отвѣчалъ, что объ этомъ ничего не говорится въ римскихъ книгахъ; Герасимову же, въ его бытность въ Римѣ, Геннадій поручаетъ навести справки о пасхаліи,—и тотъ высылаетъ новг. архіепископу *Миротворный кругъ* (пасхалію съ относящимися къ ней разными статьями). Герасимову же приписываютъ переводъ одного латинскаго трактата противъ мірянъ, вступающихся въ дѣла церкви. По пріѣздѣ въ Россію Максима Грека, Герасимовъ является и для него главнымъ сотрудникомъ по переводу книгъ, вмѣстѣ съ нѣкіимъ Власіемъ: Максимъ диктовалъ имъ свой переводъ съ греческаго на латинскій, а Герасимовъ и Власій съ латинскаго переводили на славянскій... Кромѣ отвѣтнаго посланія Герасимова къ Геннадію относительно „аллилуіи“, отъ Герасимова сохранилось *посланіе къ дьяку Мисюрѣ* объ образѣ „Ветхаго денми“: образъ этотъ вызывалъ сомнѣнія. Съ именемъ Димитрія Герасимова наконецъ, связана, какъ мы видѣли, ная „Повѣсть о бѣломъ клобукѣ“.

Едва ли не наиболѣе любопытнымъ трудомъ Димитрія Герасимова былъ переводъ латинскаго *Доната*, извѣстнаго средневѣкового учебника по латинской грамматикѣ. Переводъ особенно любопытенъ потому, что является самымъ раннимъ фактомъ вліянія у насъ Запада въ области научныхъ, грамматическихъ знаній.

Недавно Академіей Наукъ изданъ классическій трудъ акад. Ягича: Разсужденія южно-славянской и русской старины о древне-славянскомъ языкѣ (Спб., 1885—1895). Огромный фоліантъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, in 4°, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ югославянской и древнерусской письменности по церковнославянскому языку, отчасти историческаго характера,—относительно древнѣйшей исторіи его алфавита, о переводѣ на него книгъ св. Писанія,—преимущественно же содержанія ороографическаго и грамматическаго. Въ ряду этихъ текстовъ изданъ и переводъ Герасимова. Изданные памятники и богатыя присоединенныя къ текстамъ объясненія и примѣчанія И. В. Ягича—наглядно представляютъ намъ уровень древнерусской „науки“ въ данной области и мѣсто, которое занималъ здѣсь трудъ Герасимова.

Древнерусскія грамматическія знанія, какъ извѣстно, были далеко не обширны. Главными источниками ихъ были—до XV—XVI ст., а отчасти и позднѣе—извѣстное *предисловіе* Іоанна экзарха Болгарскаго къ Богословію Дамаскина, перешедшее къ намъ на самыхъ первыхъ порахъ, и не менѣе извѣстная статья *О осьми частяхъ слова,* составленіе которой долгое время приписывали тому же Іоанну Дамаскину, а переводъ на слав. языкъ тому же экзарху болгарскому Іоанну,—и которая, на самомъ дѣлѣ, какъ это окончательно доказано акад. Ягичемъ, написана была не ранѣе XIV в., гдѣ нибудь въ Сербіи, по греческимъ источникамъ. Обѣ названныя статьи были у насъ самыми распространенными даже въ XVI и XVII вв. Съ XVI-го в. въ область грамматическихъ знаній древней Руси начинаютъ проникать новыя свѣдѣнія. Прежде всего древнерусскія грамматическія знанія значительное расширеніе получаютъ въ сочиненіяхъ Максима Грека,—въ ихъ „богатой грамматической содержательности“. Многія сочиненія Максима, особенно критико-полемическія и апологическія, „построены главн. образомъ на умѣньѣ пользоваться

грамматическимъ толкованіемъ. Его аргументація нерѣдко цѣликомъ основывается на разсужденіи грамматическаго свойства... Толкованія подобнаго рода—гдѣ указывается на греческій источникъ и дается анализъ слова съ точнымъ опредѣленіемъ значенія—были въ то время для громаднаго большинства читателей (или слушателей) совершенною новостью, доказательствомъ замѣчательной учености"... Отсюда—быстрый и высокій филологическій авторитетъ Максима Грека въ древней Руси, въ глазахъ и его современниковъ и дальнѣйшаго потомства. Достаточно указать, замѣчаетъ изслѣдователь, на московское изданіе грамматики Смотрицкаго (1648),—увеличенное противъ перваго изданія, виленскаго, въ началѣ книги и въ концѣ различными статьями общаго содержанія: они по бо́льшей части почерпнуты изъ сочиненій Максима Грека. Видно, что въ первой половинѣ XVII столѣтія для Москвы Максимъ считался по этимъ вопросамъ авторитетомъ, на ряду съ отцами церкви, въ особенности Іоанномъ Дамаскиномъ, которому приписывали упомянутую статью „о восьми частяхъ слова"... Съ XVI в. древне-русскій грамматическій матеріалъ вообще замѣтно увеличивается. „Начиная съ XVI столѣтія, говоритъ акад. Ягичъ, попадаются въ рукописныхъ сборникахъ все чаще и чаще статьи грамматическаго содержанія. Разобраться въ пестромъ матеріалѣ подобныхъ сборниковъ—дѣло очень трудное: рукописи отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, у каждой свой особенный составъ. Правда, довольно часто одна и таже статья повторяется во многихъ сборникахъ, но почти всегда въ другой обстановкѣ: что́ въ одной рукописи представлятъ самостоятельное, на видъ цѣльное разсужденіе, то въ другой входитъ лишь какъ часть въ составъ болѣе обширнаго цѣлаго; что́ въ одной занимаетъ мѣсто въ началѣ, то въ другой читается въ серединѣ или даже въ концѣ сборника. Цѣлая вереница коротенькихъ статеекъ одного сборника оказывается въ другомъ перебитою различными вставками, въ третьемъ же-

сокращенною пробѣлами или пропусками,—относительно которыхъ трудно или почти невозможно опредѣлить, въ какомъ объемѣ весь этотъ матеріалъ входилъ въ первоначальную компиляцію, ка́къ она слагалась и наростала. Одна общая черта всѣхъ этихъ статеекъ—ихъ анонимность. Нигдѣ не сказано, кто первый сталъ заниматься подобнаго рода разсужденіями, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія и гдѣ пришлось примѣнить ихъ къ жизни, къ школьному-ли обученію или къ другимъ занятіямъ. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ припоминаются изрѣдка, рядомъ съ Лаврентіемъ и Мелетіемъ, извѣстными сочинителями грамматикъ, еще другія имена: намъ разсказываютъ о грамматикѣ Евдокима, о сочиненіи о буквахъ Герасима Ворбозовскаго—и только. Гдѣ и когда они жили и что́ принадлежитъ имъ, какъ авторамъ, не какъ практическимъ учителямъ, пользовавшимся уже заранѣе составленными тетрадками—все это остается пока нерѣшеннымъ вопросомъ: въ рукописномъ матеріалѣ недостаетъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія его"... Кромѣ анонимности,—другую общую черту всей этой группы грамматическихъ статей XVI—XVII вв. изслѣдователь видитъ въ ихъ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ греческимъ источникамъ. Весь этотъ грамматическій матеріалъ основывается, повидимому, на источникахъ греческихъ. Теорія, излагаемая въ разныхъ этихъ статьяхъ, носитъ на себѣ явные признаки греческаго происхожденія или по крайней мѣрѣ полной зависимости отъ первообразовъ греческихъ. Иныя мѣста такъ и отзываются буквальностью перевода съ греческаго подлинника, нужды нѣтъ, что онъ еще не отысканъ въ грамматической литературѣ греческой"...

Среди этого рода нашей грамматической литературы, господствующей до самаго конца XVII вѣка, совершенно изолированнымъ является названный трудъ Герасимова, переводъ „Доната",—новый источникъ грамматическихъ знаній, о кото-

ромъ предшествовавшая старина ничего не знала и который не остался безслѣднымъ.

„Донатъ“—собственно имя извѣстнаго римскаго грамматика IV вѣка по Р. Хр., автора популярнѣйшаго въ средніе вѣка грамматическаго руководства по латинскому языку: *Ars Grammatica*, *Ars Minor*; послѣднее было столь употребительнымъ, подвергалось столькимъ видоизмѣненіямъ и передѣлкамъ, что сл. „донатъ“ превратилось въ нарицательное и означало вообще начальную латинскую грамматику; ошибка противъ нея въ нѣмецкой школѣ называетъ „донатической“ (Donatschnitzer). Передѣлокъ „Доната“ существовало въ средніе вѣка множество. Они отличались другъ отъ друга не столько сутью содержанія, сколько формой изложенія. Поэтому можно сказать, что Донатъ Донату рознь, отъ подлиннаго же Доната эти позднѣйшія передѣлки отступаютъ преимущественно діалогической формой, которая введена съ педагогическою цѣлью, съ намѣреніемъ сдѣлать изложеніе обучающемуся юношеству болѣе доступнымъ и привлекательнымъ. Впрочемъ, въ *Ars Minor*, приписываемой самому Донату, существуетъ уже діалогическая форма“... Трудъ Герасимова представляетъ переводъ одной изъ подобныхъ позднѣйшихъ редакцій „Доната“. Самый переводъ Герасимова не дошелъ до насъ; передъ нами—лишь два болѣе поздніе его списка, съ нѣкоторыми измѣненіями. Важнѣйшій изъ этихъ списковъ-передѣлокъ относится къ 1562—1563 гг. и находится въ б-кѣ Казанскаго Университета; другой въ Импер. Публичной Библіотекѣ. О передѣлкѣ труда Герасимова говоритъ самъ авторъ послѣсловія къ казанскому списку. Въ своемъ послѣсловіи онъ между прочимъ замѣчаетъ: „До здѣ совершися конецъ книги, глаголемой Донатусъ, еже именуется начало грамматики; преведена же бысть изъ латинскаго языка на русскій Димитріемъ, толмачемъ нѣмецкаго языка. И тако же онъ самъ писалъ есть въ предисловіи силу книги сея, азъ же послѣди его переводу S. T. списахъ сію книжку единымъ

русскимъ языкомъ безъ латинскаго, дабы прочитающимъ ю и обучающимся въ ней болѣе разумно было. Въ лѣто 7071-го отъ начала міру мѣсяца іюля въ 3 день"... „Изъ этихъ словъ, замѣчаетъ акад. Ягичъ, можно заключить, что безъимянный переписчикъ перевода Дмитріева по казанскому списку позволилъ себѣ въ чужомъ трудѣ нѣкоторыя измѣненія. Въ чемъ же они состояли, не легко сказать. Судя по словамъ: „единымъ русскимъ языкомъ безъ латинскаго",—позволено высказать догадку, что какія-то латинскія части сочиненія въ спискѣ анонима пропущены или же замѣнены словами русскими"... „Не значитъ ли это—дѣлаетъ предположеніе акад. Ягичъ—что образцы склоненій и спряженій, которые въ первоначальный трудъ должно быть внесены и написаны по латыни и переведены по русски, въ позднѣйшемъ спискѣ измѣнены такъ, что латинскія слова подлинника вычеркнуты? На эту догадку наводитъ меня то обстоятельство, что въ нынѣшнемъ текстѣ „Донатуса" образцы склоненій латинскихъ перечисляются очень безтолково, въ видѣ русскаго перевода словъ латинскихъ формъ. Только изрѣдка сохранился слѣдъ латинскаго подлинника. Едва ли эта безсмыслица могла прійти въ голову первоначальному автору, желавшему несомнѣнно дать русскому юношеству въ руки учебникъ латинскаго языка,—тогда какъ въ нынѣшнемъ видѣ сочиненіе представляетъ странную смѣсь латинскаго съ русскимъ, латинскій остовъ въ русскомъ облаченіи"...

По редакціи самаго текста, оба списка довольно близки между собою, хотя все же представляютъ мѣстами отличія,—отчасти въ объемѣ—въ петербургскомъ спискѣ кое-что сокращено или пропущено, рѣдко на оборотъ,—отчасти въ замѣнѣ образцовъ склоненій. Но вообще объемъ „Донатуса" въ петербургской рукописи значительно короче, чѣмъ въ казанской Петербургскому списку недостаетъ „предисловія", написаннаго несомнѣнно самимъ Димитріемъ Герасимовымъ, и затѣмъ краткаго „сказанія о буквахъ", предшествующаго собственно

„Донатусу“,—и не находящагося въ латинскомъ оригиналѣ „Ars Minor“. Въ „предисловіи переводчикъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія о самой книгѣ „Донатусъ“ и о томъ, какъ слѣдуетъ ею пользоваться „въ шхоліи, сирѣчь во училищѣ“, преподавая ученикамъ. Въ самомъ концѣ прибавляетъ: „Азъ же сіе писахъ собѣ памяти для, поелику уразумѣхъ, пребывая и учася во училищѣ двѣма грамотамъ, и двѣма языки, латыньскія и нѣмецкія, а по русскіи прежде того научился отчасти. А не поучився по русски въ тамошнее училище немощно пристати. А какъ уже разума прибыло, ино въ то время въ суетахъ міра сего поспѣха и силы тѣлесныя убыло, и того ради сія книга начисто не исправлена и не преписана остала. А здѣсе того и не пытаютъ“. Если эта замѣтка, замѣчаетъ акад. Ягичъ, принадлежитъ самому переводчику Димитрію, то она свидѣтельствуетъ о времени составленія перевода въ ранней молодости автора, когда онъ еще посѣщалъ латинско-нѣмецкое училище. Онъ самъ жалѣетъ въ этихъ словахъ, что послѣдовавшая потомъ „суета жизни“ не позволила ему еще разъ возвратиться къ занятіямъ молодости, чтобы кое-что исправить и передѣлать. Прибавка же: „а здѣсь того и не пытаютъ“—доказываетъ, что въ то время, когда онъ, вспомнивъ о занятіяхъ своей молодости, переписалъ должно быть свою ученическую тетрадь, окружавшая его среда не обнаруживала на малѣйшаго сочувствія къ вопросамъ этого рода“...

Первые, болѣе ранніе опыты переводовъ „изъ латынскаго языка“ принадлежали также кн. А. М. Курбскому († 1583),—но объ этихъ переводахъ и вообще о дѣятельности Курбскаго будемъ говорить ниже.

Въ 1489 году, когда новгор. архіеп. Геннадій вступилъ въ открытую борьбу съ ересью „жидовствующихъ“,—онъ между прочимъ писалъ одному изъ тогдашнихъ архіепископовъ

(ростовскому архіепископу Іосафу): „Да есть ли у васъ въ Кирилловѣ или въ Ферапонтовѣ или на Каменномъ (извѣстные монастыри, находившіеся въ предѣлахъ ростовской епархіи) книги: *Сильвестръ папа Римскій*, до *слово Козмы Презвитера, на новоявшуюся ересь на Богомилы*, да *посланіе Фотія патріарха* ко кн. Борису Болгарскому, да *Пророчества*, да *Бытіе*, да *Царства*, да *Притчи*, да *Менандръ*, да *Іисусъ Сираховъ*, да *Логика* да *Деонисій Ареопагитскій*? Зане жъ тѣ книги у еретиковъ всѣ есть...“ Въ томъ же посланіи, въ самомъ началѣ, упоминая, о нѣкоемъ попѣ Наумѣ, который первый сообщилъ Геннадію о „новгородскихъ еретикахъ“, Геннадій замѣчаетъ: „То ми накрѣпко высказалъ ихъ товарищъ попъ Наумъ; да и *псалмы* ко мнѣ принесъ, почему они себѣ правили по жидовски“... И затѣмъ ниже: „А что *Шестокрилъ* они себѣ изучивъ, да тѣмъ прельщаютъ христіанство, мня, яко съ небесе знаменіе сводятъ, ино то не ихъ составленія бысть: *Шестокрилъ* бо взятъ отъ Астрономіи, яко капля отъ моря. А то звѣздозаконіе дано бысть Сифу, третьему сыну Адамову“... Приведенныя мѣста грамоты Геннадія какъ нельзя лучше вводятъ насъ въ литературу, которая непосредственно примыкала къ возникшему религіозному движенію и въ своей бóльшей части заключала первые, наиболѣе ранніе факты западнаго вліянія въ Московской Руси. Помимо книгъ библейскихъ и нѣкоторыхъ твореній отцовъ церкви, — здѣсь особенное вниманіе привлекаютъ упоминаемые Геннадіемъ *Псалмы* еретиковъ, какая то *Логика* и *Шестокрилъ*... Любопытно сдѣланное по отношенію къ послѣднему замѣчаніе Геннадія: „то не ихъ составленія бысть; „этими словами Геннадій ясно указываетъ на собственное авторство еретиковъ: нѣкоторыя изъ перечисленныхъ сейчасъ книгъ, которыхъ недоставало новгородскому архіепископу и которыми владѣли „еретики“,—слѣдов., были и „ихъ составленія...“

Какъ мы уже упоминали, литературное оживленіе, вызванное ересью „жидовствующихъ“, не ограничивалось одною полемикою. Какъ мы замѣчали, сюда примыкали и литературные труды самихъ еретиковъ, людей повидимому по преимуществу отличавшихся книжностью, начитанностью... Эти литературные труды еретиковъ, какъ мы видѣли, отчасти стояли въ связи съ составленіемъ библейскаго кодекса Геннадіемъ. Въ дополненіе къ сдѣланнымъ выше замѣткамъ, —останавливаемся здѣсь на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ еретическаго „составленія“, упоминаемыхъ въ грамотѣ Геннадія или вообще имѣющихъ то или другое отношеніе къ ереси жидовствующихъ и къ „новшествамъ“, шедшимъ съ Запада.

Упоминаемая Геннадіемъ въ грамотѣ „Логика“—до послѣдняго времени оставалась памятникомъ не только загадочнымъ, но и прямо неизвѣстнымъ. Недавно сдѣланное проф. А. И. Соболевскимъ сообщеніе въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности“ впервые пролило здѣсь значительный свѣтъ, и даже больше—извлекло изъ подъ спуда самый памятникъ.

Памятникъ, на сколько извѣстно, дошелъ въ единственномъ экземплярѣ, и представляетъ изъ себя небольшую, въ восьмушку, рукопись половины XVI в., находящуюся въ Московской Синодальной библіотекѣ, заключающую въ себѣ 130 листовъ. На рукописи имѣется помѣтка XVII вѣка, указывающая, что въ этомъ столѣтіи памятникъ находился въ библіотекѣ московскаго патріарха: „Изъ книгъ, что взяты у патріарша казначея въ семъ году“...

Хотя рукопись написана почеркомъ вполнѣ четкимъ и разборчивымъ, хотя всѣ слова читаются ясно—смыслъ текста за немногими исключеніями представляетъ значительныя затрудненія. „Передъ нами, говоритъ изслѣдователь, рядъ словъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ въ другихъ текстахъ, или хотя и извѣстныхъ, но употребленныхъ не въ обычномъ значеніи...“ Между непонятными словами не мало прямо сочиненныхъ,

какъ напр.: *самость*, *душевенство*, *воденство*, *всячество*, *гдѣчество*, *чтовство* и т. п. Архіеп Савва, составлявшій „Указатель“ къ Московской Синодальной библіотекѣ, назвалъ разсматриваемую рукопись „Метафизикой на южно-русскомъ нарѣчіи;“ но названіе „метафизики“ можетъ быть приложимо, по замѣчанію проф. Соболевскаго, развѣ лишь ко второй части памятника. Первая половина—повидимому что-то въ родѣ логики; во всякомъ случаѣ эта часть не разъ въ изложеніи называется „логикой:“ „яко же предрекохомъ въ лоицѣ...“ и т. п. Логическіе термины крайне своеобразны, напр.: *держитель*—субъектъ, *держимый*—объектъ, *осудъ*—сужденіе, *роженая*—умозаключеніе и т. д. Вообще текстъ произведенія отличается крайней неясностью, а мѣстами и прямо непонятенъ, напр.: „Всѣхъ словъ во вратѣхъ сихъ 14: *уемъ* (=убавленіе), *прикладъ*, *уемъ всячный*, *прилогъ всячный*, *уемъ раздробный*, *прилогъ раздробный*“ и т. д.; или: „Всякій осудъ еще и мѣнится одержанный ея ко одержателю ея“ и т. д. Ко второй части памятника, какъ было уже замѣчено, съ извѣстной условностью можетъ быть приложено данное ему ранѣе названіе „метафизики“,—хотя вообще о состояніи и смыслѣ памятника и здѣсь чаще всего приходится лишь догадываться, да и то не всегда. Языкъ и въ этой части крайне своеобразенъ. Слово *снуръ* по видимому значитъ линія, *просторъ*—поверхность, *плоть*—тѣло, *душевенство* и *гіюли* (или *гіюль*)—духъ и матерія и т. д. Вотъ образчикъ изложенія: „Слово, иже наречется во *язычной* дѣло, наречется въ лоицѣ молва *алва судно*, а мы наречемъ...“; или: „Которая рѣчь уже посполюетъ единыхъ многихъ, наречемъ *его* существо, а которая рѣчь иже не посполюетъ существа, наречемъ *его* всячество...“ или: „Яко бы *рекальство* и *болванство* и *куклярство* и *мечествованіе*“... и т. д. Обѣ части упоминаютъ неразъ о „долгой лоицѣ“. Послѣдняя имѣла 8 частей, изъ которыхъ пятая называлась *книга заблуждьшая*, 6-я книга *казнадѣйская*, 7-я—*книга спорная*, 8-я *книга пѣс-*

неная. Подъ двумя послѣдними изслѣдователь предполагаетъ эристику и поэзію...

Въ памятникѣ есть ссылки на Аристотеля: „Се иже реклъ Аристотель великій". Въ концѣ второй части есть мѣсто, гдѣ говорится объ отношеніи Аристотеля къ еврейскимъ „мудрецамъ": „А мудростію исполнилъ ея Аристотель, голова всѣмъ философомъ первымъ и послѣднимъ, подлугъ смыслу мудрецовъ израилевыхъ. Аже по плѣненіи не нашли своихъ книгъ, а ступилися (=основалися?) на его разумъ, иже равенъ въ пророческихъ фунтаментѣхъ, занеже невозможно есть, абы пророкъ не полонъ былъ въ седми мудростяхъ, а овсѣмъ въ лоицѣ пути ихъ. А исполнилъ ея осмыми книгами, преже реченными, иже она направитъ каждаго въ тыхъ мудростѣхъ. А она подобна есть воазѣ и мѣрѣ и ослѣ златой. А дѣло иногды именуется наука разумпая, а иногды дѣйственая. А первая отъ седми мудростей числепая, вторая мѣрилпая, третья спѣвалная, четвертая небесная, пятая свѣтьская. А тая на четверо: первое водити душу свою; 2-е домъ свой; 3-е вестися государю великому; 4-е водити землю и суды ея. Шестая о прироженіи сего свѣта. А тыхъ книгъ десять, и мудрость лѣкарьская, подъ нею же седмая мудрость божественая. Она есть всѣмъ глава седмыма, и ядро ихъ статочное, занеже ею оживетъ во вѣки душа человѣческая..." И нѣсколько далѣе: „А Аристотель, Мардаха и Зарававедь и Ездра пророкъ и пророкъ Малахія во едины лѣта были; а у тѣхъ Аристотель учился міротвореніе..." Уже это заключеніе, повторяющее обычное у средневѣковыхъ евреевъ ученіе, что классическая мудрость заимствована греческими философами у еврейскихъ мудрецовъ — замѣчаетъ изслѣдователь — могла бы отчасти указывать на еврейское происхожденіе памятника; но авторъ его указывается и прямо, въ самомъ началѣ: „Рѣчи Моисея Египтянина..." „Этотъ Моисей — не кто иной, какъ знаменитый Моисей,

сынъ Маймона, извѣстный въ средневѣковой Европѣ подъ именемъ Моисея Египетскаго, Moses Aegyptius, или Моисея Маймонида. Онъ жилъ въ XII в., родился въ Испаніи, бо́льшую часть жизни провелъ въ Египтѣ въ качествѣ придворнаго врача и здѣсь умеръ въ 1205 году. Его многочисленныя сочиненія посвящены по преимуществу толкованію талмуда и медицинѣ. Изъ нихъ медицинскіе труды въ средніе вѣка были переведены на латинскій языкъ. Его *логика* также извѣстна въ латинскомъ переводѣ"... Изданія ея латинскаго текста идутъ съ полов. XVI в. („Voces logicae quas construxit R. Mosche ben Maimon, cum duobus commentariis", въ Венеціи, 1550 г.); но предполагаютъ, были и болѣе раннія. Еврейскія изданія памятника были повидимому еще болѣе распространены, и печатались до позднѣйшаго времени. По указанію проф. Соболевскаго, Императорская Публичная Библіотека владѣетъ вѣнскимъ изданіемъ 1822 года („Miloth Higaion"), въ которомъ еврейскій текстъ сопровождается: еврейскимъ комментаріемъ и нѣмецкимъ переводомъ (напечатаннымъ еврейскимъ шрифтомъ). Это изданіе, судя по всему, замѣчаетъ изслѣдователь,—школьный учебникъ Логики"....

Изслѣдователь имѣлъ возможность провѣрить указаніе заглавія и сличить начальныя строки нѣсколькихъ главъ разсматриваемой славянской рукописи XVI в. съ соотвѣтствующимъ текстомъ нѣмецкаго перевода въ названномъ сейчасъ вѣнскомъ изданіи 1822 года; „совпаденіе оказалось полнымъ..." На еврейское происхожденіе памятника, помимо имени автора, указываютъ и самыя первыя строки сочиненія: „Начало во имя Бога превѣчнаго, не осѣнимаго въ премѣненіи. Слово 1. Слова, иже зовутъ ихъ по еврейски *носе*, а пословенски *держитель*; по еврейски *насу*, а по словенски *одержанный...*" и т. д.

Славяно-русскій текстъ разсматриваемаго памятника—повидимому переведенъ прямо съ еврейскаго. Это обнаружи-

вается помимо приведенныхъ сейчасъ еврейскихъ словъ *носе* и *насу*,—изъ употребленія еврейск. *гіюли* или *гіюль* безъ перевода (=греч. ἡ ὕλη, матерія; еврейскій языкъ получилъ изъ арабскаго), и изъ такой фразы: „речемъ: посъ у коня *пия*“ (=евр. *pi*, *ротъ*), и изъ названія главъ *вратами* (какъ въ еврейскомъ и арабскомъ языкахъ). „Такія неправильности въ согласованіи, какъ: „всякій осудъ, аще и мѣнится одержанный *ея*...“,—кажется, прибавляетъ изслѣдователь, вполнѣ объясняются при помощи еврейскаго языка (еврейское слово, соотвѣтствующее нашему *осудъ*,—женскаго рода)...“

„Переводъ очень близокъ къ оригиналу, букваленъ. Правда, есть счетъ на *мили*; есть примѣръ: „Максимъ убилъ Ходора“. Но другіе примѣры: „Египятъ передъ Индѣею почении отъ Іерусалима“, „Индѣя пережe Египта почении отъ моря ея“,—очевидно, принадлежатъ автору, жившему въ Египтѣ еврею. Еще: „аще бы не разумѣ то по-арабски, не исказати его по-перски....“

Языкъ „Логики жидовствующихъ“ довольно тѣсно связываетъ этотъ памятникъ съ другимъ—съ такъ наз. *Тайная Тайныхъ*. Памятникъ въ дошедшихъ спискахъ носитъ заглавіе: „Книга нарицаемая Тайная Тайныхъ, сложенная премудрымъ Аристотелемъ“. Списки—XVI, XVII и XVIII вв.; старшій относится къ пол. XVI в. (находится въ Виленской Публ. б-кѣ). Описаніе этого наиболѣе ранняго изъ дошедшихъ списка, а равно нѣсколько замѣчаній о языкѣ древнерусскаго перевода памятника сдѣлано недавно проф. А. И. Соболевскимъ (этими замѣчаніями мы здѣсь и пользуемся),—но вообще памятникъ остается еще очень мало обслѣдованнымъ.

Оригиналомъ нашего сочиненія обыкновенно называютъ одно изъ распространенныхъ въ средніе вѣка произведеній западной повѣствовательно-наставительной литературы—приписывавшееся Аристотелю и конечно ему не принадлежавшее, из-

вѣстное „Secretum Secretorum“, но ближайшія отношенія названнаго западнаго произведенія къ древнерусскому „Тайная Тайныхъ“ остаются совершенно невыясненными.

Само по себѣ разсматриваемое древнерусское произведеніе представляетъ собою обширное сочиненіе энциклопедическаго поучительнаго характера. Передъ нами—подробныя наставленія, преподанныя будто бы Аристотелемъ своему ученику, Александру Македонскому, касающіяся различныхъ обстоятельствъ жизни правителя, а также и вообще свѣдѣній, относящихся къ устройству человѣка, его наружныхъ свойствъ, полезныхъ примѣтъ, врачебныхъ пособій, свѣдѣній о цѣлебныхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней и т. д. Послѣдняго рода свѣдѣнія—для царя, замѣчается здѣсь, нужнѣе даже, чѣмъ для обыкновеннаго человѣка: „занеже ему (царю) человѣкъ—яко же посудіе (посудина). Каждое—мастеру своему. А не будетъ мастеръ знати посудія своего вельми гораздо, не изведетъ дѣла своего достаточнаго...“ Даваемыя наставленія вм. главъ раздѣляются на „врата“; отсюда другое заглавіе произведенія: „Аристотелевы Врата“... Подъименемъ „Аристотелевыхъ Вратъ“ Тайная Тайныхъ упоминаются и Стоглавомъ.

Какъ выше нами уже замѣчено, языкъ „Тайная Тайныхъ“ напоминаетъ изслѣдователю языкъ „Логики жидовствующихъ“. Но вообще „словарный матеріалъ Тайная Тайныхъ представляетъ такую смѣсь, въ которой трудно разобраться, замѣчаетъ проф. Соболевскій. Есть поздніе грецизмы, есть латинизмы; но рядомъ съ ними находится рядъ непонятныхъ словъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ по справкѣ оказываются еврейскими. Вырѣжи на перстнѣ „образъ *бтулинъ,* иже хоробруетъ и ѣздитъ на *кфиръ*“. Въ этой фразѣ первое непонятное слово есть евр. *betula*—дѣвушка, знакъ зодіака дѣва, а второе евр. *k'fir*—левъ, знакъ задіака левъ „Луна въ образѣ *сарафъ*... Здѣсь евр. *saraf*—серафимъ. „Будетъ на немъ *шюма,* веди его въ лазню.“ Здѣсь евр.-талмудич.

schuma—наростъ, бородавка. Собственныя имена арабскихъ ученыхъ звучатъ по-еврейски: *Авенроштъ* (=средневѣк. лат Averroes, Averroys), *Авенсина* (=средневѣков. лат. Avicena, Avicenna)...“ Въ виду общаго сходства по языку „Тайная Тайныхъ“ и „Логики“—изслѣдователь думаетъ, что „переводъ обоихъ текстовъ сдѣланъ или въ западной Руси или—скорѣе—въ московской Руси людьми недавно прибывшими изъ западной Руси и еще не успѣвшими освоиться съ московскою бытовою терминологiей. Архаизмы—рѣдкость, и нѣтъ основанiя относить этотъ переводъ ко времени ранѣе XV в.“ „Языкъ такъ называемой *Псалтыри*, переведенной съ еврейскаго между 1464 и 1473 г. въ московской Руси крещенымъ евреемъ Ѳедоромъ,—совершенно отличенъ, прибавляетъ изслѣдователь, отъ языка обоихъ нашихъ текстовъ...“

Въ этомъ странномъ средневѣковомъ произведенiи—замѣчалъ еще Буслаевъ—выступаетъ не древнiй греческiй философъ Аристотель, строгiй мыслитель, но Аристотель средневѣковой, какъ въ другихъ произведенiяхъ той же эпохи является средневѣковой Виргилiй-чародѣй...“ Но наставленiя врачебнаго характера излагаются не отъ лица Аристотеля, а отъ имени „Моисея Египтянина“,—о которомъ, какъ мы видѣли, упоминается и въ „Логикѣ“, т. е. Моисея Маймонида. Упоминаются также, съ приведенiемъ словъ, Ромосъ или Ромасъ, Авензопаръ (=средневѣков. лат. Avenzohar, Avenzoar), Галиносъ, Ипократъ,—книга Пакратова *Перишлаи*...“

Въ числѣ первыхъ книгъ съ Запада стали переходить къ намъ различные „альманахи“, календари,—преимущественно астрологическаго характера, сливавшiеся чаще всего съ многочисленными книгами гадательными, иногда и съ книгами болѣе серьезнаго или даже научнаго содержанiя, средневѣковыми „космографiями“ и математическими.

Астрологія находила у насъ почитателей и послѣдователей съ давнихъ временъ... Максимъ Грекъ († 1556 г.), возстаетъ противъ „звѣздочетцевъ" и пишетъ рядъ полемическихъ статей по этому поводу. Припомнимъ его посланія *На Николая нѣмчина, прелестника и звѣздочетца*, и др. Этотъ „нѣмчинъ" былъ извѣстный Николай Шомбергъ, родомъ нѣмецкій дворянинъ, впослѣдствіи кардиналъ и епископъ капуйскій († 1537). Шомбергъ былъ посылаемъ въ Россію отъ папы два раза, въ 1516 и 1519 годахъ, и хлопоталъ о соединеніи церквей... Полемика Максима Грека однако не достигла цѣли; астрологическія сочиненія въ нашей старой рукописной литературѣ составляютъ вообще значительный отдѣлъ: они приходились по вкусу читателямъ и пользовались среди нихъ большой популярностью. Въ XV и XVI в.в. астрологія, какъ извѣстно, и во всей Европѣ была въ большомъ почетѣ; астрологическія вычисленія и выводы принимались и учеными и неучеными съ безусловнымъ довѣріемъ. Предсказанія, основанныя на наблюденіяхъ звѣздъ, пророчества по аспектамъ—въ первопечатныхъ нѣмецкихъ календаряхъ занимаютъ самое почетное мѣсто. То же самое, если еще не въ бо́льшей степени, было въ Польшѣ: здѣсь рукописные календари извѣстны уже съ XIII вѣка, печатные же, какъ и въ Германіи, идутъ съ конца XV-го. „Всѣ польскіе календари, свѣтскіе и церковные, стѣнные и книжками, наполнялись преимущественно предсказаніями не только о погодѣ, но и о политическихъ происшествіяхъ, о времени, когда начинать работы, дѣлать покупки, когда вступать въ бракъ, забавляться и т. д." Въ Россію подобныя предсказанія перешли довольно рано: уже въ одной рукописи XV вѣка встрѣчаются наставленія „*о днѣхъ, въ нихъ же достоитъ отъ всего хранитися*,—ни врачевать человѣкъ, ни скотъ, кровь пущать, ни браковъ творить, ни дѣтей учить и облюстися ихъ всегда" и т. д. Въ русскихъ сборникахъ и отдѣльныхъ рукописяхъ XVII в. встрѣчаются

нерѣдко произведенія, съ предсказаніями по звѣздамъ. Таково напр. сочиненіе: *О качествѣ разныхъ дѣйствъ седми планетъ въ двѣнадцати небесныхъ знакахъ, еже есть кая планета въ коемъ либо знакѣ, егда теченіе имѣти будетъ.* Здѣсь указывается, что должно случиться, когда такая-то планета вступитъ въ созвѣздіе овна, тельца и т. д.: напр.: „Аще Сатурнусъ въ тельцѣ бываетъ—скорбій, многій-же моръ, ножныя болѣзни въ человѣцѣхъ; садовыхъ овощей много, желѣза много-же, а хлѣба оскудѣніе и всюду глады, люди отъ того знамени много погибаютъ, отъ уразу (*uraz*, польское—зло, вредъ, потеря) бои великія принимаются“... Когда же Юпитеръ въ тельцѣ— „все въ людѣхъ пріятно, все блудно, и браки и пиры; скорби же многія отъ ногъ, яже и храни“.. Другое, подобное же сочиненіе,—*Алманакъ на многія впередъ будущія лѣта отъ германъ, еже отъ нѣмецъ изобрѣтенъ художествомъ ученія и пресвѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ.* Здѣсь, на основаніи теченія планетъ и взаимнаго положенія ихъ другъ къ другу, дѣлаются различныя предсказанія на счетъ того, что дѣлать и чего не дѣлать, когда есть признаки къ добру, когда къ худу, въ какое время пускать кровь, когда строиться, и т. д.

Эта начальная наша гадательно-астрологическая литература шла къ намъ, отчасти уже съ древнихъ временъ, изъ Византіи и южныхъ славянъ, отчасти стояла въ связи съ болѣе поздними разнаго рода „новшествами“ и литературными вліяніями западными,—между прочимъ, повидимому, имѣла какое-то очень близкое отношеніе къ новгородской „ереси жидовствующихъ“. Позднѣе этого рода литература идетъ къ намъ чрезъ югозападную Русь и Польшу...

Одной изъ наиболѣе раннихъ книгъ этой полуастрологической, полугадальной литературы былъ упоминаемый Геннадіемъ *Шестокрылъ.*

Въ мѣсяцесловѣ, приложенномъ къ Геннадіевскому кодексу Библіи, встрѣчаются между прочимъ такія замѣтки: „Мѣсяцъ мартъ, а по еврейски нисанъ, имать дней 31;

а луна его держитъ 30 днiй. Сiй единъ даетъ медлiйскому лѣту мулизмѣ мѣсяцу"... Или объ апрѣлѣ: „Сiй другый день даетъ медлiйскому лѣту мулизмѣ мѣсяцу"..,—о маѣ, что онъ „даетъ третiй день", iюнь и iюль даютъ по дню, августъ—два дня, и т. д.; о сентябрѣ и ноябрѣ сказано: „Сiй ни даетъ ни емлетъ, но въ своемъ существѣ пребываетъ"... Здѣсь сравниваются солнечные и лунные мѣсяцы съ показанiемъ придаточныхъ дней. Всѣхъ придаточныхъ дней для уравненiя луннаго года съ солнечнымъ насчитывается одиннадцать. О январѣ замѣчается: „Единъ день февралю даеть въ помощь (въ высокосный годъ)"... Слово *мулизмъ*—испорченное греческое ἐμβολισμόσ, означающее вносный мѣсяцъ, прилагаемый къ лунному году, для уравненiя его съ солнечнымъ. А „медлiйское лѣто"—собственно лунный годъ. Слово это производятъ отъ еврейскаго *моледъ*, означающее въ еврейскихъ пасхалiяхъ рожденiе луны. „Лѣто меледiйское"—годъ опредѣляемый по рожденiямъ луны, или лунный годъ... Далѣе, вслѣдъ за мѣсяцесловомъ, въ томъ же кодексѣ представлена таблица лунныхъ круговъ, съ показанiемъ лунныхъ перемѣнъ, по знакамъ зодiака. Внизу таблицы читаемъ: „А по *Шестокрылу* кругъ лунный починается отъ сентября послѣ русского; а по русскому отъ марта. А златое число починается съ генваря, преже обѣихъ"... „*Шестокрыломъ* назывались, замѣчаетъ Горскаго и Невоструева, хронологическiя таблицы iудеевъ въ числѣ шести. Извѣстно на греческомъ языкѣ сочиненiе Хрисококка (XIV в.) подъ заглавiемъ: *Ἔκδοσις εἰς τὸ Ἰουδαϊκὸν ἑξαπτέρυγον*. Эти ссылки православнаго мѣсяцеслова на еврейское лѣтосчисленiе, а равно и внесенiе еврейскихъ терминовъ и таблицы уже давно было отмѣчено изслѣдователями, какъ „влiянiе жидовствующихъ",—которые, по словамъ архiеп. новг Геннадiя, имѣли свой *Шестокрылъ*, расположенный по 19-ти лѣтнимъ луннымъ перiодамъ..." О „Шестокрылѣ," какъ мы видѣли, архiеп. Геннадiй замѣчаетъ: „А что Шестокрылъ они

себѣ изучихъ, да тѣмъ прельщаютъ христіанство, мня, яко съ небесе знаменіе сводятъ,—ино то не ихъ составленія бысть: *Шестокрылъ* бо взятъ отъ *астрономіи*, яко капля отъ моря. А то звѣздозаконіе дано бысть Сиѳу, третьему сыну Адамову...“ И нѣсколько выше, въ той же грамотѣ: „Да Шестокрылъ есми училъ, почему жидове лѣта чтутъ..“ Предполагаютъ, что „Шестокрылъ“ заключалъ въ себѣ Лунникъ, начинавшійся съ мѣсяца тисри, т. е. съ іудейскаго новаго года, и по всей вѣроятности содержавшій въ себѣ іудейскую пасхалію...“ Д. И. Прозоровскій указываетъ на нѣкоторое совпаденіе календарныхъ вычисленій предполагаемаго еврейскаго „Шестокрыла“ съ нашимъ церковнымъ лунникомъ, печатающимся въ церковныхъ книгахъ,—въ Слѣдованной Псалтыри, Типиконѣ и т. п.; доказательство этихъ совпаденій изслѣдователь находитъ въ такъ наз. *Громникѣ*,—другомъ памятникѣ, принадлежавшемъ повидимому къ той же литературѣ „жидовствующихъ“ и вообще „еретиковъ“,—и бывшемъ у насъ извѣстнымъ уже съ XIV—XV вв. „Громникъ, замѣчаетъ Прозоровскій, подобно Шестокрылу, начинался мѣсяцемъ тисри,—съ тою лишь разницею, что одинъ исходилъ отъ ущерба, а другой отъ рожденія луны, но оба въ одномъ и томъ же 14 кругѣ ея теченія...“ На основаніи пасхальныхъ вычисленій, читаемыхъ въ припискѣ къ одному Апостолу нач. XIV в. (Апостолъ 1307 года),—Прозоровскій предполагаетъ, что „Шестокрылъ былъ извѣстенъ у насъ ранѣе XV вѣка...“

„Шестокрылъ“ не встрѣчается по дошедшимъ древнерусскимъ рукописямъ, и при всѣхъ соображеніяхъ, приведенныхъ и другихъ, которыя будутъ приведены сейчасъ на основаніи другихъ разысканій—остается памятникомъ загадочнымъ. По мнѣнію Прозоровскаго, „Шестокрылъ, „взятый отъ астрономіи какъ капля отъ моря“ и со стороны „жидовствующихъ“ считавшійся способнымъ „сводить знаменія съ неба,“ былъ отчасти не что иное, какъ особый Лунникъ,

снабженный не только астрономическими, но и астрологическими свѣдѣніями и употреблявшійся нашими древними пасхалистами наравнѣ съ церковнымъ Лунникомъ, но примѣнительно не къ пасхальной, а къ небесной лунѣ, которую они опредѣляли однакоже своеобразно, по правиламъ пасхальной луны. Обстоятельство это позволяетъ заключить, что Лунникъ „Шестокрыла" былъ приноровленъ къ дѣйствительному теченію луны..." По указанію позднѣйшихъ изслѣдователей, „Шестокрылъ" имѣетъ себѣ какую то—точно еще не разслѣдованную—параллель въ одномъ изъ произведеній, читаемыхъ въ извѣстномъ собраніи еврейскихъ рукописей Фирковича Императорской Публичной Б-ки. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ комментарій къ так. наз. „Шестокрылію", астрологическаго содержанія, написанному около серед. XIV ст.—самый же комментарій относится, предполагаютъ, къ концу XV—нач. XVI в.

Упомянутый сейчасъ *Громникъ* встрѣчается въ рукописяхъ сравнительно нерѣдко, какъ древнерусскихъ, такъ и южно-славянскихъ. Дошедшіе до насъ славянскіе тексты памятника идутъ съ нач. XIV вѣка, и представляютъ нѣсколько различныхъ редакцій. Первоначальное появленіе Громника въ славянской письменности изслѣдователи (напр. Шафарикъ) относятъ къ самымъ раннимъ временамъ юго-славянской письменности, къ эпохѣ еще древнеболгарской литературы (нач. X в.). Въ „индексахъ запрещенныхъ книгъ" онъ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ спискахъ этой статьи (напр. въ спискѣ Паисіевскаго Сборника XIV в). Прототипъ памятника указываютъ въ византійской литературѣ,—гдѣ подобнаго рода сочиненія возникли уже очень рано, подъ именемъ „бронтоскопіи" или „бронтологіона". Въ греческіе индексы запрещенныхъ книгъ эти „бронтологіи" или „громники" были занесены также уже очень рано,—наряду съ „лунниками" и „колядниками"; о нихъ упоминаетъ уже

Никифоръ Омологетъ (IX в.). По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, весьма важнымъ матеріаломъ для оцѣнки и анализа славянорусскихъ текстовъ Громника являются сочиненія византійскаго писателя Іоанна Лаврентія Лидійца († 565 г. по Р. Х.), главн. обр. его *βροντοςκοπία*—заимствованная (въ какой мѣрѣ, не извѣстно) „*ἐκ τῶν Φωντηίου οὖ Ῥωμαίου καθ' ἑρμηνείαν πρὸσ λέξιν.*“ Здѣсь предсказанія о значеніи грома расположены по знакамъ зодіака согласно фазамъ луны; далѣе слѣдуютъ предсказанія касательно нападенія народовъ, погоды, состоянія жатвы, что изъ посѣяннаго удачно созрѣетъ, что погибнетъ,—смерти знатныхъ вельможъ или ихъ измѣны и т. д. и т. д. Предсказанія приноровлены преимущественно къ интересамъ земледѣлія. Почти такого же характера предсказанія и въ другой статьѣ того же автора *Περὶ κεραυνῶν.* Послѣ предисловія слѣдуютъ предсказанія, начиная съ овна. „Этотъ памятникъ, прибавляетъ изслѣдователь, важенъ для тѣхъ текстовъ Громника, въ составъ которыхъ вошли и свѣдѣнія о значеніи молній“...

Указывая па различные западно-европейскія и византійскія средневѣковыя сочиненія, приближающіяся по своему содержанію къ текстамъ собственно „Громника“—изслѣдователь не находитъ между тѣми и другими „буквальнаго совпаденія:“ очевидно, они видоизмѣнялись сообразно требованію времени и мѣста... „Вѣроятно, подобныя измѣненія, замѣчаетъ В. Н. Перетцъ, происходили и на славянской почвѣ въ зависимости отъ интересовъ гадающихъ. Эти интересы въ разныя эпохи мѣнялись—переписчики и переводчики Громника вносили соотвѣтствующія измѣненія. Что было важно для грека классическаго періода, то было чуждо византійцу, а тѣмъ болѣе сербу и болгарину XIV и XV в.“ Интересный примѣръ подобныхъ измѣненій встрѣчается въ текстахъ двухъ рукописей Вѣнской б-ки,—гдѣ вмѣсто пріуроченія къ знакамъ зодіака извѣстныхъ классической эпохѣ странъ и городовъ находимъ совершенно иное: риба—*Фрузи*, овнъ—*Римъ*, бли-

зицъ—*Тръново*, ракъ—*Руси*, левъ—*Дунавъ* и т. д. Здѣсь называются тѣ мѣстности, которыя были важны для славянина XIV—XV в. Нѣкоторые списки удержали многое изъ старины; такъ въ текстѣ, недавно изданномъ В. Н. Перетцомъ, упоминаются „бабыльская страна“—ἡ *βαβυλωνία χώρα*, Аразія и т. п. „Вѣроятно, въ зависимости отъ различныхъ степеней важности того или другого явленія—предполагаетъ изслѣдователь—и предсказанія Громниковъ укорачивались, видоизмѣнялись, независимо отъ греческихъ оригиналовъ“,—хотя и среди послѣднихъ попадаются очень краткіе.

Старый Громникъ, дойдя въ значительномъ числѣ списковъ, не былъ вполнѣ забытъ и тогда, когда—въ XVIII вѣкѣ—на сцену выступилъ съ подобными же предсказаніями *печатный календарь*: рядомъ съ послѣднимъ, Громникъ долгое время продолжалъ свое существованіе въ завѣтныхъ рукописныхъ тетрадкахъ русскихъ людей,—„хотя и утративъ свои древнія черты, подробность и обстоятельность предсказаній.“ Лишь къ самому концу XVIII вѣка Громникъ былъ окончательно повидимому вытѣсненъ печатнымъ календаремъ и разнаго рода „оракулами“. Въ связи съ послѣдними—находятся позднѣйшія предсказанія и гаданія по грому... Кромѣ средневѣковыхъ византійскихъ громниковъ, позднѣйшій изслѣдователь указываетъ также древнееврейскіе тексты Громника,—впервые привлекая эти тексты къ изученію памятниковъ славянской апокрифической литературы и справедливо замѣчая, что „отрицать значеніе этихъ древнееврейскихъ текстовъ для изслѣдованія судебъ средневѣковой жизни, литературы и культуры едва ли возможно,—особенно если въ литературѣ то тамъ, то здѣсь, проскальзываютъ предположенія и косвенныя указанія на связь и зависимость нашихъ славянскихъ апокрифовъ, а равно и греческихъ ихъ оригиналовъ, съ халдейской и еврейской литературой...“ Указывая на мнѣніе о изначальномъ происхожденіи Громника съ Востока, отъ египтянъ и халдей-

цевъ, — изслѣдователь замѣчаетъ: „Подобно Громнику, небезполезно было бы прослѣдить отношеніе и другихъ древне-еврейскихъ гадательныхъ книгъ къ средневѣковымъ европейскимъ—въ частности къ славяно-русскимъ, изъ которыхъ, напр. *Трепетникъ*, *Колядникъ*, *Сносудецъ*, *Шестокрылъ* имѣютъ параллели въ древне-еврейской литературѣ, а можетъ быть могутъ претендовать и на болѣе близкое преемственное отношеніе къ ней, подобно многимъ другимъ памятникамъ апокрифической христіанской литературы...“

Приведенное замѣчаніе изслѣдователя кажется намъ особенно важнымъ—въ виду сдѣланнаго выше замѣчанія объ отношеніяхъ разсматриваемаго отдѣла нашей московской литературы къ исторіи ереси „жидовствующихъ...“

Громникъ въ еврейской литературѣ появляется уже очень рано; составленіе его здѣсь приписываютъ одному компилятору XI вѣка, Moses ha-Daršan. „Составленіе астрологическихъ предсказаній отнюдь не считалось у средневѣковыхъ евреевъ чѣмъ либо предосудительнымъ и грѣховнымъ; напротивъ—какъ это видно изъ предисловія къ одному такому сборнику, содержащему между прочимъ и Громникъ—было дѣломъ полезнымъ и даже богоугоднымъ“. Редакціи еврейскаго Громника весьма различны, но всѣ указываютъ на греческій источникъ. Еврейскій Громникъ—переводъ съ греческаго...

Къ той же гадально-астрологической литературѣ принадлежатъ такъ называемые *Трепетники*,—особаго рода гадальныя книжки, гдѣ „будущее“ узнавалось по нѣкоторымъ физіологическимъ явленіямъ въ тѣлѣ человѣка, зуду, звону въ ухѣ, чесанью отдѣльныхъ частей, миганью глаза и тому подоб. непроизвольнымъ „трепетаніямъ“ человѣческаго организма. „Самое повѣрье, будто дрожаніе, зудъ различныхъ частей тѣла могутъ имѣть вѣщее значеніе, принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ суевѣрій, общихъ чуть ли не всѣмъ народамъ, всѣмъ временамъ; существуетъ оно въ

видѣ переживанья до сихъ поръ, обращаясь по временамъ у болѣе культурной части общества въ шутливую примѣту; иначе говоря, это повѣріе принадлежитъ чуть ли не къ тѣмъ общечеловѣческимъ, какъ и всякое гаданіе, представляя одинъ изъ его видовъ. Эту вѣру въ значеніе дрожанія, непроизвольныхъ движеній въ организмѣ человѣка, мы находимъ у цѣлаго ряда народовъ, взаимная связь которыхъ или не можетъ быть доказана, или, если и можетъ быть предполагаема, то весьма отдаленная для временъ историческихъ". Отдѣльныя повѣрья, обобщаемыя трепстаніемъ человѣческаго тѣла вообще, мы встрѣчаемъ и въ древне греческой литературѣ. Еще пиѳагорейцы признавали звонъ въ ухѣ; въ одной идилліи Ѳеокрита упоминается о дрожаніи праваго глаза,—что вызываетъ у влюбленнаго сомнѣніе, увидитъ ли онъ свою возлюбленную... Рано у грековъ возникло .и особое ученье относительно подобныхъ трепетаній; уже къ александрійскому періоду принадлежатъ два трактата этого рода, приписываемые нѣкоему Меламподу, современнику Птоломея Филадельфа, и другому ученому, приблизительно того же времени, Гермесу Трисмегисту. Съ именами этихъ лицъ дошли два древнѣйшихъ текста греческаго Трепетника. „Примѣты располагаются здѣсь въ порядкѣ членовъ человѣческаго тѣла, начиная съ головы (темени) и кончая пальцами ноги, при чемъ различаются постоянно правая и лѣвая сторона тѣла, иногда отдѣльной его части; это различеніе понятно въ виду того значенія въ смыслѣ предсказанія, какое придавалось въ древности правой и лѣвой сторонѣ вообще"... Два дошедшіе текста впрочемъ сами по себѣ весьма различны: одинъ значительно обширнѣе и полнѣе другого. „Тогда какъ Гермесъ ограничивается всего 40 мѣстами человѣческаго тѣла, зудъ или трепетъ которыхъ имѣетъ вѣщее значеніе, Меламподъ насчитываетъ ихъ до 180; тогда какъ Гермесъ Трисмегистъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ удовлетворяется только общимъ указаніемъ на то, что та или другая при-

мѣта „добро кажетъ“ или „зло кажетъ“, и иногда только различаетъ гаданіе для „свободнаго“ и „раба“ (*ἐλευθέρῳ—δούλῳ*), Меламподъ помимо этого довольно послѣдовательно при каждомъ гаданіи указываетъ на значеніе гаданія не только для „раба“, но и для „дѣвушки“ и „вдовы“ (*παρθένῳ, χήρᾳ*), часто приводитъ гаданія также для „богатаго“ и „бѣднаго“, „воина“ и „моряка“... Предполагаютъ, что текстъ Гермеса ближе къ исходному прототипу, чѣмъ текстъ Мелампода: текстъ Мелампода представляетъ Трепетникъ уже довольно сложнымъ памятникомъ, между тѣмъ какъ менѣе сложный текстъ Гермеса приближается къ тому типу гаданія, который даютъ народныя примѣты...

Въ древнерусской письменности списки Трепетника довольно рѣдки. По одной древней рукописи раскольничьяго письма, текстъ Трепетника изданъ Пыпинымъ; цѣлый рядъ другихъ текстовъ Трепетника, съ присоединеніемъ и текста одного греческаго произведенія такого рода, изданъ недавно проф. М. Н. Сперанскимъ. У южныхъ славянъ Трепетникъ повидимому былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ у насъ,—хотя имѣющіеся на лицо списки и здѣсь всѣ, за исключеніемъ одного, относящагося къ XV вѣку,—сравнительно позднѣйшіе, XVII и XVIII в.в. и позднѣе. Названный сейчасъ древнѣйшій списокъ XV вѣка находится въ рукописяхъ Шафарика и въ числѣ другихъ изданъ проф. Сперанскимъ. Въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи (которымъ мы здѣсь пользуемся) проф. Сперанскій приходитъ къ заключенію, что у южныхъ славянъ Трепетникъ сталъ извѣстенъ, съ начала XV, или уже съ конца XIV вѣка,—и повидимому ранѣе всего въ Болгаріи. „XIV вѣкъ, приблизительно съ его половины, былъ вѣкомъ особаго оживленія духовной и литературной жизни въ Болгаріи: по преемству отъ Византіи—и въ Болгаріи оживаютъ старыя вѣрованія, астрологія, мантика начинаютъ и здѣсь оказывать свое вліяніе, на ряду съ возрожденіемъ богумильства и ересью Вар-

лаама и Акиндина; результатомъ этого движенія, съ одной стороны, было появленіе цѣлаго ряда памятниковъ суевѣрно-апокрифическаго характера, съ другой—проповѣдь противъ нихъ, запрещенія...“ По своему происхожденію памятникъ—переводный съ греческаго, при чемъ греческо-византійскій текстъ, нужно думать, восходитъ уже къ очень ранней эпохѣ, можетъ быть, къ періоду еще александрійскому...

Дошедшіе до насъ славянскіе тексты Трепетника представляютъ въ своихъ редакціяхъ большое разнообразіе; самый объемъ ихъ весьма различенъ: число гаданій отъ 30, въ однихъ спискахъ, доходитъ до 100—въ другихъ. Впрочемъ колебанія въ числѣ примѣтъ не должны, по мнѣнію изслѣдователя, имѣть особенно важнаго значенія въ виду самаго характера памятника, крайней подвижности его состава, содержанія,—гдѣ эта подвижность часто могла быть не результатомъ редакціоннаго труда, а простого механическаго сокращенія, пропуска или прибавки... Оставляя въ сторонѣ (хотя едва ли, по нашему мнѣнію, справедливо) эту внѣшнюю черту памятника — изслѣдователь все разнообразіе дошедшихъ списковъ славянскаго Трепетника старается свести къ двумъ группамъ или редакціямъ. Къ первой редакціи изслѣдователемъ относятся всѣ болѣе ранніе, дошедшіе до насъ, списки сербско-болгарскіе, съ древнѣйшимъ, Шафариковскимъ, во главѣ; ко второй—позднѣйшіе румынско-сербскіе, ведущіе свое начало повидимому отъ поздняго румынскаго текста, переведеннаго едва ли не въ прошломъ столѣтіи съ французскаго... Интересъ для насъ представляетъ, конечно, только первая группа. Относительно ея, изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ детальнымъ выводамъ: „1) въ основѣ редакція лежитъ одинъ переводъ, сдѣланный, можетъ быть, на болгарскій языкъ съ греческаго; 2) переводъ этотъ сдѣланъ не позднѣе начала XIV вѣка и сохранялъ свою популярность до XIX в.,—размножаясь въ спискахъ, представляющихъ преимущественно механическое извле-

ченіе изъ первоначальнаго текста; 3) рядомъ съ старымъ переводомъ появляется и болѣе новый, также сдѣланный съ греческаго, но иной редакціи, нежели первый; этотъ позднѣйшій переводъ даетъ матеріалъ для пополненія стараго и—образованія иной версіи Трепетника, состоящаго изъ двухъ отдѣльныхъ частей: для правой и лѣвой стороны тѣла"... Древнерусскіе тексты Трепетника, конечно, должны относиться къ первой редакціи, — хотя имѣющійся пока на лицо русскій текстъ Трепетника плохо вяжется съ другими дошедшими текстами той же группы, и долженъ быть относительно ихъ поставленъ изолированно. Древнерусскій Трепетникъ пока имѣетъ для себя представителемъ пока лишь одинъ упомянутый выше позднія текстъ, изданный Пыпинымъ. Списокъ этотъ носитъ на себѣ слѣды цѣлаго ряда измѣненій первоначальнаго текста... Вообще древнерусскій Трепетникъ, съ трудомъ поддается опредѣленію со стороны источниковъ и характера, вообще носитъ на себѣ „слѣды долгой исторіи"... Въ названномъ текстѣ Пыпина характеръ памятника является крайне своеобразнымъ: по объему своему, онъ превосходитъ самый полный изъ сербскихъ, Шафариковскій XV вѣка; дробность дѣленія въ немъ до извѣстной степени подходитъ къ тексту румынскому, хотя по подбору примѣтъ общаго между ними очень немного,—напротивъ, въ значительномъ большинствѣ гаданій Пыпинскій текстъ подходитъ къ сербскому... Кромѣ того, въ этомъ русскомъ текстѣ очевидные слѣды свода,—слѣды присутствія въ его составѣ по крайней мѣрѣ двухъ текстовъ; различіе иногда проглядываетъ даже въ стилистическомъ отношеніи. Повторенія, обобщенія и комбинаціи—все это взятое вмѣстѣ указываетъ, по справедливому замѣчанію изслѣдователя, на отдаленность Пыпинскаго текста отъ его первообраза. Отчасти на ту же отдаленность указываетъ и замѣчаніе въ предисловіи разсматриваемаго текста: „Отъ мудрыхъ сіе взято, а не смѣхотворство нѣкое, и всякъ сіе внимай"... Этимъ ясно указывается уже на срав-

нительно позднее время, — когда взгляды на гаданье стали мѣняться, „когда гаданье надо было уже защищать“ отъ людей, видѣвшихъ въ этомъ лишь „смѣхотворство нѣкое“... Какъ бы то ни было, проф. Сперанскій пытается установить нѣкоторую связь между Пыпинскимъ текстомъ и древнѣйшимъ сербскимъ; изслѣдователь дѣлаетъ текстуальное и стилистическое сравненіе Пыпинскаго списка съ сербскими текстами указанной первой группы, — и не смотря на значительную разницу, подмѣчаетъ сходство между русскимъ и сербскимъ текстами главнымъ образомъ въ терминологіи, а иногда связь въ назначеніи гаданій... Вотъ примѣры:

Русскій текстъ.	*Сербскіе тексты.*
3) Аще бровь правая потрепещетъ, то богатымъ *недугъ*, а убогимъ польза будетъ.	Аще обрьвь десна потрепещеть, *недугъ* кажеть, а послѣ благо.
4) Аще бровь лѣвая потрепещетъ, то велико *добро* и веселіе кажетъ.	Аще обрьвь лѣвая потрепещеть, *добро* нѣкако кажеть.
22) Аще ухо *лѣвое* потрепещетъ, то *честь* повѣдаетъ.	Аще слухь *десніе* страни возшумить, добро кажеть и *чьсть*.
25) Аще ноздря *правая* потрепещетъ, *о всемъ добро повѣдаетъ.*	Аще ноздра *лѣвая* потрепещетъ, *о свѣмъ добро* кажетъ.
26) Аще ноздря *лѣвая* потрепещетъ, *убожество кажетъ.*	Аще ноздра *десная* потрепещетъ, *убожество* кажетъ.
30) Аще зубы *посѣкаются*, на вражду повѣдаютъ.	Аще зубы *сѣцающе*, раздрушеніе кажеть.
32) Аще языкъ лѣвыя страны потрепещетъ, *благое шествіе кажетъ.*	Аще езикь лѣвіе страни, *благошьствіе* кажеть.
41) Плечо *лѣвое* потрепещетъ, *богатымъ* недугъ будетъ.	Аще плеще *десно* потрепещеть, *богатыимь* стуженіе.
46) Мышка *правая* потрепещетъ, *богатымъ слава* будетъ и д. т.	Аще *лѣвая* (мышка), *богатыимь слава*, а убогыимь добро и т. д.

Приведенные примѣры показываютъ, заключаетъ изслѣдователь, что „между сравниваемыми текстами есть какое-то родство, какъ въ словоупотребленіи, такъ и въ пріуроченіи примѣтъ“... Есть и дополненія, — хотя трудно указать, изъ какого источника идутъ эти дополненія. Общій анализъ извѣстнаго

пока единственнаго русскаго текста, изданнаго Пыпинымъ, заставляютъ изслѣдователя сдѣлать предположеніе, что русскіе тексты Трепетника—„восходятъ также къ одному и тому же, что и сербскіе, болгарскому переводу". Совпаденіе же въ обозначеніи нѣкоторыхъ гаданій Пыпинскаго текста со списками сербскими вторичнаго, болѣе поздняго и осложненнаго вида—заставляетъ думать, что переходъ юго-славянскаго Трепетника въ русскую письменность совершился уже послѣ осложненія Трепетника древнѣйшаго типа (какъ мы его имѣемъ въ Шафариковскомъ спискѣ) тѣмъ вторымъ переводомъ, который обусловливалъ собою созданіе названныхъ сейчасъ сербскихъ списковъ болѣе поздней, вторичной фармаціи, или по крайней мѣрѣ послѣ появленія этого второго Трепетника,—который также могъ перейти въ Россію, и здѣсь уже вступить въ соединеніе со старшимъ текстомъ: слѣдомъ этого въ Пыпинскомъ спискѣ и остались обобщенія, дублеты и наросты въ обозначеніи гаданій. Новыя наслоенія, источникъ которыхъ пока неизвѣстенъ, обусловили тотъ объемъ и типъ Трепетника, какимъ мы его знаемъ въ Пыпинскомъ спискѣ XIX вѣка.

Гаданье по Псалтыри возникаетъ у насъ уже въ самые первые вѣка христіанства. Припомнимъ извѣстное мѣсто въ „Поученіи" Вл. Мономаха дѣтямъ: „И отрядивъ я̆ (пословъ), веземъ Псалтырю въ печали разгнухъ ю и то ми ся вынцу: вскую печалуеши душе? вскую смущаеши мя? и проч. И потомь собрахъ словца си любая и складохъ по ряду и написахъ: „Аще вы послѣдняя не люба, а передняя пріймайте". Вскую печална еси душе моя, вскую смущаеши мя? Упова на Бога"... Въ Поученіи Мономахъ разсказываетъ случай изъ своей жизни, когда къ нему, во время его пути, на Волгѣ, пришли послы съ предложеніемъ поднять оружіе на Ростиславичей, выгнать ихъ изъ

волости,—грозя въ противномъ случаѣ разрывомъ съ братьями, съ которыми Владимиръ цѣловалъ крестъ. Находясь въ нерѣшительности, въ печали — онъ, „разгнулъ Псалтырь", раскрылъ на удачу книгу, которая очевидно всегда имѣлась у него подъ руками, была съ нимъ и въ дорогѣ,—и ему „вынулось" („и то ми ся выну") приведенное мѣсто псалма....; изъ „словецъ" (изъ отдѣльныхъ словъ?... или буквъ въ началѣ строкъ на страницѣ?...) составилъ себѣ отвѣтъ—„собрахъ словца складохъ по ряду"., а можетъ быть нашелъ его по этимъ „словцамъ" и готовымъ — „Аще вы послѣдняя не люба, а передняя пріймайте"... Приведенное мѣсто Поученія —на сколько извѣстно—наиболѣе раннее свидѣтельство о гаданіи у насъ по Псалтыри... Гадали впрочемъ и по другимъ книгамъ св. Писанія, напр. пророческимъ; подъ 1276 г. въ Волынской лѣтописи читаемъ: „Вложи Богъ въ сердце мысль благу князю Володимирови, нача собѣ думати, абы гдѣ за Берестьемъ поставити городъ. И взя книгы пророческыя, да тако себѣ въ сердци мысля рече: Господи Боже сильный и всемогый, вся созидая и разстраяя,—что̀ ми, Господи, проявишь грѣшному рабу своему, и на томъ стану. Разгнувъ же книгы, и выняся ему пророчьство Исаиио: Духъ Господень на мнѣ и пр. Князь же Володимеръ отъ сего пророчьства уразумѣ милость Божію до себе, — и нача искати мѣста удобьна, абы поставити городъ"... Въ массѣ нашихъ старыхъ рукописей уже отъ XI вѣка до насъ дошло нѣсколько листковъ *Псалтыри*,—которая, очевидно, употреблялась именно для гаданій: подъ страницами, гдѣ начинаются псалмы, написаны киноварью особыя гадальныя приписки, относящіяся къ находящимся здѣсь начальнымъ строкамъ псалмовъ (листки изданы сполна Срезневскимъ). Другая такая гадальная Псалтырь дошла отъ XIV в.,—находится въ Моск. Типогр. библіотекѣ и др.

Употреблявшійся въ древней Руси пріемъ гаданія по Псалтыри—или другой книгѣ св. Писанія—очевидно относится

вообще къ области гаданія по священной книгѣ, или даже вообще по книгѣ, по письму, и въ этомъ смыслѣ, своимъ началомъ скрывается въ отдаленнѣйшихъ временахъ человѣческой культуры... И въ древніе и въ средніе вѣка обычай гадать по книгѣ былъ весьма распространеннымъ, и даже игралъ важную роль въ общественной жизни. Въ средніе вѣка обыкновенно гадали по Библіи; этотъ пріемъ гаданія назывался поэтому *βιβλιομαντεία*, что вѣроятно, въ началѣ означало гаданье „по книгѣ вообще". Въ Византіи гаданье производилось иногда при назначеніи въ епископы,—этотъ обычай оставилъ даже слѣдъ въ чинѣ поставленія епископа: это значило получить *ζυγὸν τοῦ ἐυαγγελίου*. Гаданье совершалось такъ: посвящаемому клали на голову Евангеліе, раскрывали, гдѣ случится, читали первую строку на страницѣ и по прочтенному заключали, каковъ будетъ пастырь вновь посвященный... По свидѣтельству Өеофана и Кедрина, гаданья по св. Писанію были распространены и въ простомъ народѣ. Извѣстны и самыя гадальныя книги св. Писанія этого рода... Одна изъ такихъ книжекъ имѣется напр. въ Парижской Націон. Библіотекѣ и называется *Ρικτολόγιον ἐκ τῶν τοῦ ἁγίου ἐυαγγελίου κεφαλαίων*. Книжка представляетъ выборку текстовъ изъ Евангелія, можетъ быть, одного Іоаннова, можетъ быть, евангелія-апракоса"... Въ одномъ латинскомъ источникѣ IX вѣка (въ „Отвѣтахъ папы Николая I болгарамъ", 866 г.) мы видимъ любопытное описаніе самаго способа гаданья... Указанія на обычай гаданья и даже указаніе именно на тотъ же самый обычай встрѣчаются и въ нашемъ Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ (М., 1639), воспроизводящемъ въ настоящемъ случаѣ соотвѣтствующую статью Номоканона Фотія. „Инъ нѣкій священникъ—читаемъ въ Требникѣ въ дополненіяхъ къ правилу 20-му—со Евангеліемъ, ему же древо связано бысть, и круговидно обращашеся, обвиненъ, яко испытанія творяше о нѣкіихъ вещехъ со псалмы Давидовыми, абіе изверженъ бысть. (Сицевому суду подлежатъ,

иже имена на хартіяхъ пишутъ и ключи въ Псалтырь влагаютъ, оттуду ложная вѣщающе)". Въ самомъ же правилѣ 20 осуждаются тѣ, кто „или щастіе и родословіе вѣруютъ, яко овъ убо въ день благъ, овъ же въ золъ родися, или мѣстнословіе..., или Давыдскія псалмы и имена мученическія поминающе на выю си вѣшаютъ"... Этому „мѣстнословію" въ греческомъ соотвѣтствуетъ упомянутое выше *ῥικτολόγιον*... Не менѣе распространенны были гаданья и гадальныя книжки на Западѣ. „Греко-римская древность помимо оракуловъ, Сивиллъ, передала въ наслѣдіе среднимъ вѣкамъ цѣлый рядъ своихъ пророковъ-мудрецовъ: это не только пророки о Христѣ, каковыми являются знаменитые семь мудрецовъ и философовъ (прорицаніями которыхъ оканчиваются нѣкоторые списки греческихъ и славяно-русскихъ „Пчелъ"), — но и предсказатели будущаго вообще; весьма популяренъ былъ, напримѣръ, въ теченіе среднихъ вѣковъ Пиѳагоръ, которому приписывалось основаніе математическихъ гаданій, основанныхъ на мистическомъ значеніи цыфръ въ именахъ (это—*ὀνομομαντεία* и *ἀριθμομαντεία*. Гораздо популярнѣе былъ Виргилій, авторъ „Энеиды"; по „Энеидѣ" гадали еще въ древности, какъ и по Гомеру; Виргилій весьма рано превратился изъ римскаго поэта въ мага и волшебника среднихъ вѣковъ, прославившагося умѣньемъ не только предсказывать будущее, но и строить чудныя вещи, по которымъ можно было узнавать будущее. Его сочиненія послужили основой для средневѣковыхъ знаменитыхъ *Sortes Virgilianae*, давшихъ въ свою очередь начало знаменитымъ же *Sortes Sanctorum*"... Этимъ терминомъ обозначалось вообще то же, что въ греческомъ терминами: *βιβλιομαντεία*, *ῥαψῳδομαντεία*, т. е. когда человѣкъ, желая узнать будущее, разгибалъ на удачу книгу (священную), желая въ текстѣ ея найти „sors"—жребій, отгадку задуманнаго. Sors такимъ образомъ соотвѣтствуетъ вполнѣ упомянутому выше грече-

скому *ζυγός*. .“ Кромѣ простого гаданья по книгѣ—когда, желая получить отвѣтъ на какой-нибудь вопросъ, брали книгу, разгибали ее наудачу, читали первыя слова или первое слово на страницѣ, и истолковывали прочитанное примѣнительно къ задуманному,—способъ гаданья иногда имѣлъ болѣе сложную форму. На это указываетъ уже самое слово *ῥικτολόγιον*, приводившееся выше: первая часть этого слова производятъ отъ глагола *ῥίκτειν*, византійской формы древняго *ῥίπτειν*—бросать, именно бросать жребій... При *Ῥικτολόγιον*'ѣ *ἐκ τῶν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου κεφαλαίων* употреблялись или кости съ какими-либо значками (цыфрами или точками), указывавшими, гдѣ надо искать въ книгѣ цитату и ея толкованіе, или же присоединена была таблица съ подобными значками или цыфрами, на которую и бросали какой-нибудь предметъ: кость, камешекъ, зерно, шарикъ и т. д. Способъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ обычныхъ и древнѣйшихъ, и стоялъ въ связи съ гаданьемъ вообще по костямъ,—которое вмѣстѣ съ гаданьемъ по письму или книгѣ выработано было практикою уже въ глубокой древности... Съ гаданьемъ по костямъ изслѣдователи ставятъ въ связь и игру на костяхъ, въ особенности многочисленныя преслѣдованія этой игры въ средніе вѣка, хотя и не приведшія ни къ чему. Игра въ кости, по замѣчанію изслѣдователя, даетъ любопытныя указанія на древніе способы гаданья. Играли обыкновенно въ три кости,—самыя названія которыхъ („настоящее“, „прошедшее“, „будущее“) ясно говорятъ о старой связи игры съ гаданьемъ... Западная гадальная литература была весьма обширной; произведенія этого рода явились на Западѣ въ числѣ самыхъ первыхъ печатныхъ изданій по изобрѣтеніи здѣсь книгопечатанія. Древнѣйшія, дошедшія до насъ, западныя гадальныя книжки относятся къ послѣдней четверти XV в. Въ этихъ „книжкахъ судьбы“, „альманахахъ“—старыя разнообразныя гаданія, по священнымъ книгамъ, по изреченіямъ древнихъ писателей, оракуловъ, слились съ астрологическо-„халдейской“

мудростью, съ гаданіями по примѣтамъ, по воску, линіямъ руки и т. п., и образовали своеобразную энциклопедію житейскихъ совѣтовъ, врачебныхъ рецептовъ, разнаго рода пророчествъ на тѣ или другіе случаи. Пріемы гаданій иногда указываются самыми заглавіями гадальныхъ книжекъ. Названные „альманахи" были непосредственными предшественниками теперешнихъ „календарей"; самый планъ календаря, особенно народнаго, по замѣчанію изслѣдователя, до сихъ поръ „въ значительной степени опредѣляется старой гадательной книжкой"...

Подобно Западу и Византіи,—гаданье и въ древней Руси имѣло иногда важное общественное значеніе. Мы упоминали уже о гаданьяхъ Владимира Мономаха и Владимира Волынскаго. Въ Новгородѣ, какъ извѣстно, особаго рода гаданье, гаданье по жребію, производилось при избраніи въ новгородскіе владыки; записки кандидатовъ клались на престолъ св. Софіи... Жребій, жеребьевка—имѣетъ и досихъ поръ широкое распространеніе въ простомъ быту русскаго народа,—примѣняясь иногда при самыхъ важныхъ общественныхъ актахъ, напр. при рекрутскомъ наборѣ... Къ числу древнихъ свидѣтельствъ существованія въ древней Руси гаданій должны быть отнесены показанія нашихъ индексовъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, особенно поздней (однако, не позднѣе XIV в.) редакціи, слившей въ одно понятіе о книгѣ ложной, апокрифической (въ древнемъ смыслѣ термина), съ понятіемъ о книгѣ запрещенной вообще, почему въ списки богоотметныхъ книгъ попали и гадательныя книги. Въ этомъ индексѣ мы находимъ почти весь кругъ гадательныхъ книгъ, какимъ онъ представляется для Востока и Запада." Нельзя не имѣть въ виду при этомъ, что списокъ этотъ не всегда, кажется, соотвѣтствовалъ собственно русской или славянской практикѣ,—не всѣ изъ упомянутыхъ въ индексахъ книги дѣйствительно вращались въ древнерусскомъ обществѣ; въ наши индексы указанія нерѣдко переносились меха-

нически изъ греческихъ индексовъ... Самыя указанія индекса часто весьма неясны; индексы часто приводятъ нетолько заглавіе той или другой гадательной книги или статьи,— но имѣютъ въ виду и самый обычай, выраженіемъ котораго была книга, а иногда и самый обычай, не связанный съ книгою, независимый отъ книги... Обширныя указанія о древнерусскихъ гаданьяхъ дѣлаетъ Стоглавъ. Здѣсь мы не находимъ, говоритъ изслѣдователь, „запрещеній гадать по священнымъ книгамъ: ясно, что отцы собора не нашли нужнымъ останавливаться на этомъ гаданіи, м. б., они не считали его предосудительнымъ; но за то въ Стоглавѣ находимъ указаніе на то, что запретная гадательная литература къ XVI в. у насъ представляла тѣ же фазы развитія, что̀ на Западѣ и въ Византіи,—что въ этомъ случаѣ индексъ запрещенныхъ книгъ въ значительной степени стоялъ на реальной почвѣ. Вотъ эти свидѣтельства. Въ вопросѣ 17-мъ соборъ жалуется: „И на полѣ бьются и кровь проливаютъ (дѣло идетъ о поединкѣ); и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ: кудесы бьютъ, въ *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли* смотрятъ и по звѣздамъ и планетамъ гадаютъ и смотрятъ дней и часовъ“. Ясно, что здѣсь подразумѣваются тѣ же вредныя книги, которыя запрещалъ и индексъ: *Аристотелевы Врата*, *О часѣхъ добрыхъ и злыхъ*, *Рафли*, *Звѣздочетецъ*, *Планидникъ*. Въ вопросѣ 22-мъ находимъ также перечень цѣлаго ряда запрещенныхъ гадательныхъ книгъ: „Злыя ереси кто знаетъ и ихъ держится: *Рафли*, *Шестокрылъ*, *Вороноградъ*, *Зодѣй*, *Алманакъ*, *Звѣздочетье*, *Аристотель*, *Аристотелевы Врата* и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ,—и въ тѣ прелести вѣруючи многихъ людей отъ Бога отлучаютъ, и погибаютъ“... Это, какъ видимъ, по преимуществу астрологическая литература, при томъ, по всей вѣроятности, „въ значительной мѣрѣ западная по происхожденію“. Подобныя же

указанія дѣлаются Домостроемъ. Его составитель, говоря о врачеваніи болѣзней и убѣждая не прибѣгать при нихъ ни къ какой иной помощи, кромѣ Божіей, — перечисляетъ: „Къ сему же чарованіе и волхованіе и наузы, *Звѣздочетіе*, *Рафли*, *Алмонаки*, чернокнижіе, *Вороноіграй*, *Шестокрылъ*, стрѣлки громны, топорки, усовники, днокаменіе, кости волшебныя и иныя всякія коби бѣсовскія“... Есть указанія и изъ XVII вѣка: въ 1628 году нѣкто Семейка Григорьевъ, дьячекъ, за держаніе у себя *Раѳлей*, былъ закованъ въ ножныя желѣза и сосланъ въ монастырь, въ черныя службы, на годъ...

Мы уже упоминали о древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ текстахъ древнерусской *Гадальной Псалтыри*: это—нѣсколько листковъ XI в., изданныхъ Срезневскимъ, и почти полный псалтырный текстъ XIV вѣка (самыя гадальныя приписки, къ сожалѣнію, здѣсь сильно обрѣзаны), изданный сполна проф. Сперанскимъ въ приложеніяхъ къ недавно вышедшему изслѣдованію, которымъ мы здѣсь пользуемся. Оба памятника—русскаго правописанія и письма. Въ Псалтыри XI вѣка гадальныя приписки написаны внизу страницъ, киноварью и тѣмъ же почеркомъ, какъ и другія киноварныя буквы; точно такъ же, подъ строками, внизу страницы, идутъ гадальныя приписки и въ Псалтыри XIV в.

Вотъ нѣсколько гадальныхъ приписокъ изъ Псалтыри XI вѣка (по изданію Срезневскаго):

Текстъ псалма:	*Гадальн. приписки:*
Законъ Господень... умудряетъ младенцы...	Господня благодать и украшеніе ти будетъ.
Исполни Господь вся прошенія твоя...	Услышитъ Богъ молитву твою.
Живота проси у тебе и далъ еси ему...	Врази нынѣ обидятъ тебе.
Азъ есмь червь, а не человѣкъ...	Отъ печали въ радость придетъ.
Уготовилъ еси предо мною трапезу предъ стужающими мнѣ...	Въ совѣтъ приходитъ, его же просиши.

Вотъ нѣсколько гадальныхъ приписокъ изъ Псалтыри XIV вѣка:

Текстъ псалма:	*Гадальныя приписки.*
— V:	Сего нынѣ не будетъ.
— VI:	Добръ совѣтъ имаши: твори еже хотя.
— VIII:	Еже не чаеси, велія радость ти придеть.
— X:	Орудіе (дѣло) твое свершаеться
— XIII:	Аще вдаси мзду, одолѣеши.
— XV:	Издалеца нѣчто приходитъ ти и добро получиши.
— XVI:	Будетъ орудіе (дѣло), но есть пакостью.
— XX:	Множи вражи нынѣ обидуть тебе.

Нѣкоторыя гадальныя приписки въ Псалтири XIV в. какъ видимъ, тѣ же, что читаются и въ Псалтыри XI вѣка.

Любопытнымъ дополненіемъ къ этимъ двумъ древнерусскимъ текстамъ Гадальной Псалтыри является одинъ дошедшій до насъ сербскій текстъ XIII вѣка, носящій заглавіе *Число Псалтырьно.* Здѣсь передъ нами уже не Псалтырь,—а одни только гадальныя приписки; псалмы лишь указываются по числамъ, въ такомъ видѣ:

Аще будетъ псаломъ 1: О т ъ п е ч а л и в ъ р а д о с т ь п р е х о д и т ь.
— — — 3: М н о з и в р а з и т в о и в ъ с т а ш а, д а п о ж д и м а л о.
— — — 5: Д о б р а с о в ѣ т ь н и к а и м а ш и, т в о р и е ж е х о т я и т. д.

Слова „аще будетъ псаломъ“ стоятъ лишь въ самомъ началѣ, передъ цыфрой перваго псалма,—дальше слѣдуютъ лишь одни цыфры, „числа псалтырьныя“. Къ этому тексту, заключающему въ себѣ номера псалмовъ и гадальныя къ нимъ приписки—присоединяются здѣсь же два чертежа: „одинъ, состоящій изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ, гдѣ, начиная отъ центра, проставлены цыфры псалмовъ отъ 1 до 150-ти, и другой, представляющій спираль, по которой идутъ тѣ же цыфры псалмовъ, также отъ средины къ окружности. Ясно, что гаданіе здѣсь производилось съ помощью зерна или

камешка, который бросался на кругъ, падалъ на ту или другую цыфру, по которой и находили отвѣтъ въ спискѣ отгадокъ — въ „Числѣ Псалтырномъ“. Такимъ образомъ, въ данномъ текстѣ находимъ лишь аппаратъ для гаданья, стоявшій въ связи съ Псалтырью. Способъ гаданья—самый распространенный: онъ встрѣчается уже въ древнее время, когда гадали съ помощію камня, кости, зерна, бросаемаго на таблицу съ цыфрами или прямо съ изреченіями, содержащими отгадку задуманнаго,—онъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка въ Византіи (ῥικτολόγιον), откуда могъ быть занесенъ къ юго-славянамъ и къ намъ. У насъ онъ сохраняется до сихъ поръ: подобный же кругъ, съ тѣмъ же расположеніемъ цыфръ (но уже не 150, а 100), съ подобной же таблицей отгадокъ находимъ въ ходячихъ до сихъ поръ *Гадательныхъ книжкахъ царя Соломона, Кругъ счастія* и т. п.

Два первые текста—XI и XIV вв.—представляютъ собой самый первоначальный и самый простой пріемъ гаданья по Псалтыри: ни круговъ, ни бросанія зерна или кости здѣсь еще нѣтъ; достаточно было разогнуть книгу на удачу, дойти до начала псалма, прочесть его, или только первый стихъ его, и обратиться къ припискѣ внизу страницы. Повидимому, подобнаго рода Псалтырь съ гадальными приписками и была та, по которой гадалъ Владиміръ Мономахъ,—хотя полнаго тожества этой Владиміровой Псалтыри съ двумя названными псалтырными текстами сдѣлать все же нельзя: послѣ того, какъ Мономахъ „разгнулъ“ Псалтырь и ему „вынулось“ приводимое дальше мѣсто псалма,—Мономахъ производитъ какую-то выборку „словецъ“, сопоставленіе ихъ, въ результатѣ чего получаетъ отгадку на задуманное: „Веемъ Псалтырю... разгнувъ ю и то ми ся выну...,—и потомъ собрахъ словца си любая и складохъ по ряду и написахъ: „Аще вы послѣдняя не люба, а передняя пріимате“... Самой приписки этой тоже въ дошедшихъ до насъ гадальныхъ текстахъ не встрѣчается.

Съ упомянутой сейчасъ произведенной Владиміромъ Мо-

номахомъ выборкой „словецъ“, едва ли не имѣетъ чего-либо общаго еще особый, дошедшій до насъ, хотя довольно поздній, сербскій текстъ Гадальной Псалтыри,—имѣющійся теперь въ спискахъ XVII в. Въ рукописяхъ текстъноситъ громкое и длинное заглавіе: *Благовѣствованіе древнее и неложное. Хитрость сія пророку Самуилу откровена бысть ангеломъ Господнимъ 16-ми образы, и пророчествоваша людемъ о будущихъ* (текстъ сполна изданъ у проф. Сперанскаго). Памятникъ открывается любопытнымъ предисловіемъ, гдѣ указывается самый способъ гаданія: „Бываетъ же (гаданье) сице, читаемъ здѣсь: Възъмъ светое Евангеліе или Псалтырь, постивсе и умивсе, на тще сердца, прьвѣи убо пой трисвето, съ сокрушеннымъ сердцемъ и помоливсе Богу, таже прѣкрстивъ светое Евангеліе или Псалтырь, глаголи въ сердци своемъ вьпросъ, о немъ же благовѣщаетъ, и разгнувъ дрьжи лѣвую страну отъ начела и възми прьвое слово прьвые врьсти. Аще убо есть лихое, таково есть слово, яко же сіе: *а, г, е..* (приводятся буквы „лихія“),—пишимъ чрьту едну. Аще ли есть слово тькмое, сирѣчь *в, д, и...* (приводятся буквы „тькмыя“), — пишимъ чрьте двѣ“... Такъ надо дѣлать четыре раза, беря первую букву второй, третьей и четвертой строки открывшейся страницы. Так. образомъ составляется одинъ изъ 16-ти „образовъ“, ниже изображенныхъ и истолкованныхъ въ текстѣ, гдѣ объясняется каждый „образъ“—вообще, затѣмъ о вещи, о недугѣ... Роль прорицателя приписывается Самуилу; гаданье совершается по Евангелію или Псалтыри. Употребленіе для гаданій, наряду съ Псалтырью, Евангелія и другихъ книгъ св. Писанія и въ Византіи и на Западѣ было нерѣдкимъ. Довольно обычны и самые пріемы гаданья: молитва, постъ, а равно и подсчеты буквъ; гаданье по начальной буквѣ слова первой строки открывшейся на удачу страницы—одинъ изъ самыхъ обычныхъ пріемовъ при гаданьяхъ, бывшій одинаково

распространеннымъ въ средніе вѣка и на Востокѣ и на Западѣ. „Ориганальная сторона разсматриваемаго гаданья, замѣчаетъ проф. Сперанскій, во первыхъ въ томъ, что всѣ буквы греческаго алфавита дѣлятся на добрыя (тъкмыя) и злыя (лихія); во вторыхъ, въ томъ, что изъ первыхъ буквъ начальныхъ словъ первыхъ четырехъ строкъ найденной случайно страницы составляются комбинаціи черточекъ или точекъ (какъ нарисовано въ рукописяхъ), одна изъ 16-ти которая и ведетъ къ ключу“... Изслѣдователь сближаетъ разсматриваемый способъ гаданья съ гаданьемъ Мономаха,—въ разбираемомъ гаданьѣ мы имѣемъ дѣло также съ собираніемъ „словецъ“: можетъ быть, и Мономахъ имѣлъ списочекъ буквъ „лихихъ“ и „токмыхъ“...

Происхожденіе самаго текста, по мнѣнію изслѣдователя, несомнѣнно греческое: въ основѣ дѣленія буквъ на „лихія“ и „добрыя“ лежитъ алфавитъ греческій. Буквъ славянскихъ въ немъ нѣтъ. „Если даже предположить, говоритъ проф. Сперанскій, что мы имѣемъ дѣло здѣсь не съ буквами-звуками, а съ буквами-цыфрами, то и въ такомъ случаѣ приходимъ къ греческому оригиналу: эта таблица не примѣнима къ славянскому тексту Псалтыри: въ ней нѣтъ буквъ, съ которыхъ начинаются псалмы или ихъ стихи, или даже отдѣльныя славянскія слова, напр. нѣтъ буквъ *б*, *ж*, ѧ и т. д. Греческій оригиналъ однако остается неизвѣстнымъ.

Вдаваясь въ результаты позднѣйшихъ обслѣдованій перечисленныхъ текстовъ славяно-русской „Гадальной Псалтыри“, —мы позволили себѣ сдѣлать отступленіе—съ цѣлью болѣе обстоятельной характеристики памятника, къ которому переходимъ сейчасъ, и который имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ разсматривавшейся нами выше гадально-астрологической литературѣ западнаго происхожденія. Разумѣемъ такъ наз. *Рафли*. Только что разсмотрѣнный гадальный текстъ „Благовѣствованія древняго неложнаго“, по выводамъ проф.

Сперанскаго, долженъ быть поставленъ въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ названными древнерусскими „Рафлями“.

„Рафли“—памятникъ вообще довольно загадочный, до самаго послѣдняго времени остававшійся плохо обслѣдованнымъ; лишь благодаря недавно явившемуся труду проф. Сперанскаго,—характеръ памятника нѣсколько выяснился, хотя далеко еще не вполнѣ.

Какъ мы выше видѣли, о „Рафляхъ“ упоминается въ Стоглавѣ, Домостроѣ и нѣкот. др. нашихъ памятникахъ XVI—XVII вв. Въ вопр. 17-мъ Стоглава читаемъ: „И на полѣ бьются и кровь проливаютъ—и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ: кудесы бьютъ, въ *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли* смотрятъ и по звѣздамъ и по планидамъ гадаютъ“...; въ вопросѣ 22-мъ: „Злыя ереси кто знаетъ и ихъ держится,—*Рафли*, *Шестокрылъ*, *Вороноградй*, *Зодѣй*, *Алманакъ*, *Звѣздочетье*, *Аристотель*, *Аристотелевы Врата*, и иныя составы и мудрости еретическія“... и т. д. Въ грамотѣ 1628 г. Рафли называются „гадальной тетрадкой“...

Самое слово „рафли“, „равлеи“ изслѣдователи сближаютъ съ одной стороны съ средне-лат. *raffla*—азартная игра, съ старо-франц. *raffle* (голл., шведск. *raftel*, англ. *raffle*—пата, равное количество очковъ при игрѣ въ кости),—съ другой съ средне-греч. формой *ῥάμπλιον*, означавшей особаго рода астрологическую книгу, трактовавшую о вліяніи звѣздъ на судьбу человѣка. *Ῥάμπλιον* сближается съ перс. *raml*, арабск. *ramlum*,—къ которымъ въ свою очередь вѣроятно восходитъ и среднелат. *raffla*... По замѣчанію акад. Веселовскаго, которому принадлежатъ приведенныя сопоставленія,—здѣсь „понятіе игры выдѣлилось изъ болѣе архаистическаго, обрядоваго, на этотъ разъ изъ гаданія“...

Самый памятникъ—остается неизвѣстнымъ. Въ изданіи Пыпина: „Памятники старин. русской литературы“ (III,

161—166) правда, мы читаемъ: „Рафли. Книга гадательная пророка и царя Давида",—но въ самой рукописи добавки: „рафли" нѣтъ; читается просто: *Книга гадательная пророка и царя Давида.* Сл. „рафли", на основаніи особыхъ научныхъ соображеній, добавлено издателемъ...

Хотя древнерусскія „Рафли" повидимому и ведутъ насъ на востокъ,—въ Византію, въ виду существованія въ византійской литературѣ подобной же книги *῾Ράμπλιον*, съ одной стороны, и отсутствія чего либо подобнаго на западѣ, съ другой—въ западно-европейской литературѣ „рафли," въ смыслѣ гадательной книжки совсѣмъ неизвѣстны, извѣстна лишь азартная игра—тѣмъ не менѣе позднѣйшій изслѣдователь считаетъ необходимымъ держаться стараго мнѣнія Пыпина, что „рафли" пришли къ намъ не съ Востока, а съ Запада... По мнѣнію проф. Сперанскаго, на это указываетъ какъ самое названіе „рафли"—„ближе подходящее по звукамъ къ латино-западной формѣ слова (*raffla*, *rafle*, *raffel*), нежели къ греческой (*ῥάμπλιον*, *rablion*), такъ и тотъ фактъ, что „рафли" обыкновенно упоминаются „въ числѣ памятниковъ гадательно-астрологическихъ, скорѣе всего пришедшихъ къ намъ съ запада"... Изслѣдователь считалъ даже необходимымъ высказать предположеніе,—что нѣкогда и на западѣ существовала какая нибудь особая гадальная книжка съ *raffla*, *ῥάμπλῖον*,—отъ которой пошли и гаданія и азартная игра... Болѣе позднія разысканія дѣйствительно обнаружили существованіе въ западно-европейской литературѣ XV—XVI вв. подобныхъ гадательныхъ книжекъ,—хотя уже не носящихъ самаго названія. Повидимому, эти книжки—болѣе поздней редакціи, видоизмѣненныя передѣлки болѣе старинныхъ текстовъ. „Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе ихъ съ греческими *ῥάμπλιον*'ами и восточными raml'ями, замѣчаетъ проф. Сперанскій, исключаетъ всякое сомнѣніе въ ихъ связи съ „рафлями":эти книжки сохранили существенныя характерныя черты греко-восточныхъ „рафлей"... Такъ

одна изъ такихъ западныхъ гадальныхъ книжекъ—*Das Buch des Glückslauffs und der sechtzehen Bichter*, писанная въ 1492 году и найденная недавно въ б-кѣ Гейдельбергскаго университета—„сохраняетъ существенныя черты „Рафлей“: астрологическій характеръ, затѣмъ дѣленіе на 16 фигуръ (ср. арабскія „рафли“),—основано оно на геомантіи, т. е. гаданіи по чертамъ или точкамъ и ихъ 16 комбинаціямъ, которое производилось на пескѣ, мукѣ и т. п., стало быть, подходило и къ греч. *ῥαθούλιον (=ῥάμπλιον) ἤτοι λαξευτήριον*. Въ довершеніе сходства нѣмецкой книжки съ восточными „рафлями“, продолжаетъ проф. Сперанскій, въ ней происхожденіе геомантіи приписывается глубокой древности—времени Ноя, подобно арабскимъ „рафлямъ“, ведущимъ свое начало отъ Ириса (Эноха). Съ восточными же (персидскими) „рафлями“ связываетъ нашу книжку и то, что необходимыя для гаданія комбинаціи черточекъ или точекъ даны уже въ книгѣ, а не на пескѣ или землѣ. Подобно „рафлямъ“ греческимъ и въ нѣмецкой книжкѣ гаданіе производится костями. Въ результатѣ мы видимъ, заключаетъ изслѣдователь,—полное совпаденіе между нѣмецкой книжкой и восточными „рафлями“, съ одной стороны, и греческими, съ другой, т. е. въ Гейдельбергской рукописи XV в. Buch des Glucklauffs мы имѣемъ западныя *Рафли*“...

Такимъ образомъ „рафли“ и арабско-персидскія и греческія и нѣмецкія—всѣ носятъ одинаковый характеръ, астрологическій вообще, геомантическій въ частности. По выводамъ изслѣдователя,—„таковы должны быть и наши русскія „Рафли“, идущія отъ западныхъ“... Самый текстъ древнерусскихъ „Рафлей“ тѣмъ не менѣе остается неизвѣстнымъ; то, что̀ издано съ этимъ заглавіемъ Пыпинымъ: *Рафли. Книга гадательная пророка и царя Давида*—есть собственно „Книга гадательная пророка и царя Давида,“ а не „Рафли“: слово это, какъ мы уже замѣчали, прибавлено издателемъ,—въ рукописи его нѣтъ... Впрочемъ,

есть надежда, что текстъ древнерусскихъ Рафлей будетъ отысканъ,—покрайней мѣрѣ, онъ существовалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По мнѣнію проф. Сперанскаго,— текстъ этотъ дѣйствительно былъ въ рукахъ извѣстнаго Сулакадзева... „Не смотря на не особенно лестную славу, которую стяжалъ себѣ Сулакадзевъ—замѣчаетъ проф. Сперанскій, разумѣя позднѣйшія разысканія относительно Сулакадзева въ статьѣ Пыпина: Поддѣлки рукописей и нар. пѣсенъ (Спб., 1898),—въ данномъ случаѣ ему можно довѣриться. Основанія этому я полагалъ бы въ слѣдующихъ соображеніяхъ: Сукаладзевъ такъ характеризуетъ свою рукопись: *Ъафли.* Книга рукописная, гаданія по точкамъ и чертамъ и счету... Франц. *raffle* въ игрѣ зернію. Когда три кости бросишь, и на нихъ выпадетъ одинаковое число очковъ“... Характеристика, данная Сулакадзевымъ, подходитъ весьма близко къ характеристикѣ нашей этого памятника... Сулакадзевъ изъ иностранныхъ источниковъ могъ знать развѣ только Дюканжа, но у послѣдняго онъ не могъ найти подобной характеристики „рафлей“,—какъ гаданія, основаннаго на точкахъ и чертахъ; ясно, что эти „точки и черты“ Сулакадзевъ нашелъ въ рукописи; оно навело Сулакадзева на сопоставленіе съ франц. raffle“...

Въ московской письменности XVI—XVII вв. мы видимъ цѣлый рядъ переводовъ сочиненій астрологическаго и вообще календарнаго характера, а также „по астрономіи“. До насъ дошелъ цѣлый рядъ переводныхъ календарей XVI—XVII в.—вмѣстѣ съ русскими подражаніями и передѣлками. Источники были отчасти нѣмецкіе, отчасти польскіе, или нѣмецко-польскіе... Отмѣчаемъ нѣкоторыя произведенія этого рода, извѣстныя по рукописямъ,—пользуясь только что вышедшимъ трудомъ, заключающимъ въ себѣ описа-

ніе и обслѣдованіе этихъ рукописей, проф. Соболевскаго: Западное вліяніе на русскую литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Спб., 1899 (къ сожалѣнію, къ описываемымъ рукописямъ не приложено никакого указателя).

Изъ переводныхъ произведеній календарнаго характера едва ли не наиболѣе раннимъ является такъ наз. *Месяцесловъ Леопольдійскій*, — таблицы, указывающія годы отъ Адама восточной церкви, римскаго костела, по еврейски, и т. п.,—годы отъ Христа, индиктъ, кругъ солнца, кругъ луны и т. д. Первый годъ—1583; послѣдній—1752.

На одинъ изъ какихъ-то наиболѣе раннихъ у насъ переводныхъ календарей—указываетъ „предисловіе или бесѣда о *книзѣ Альманахъ*", читаемыя въ одной рукописи Публичной Б-ки, кон. XVI или нач. XVII в.

Изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ,—рядъ статей „о лунномъ теченіи", „о солнцѣ и мѣсяцѣ", „како мѣрити и вѣдати про сѣверную звѣзду", „како кружало (компасъ) держати" и нѣкр. др. Оригиналъ статей неизвѣстенъ; но языкъ перевода—русскій, простой и ясный. Проф. Соболевскій самый переводъ относитъ къ XVI вѣку, и предполагаетъ, что онъ сдѣланъ „въ Новгородѣ или на сѣверѣ Россіи"... Рукописи перевода идутъ лишь съ нач. XVII в.

Опредѣленіе времени рожденія и т. д. луны,—небольшая статья, встрѣчающаяся въ одной рукописи XVII в. и представляющая собой не переводъ, а передѣлку какой-то западно-европейской статьи, появленіе которой у насъ должно быть отнесено уже къ XVI вѣку. Языкъ перевода—русскій, „простой и ясный", по замѣчанію проф. Соболевскаго.

Весьма любопытнымъ является цѣлый сборникъ статей календарно-астрологическаго содержанія, носящій заглавіе: *Бесѣда о седми планетахъ* и находящійся въ одной рукописи XVII в. Описаніе его, хотя слишкомъ краткое, сдѣлано проф. Соболевскимъ. Сборникъ открывается виршами: „Бесѣды о седми планетахъ небесныхъ,—

От мудрых философов сложенна
И на сей свѣтъ преведенна,
Да навыкнемъ опасно сихъ писанія,
Явственнѣйши буди ихъ изданія
Буди глаголемо о поясѣхъ небесныхъ
И о седми звѣздахъ великихъ и мѣстныхъ,—

яже наричутся планеты. Довлѣетъ бо намъ о сихъ мало побесѣдовати и надобрѣ увѣдати"... Въ „бесѣдѣ" дѣлаются указанія на Дамаскина, книгу Григорія Назіанзина и др. Но вообще передъ нами сборникъ статей, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и имѣющихъ разный языкъ. Текстъ чередуется съ изображеніями; послѣднія—точныя копіи съ соотвѣтствующихъ западно-европейскихъ гравюръ. Текстъ статей астрологическо-гадальнаго содержанія. Сборникъ открывается замѣчаніемъ: „Аще хощешь вѣдать, подъ которою планетою кто родился, а ты напередъ напиши, на чемъ восхощешь, имя матки твоей и твое власное. И тако смотри, гдѣ случится... А литеры написаны польскою азбукою" (имена планетъ—латинскія: сатурнусъ, юпитеръ, марсъ). Слѣдуетъ рядъ изображеній планетъ съ подобнаго рода текстами: Подъ изображеніемъ солнца: „А приказано на огнь и на землю, на вѣтръ и на воды, и свѣтлость и владычество и мудрость и науку, и ангелъ его Кавцыемъ, а владѣетъ въ 9 часу. Первая планета солнце, держитъ недѣлю, есть сила дня"... Подъ изображеніемъ мѣсяца: „А приказано на братство и на милость и на прокормленіе и на красоту и ангелъ Цаденикъ. А владѣетъ въ 12 часу. Вторая планета луна, держитъ понедѣльникъ, есть дѣва"... Подъ изображеніемъ марса: „А приказано на ревность и гнѣвъ, а твердо какъ желѣзо, на сваръ и на гладъ и на вражду и на злость и на убійство, и ангелъ его Анноелъ, а владѣетъ въ 4 часу. Третья планета марсъ, держитъ вторникъ, есть несчастлива, мужеска можнѣ, зла, горяча"... И т. д. Въ подписныхъ текстахъ говорится о значеніи изображенной планеты для человѣка, который родился „подъ этой планетой", чему способствуетъ эта

планета и т. д. За изображеніями планетъ слѣдуютъ изображенія знаковъ зодіака,—съ подобными же подписными текстами, гдѣ указывается значеніе даннаго зодіака для человѣка, который родится подъ нимъ, и т. п. Слѣдуютъ статьи *О лунномъ разсмотрѣніи, О разсмотрѣніи солнца, О лунныхъ дняхъ, О днѣхъ, О погодѣ...* Далѣе: *Kniga Gromnic, твореніе премудраго Ираклія, царя Перскаго,—Колядникъ*, безъ заглавія,—особая статья: *По лунику о скорбѣхъ,—Tablica Pifagoresowa* и т. д. Статья напр. „О лунныхъ дняхъ“ начинается: „Въ первый день луны до 9 часа сѣяти и садити и волосовъ урѣзати“...; статья „О дняхъ“: „Людемъ израильтескимъ указано архистратигомъ Михаиломъ, въ кіи дни крови не пущати, ни коней холостити, ни сѣяти“... Книга Громникъ: „Аще громъ возгремитъ во овнѣ, иже отъ восточныя страны, порушатся...“ Колядникъ: „Аще рожество Христово въ недѣлю, зима будетъ протяжна...“ Статья „По лунику о скорбѣхъ“: „Аще луна настанетъ въ субботу. Аще въ первый день разболится человѣкъ, то исцѣлѣетъ...“ И т. д. Tablica Pifagoresowa назначается для гаданья о счастіи, выздоровленіи и т. п. Какъ уже замѣчено выше,—передъ нами сборникъ статей, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и имѣющихъ разный языкъ. Статьи, слѣдующія за изображеніями, съ полонизмами и западно-руссизмами въ языкѣ; по отзыву изслѣдователя—„несомнѣнно западно-европейскаго происхожденія“... Такого же характера—и Tablica Pifagoresowa. Kniga Gromnic-колядникъ (безъ заглавія)—„переведены съ греческаго“...

Четыре времени году—предсказанія на 1664 годъ (1663 г. называется „прошлымъ“), или такъ называемый „прогностикъ“, обычная принадлежность календарей XVII в. „Оригиналъ—какой нибудь нѣмецкій календарь на 1664 г. Языкъ—русскій, простой“...

Алманахъ „на многія впредь будущія лѣта отъ германъ, еже есть отъ нѣмецъ, изобрѣтенъ художествомъ ученія и пре-

свѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ"—указанія, какая должна быть погода, при извѣстномъ сочетаніи планетъ, что можно дѣлать и чего нельзя и т. п. Рукопись—нач. XVIII в. По предположенію проф. Соболевскаго, „оригиналъ—едва ли не на польскомъ языкѣ; во всякомъ случаѣ, полонизмовъ много..." Здѣсь же нѣсколько другихъ, къ „Альманаху" повидимому не относящихся статей астрологическаго содержанія,—и *Книга глаголемая математика*, „ново-преложенная съ елинска и латинска, влосска и польска языковъ на словенскій въ Москвѣ... въ лѣто 1664." Между прочимъ здѣсь замѣчается: сатурнъ „стоитъ надъ русскою, надъ новгородскою, московскою и литовскою странами"... Языкъ статей—съ массой полонизмовъ.

Какіе нибудь нѣмецкіе или польскіе календари, и т. п. сочиненія по предположенію изслѣдователя, послужили оригиналами и для слѣдующихъ переводовъ:

Переводъ съ астрологическаго календарнаго ключа, въ которомъ изъявлены всѣхъ патентатовъ гербы, также и градомъ различнымъ, кокъ тѣ въ календаряхъ астрологами описаны бываютъ,—переведено въ 1681 году. Длинный списокъ гербовъ, въ правильномъ алфавитномъ порядкѣ; послѣдній—„несомнѣнно русскаго происхожденія".

Роспись, подъ которымъ небеснымъ знакомъ или зодіею которые государства или грады подлежатъ. Языкъ—русскій, съ массой полонизмовъ. По указанію Соболевскаго, статья существуетъ по рукописямъ также въ другой редакціи и въ другомъ переводѣ.

Календарь историческій, старый и новый, на 1685 г.,—„въ которомъ по обыкновенномъ времени и праздниковъ, луны, ведра и ненастій описаніи, рѣчь или молитва о войнѣ турской, которую... учитель во общей высокой школѣ въ Лейцпикѣ городѣ Матвей Дрессерусъ говорилъ и написалъ. А нынѣ предлагаетъ Іоаннъ Генрихъ Фохтъ, короля свейскаго математикъ. Печатанъ въ Амбуркѣ." Списокъ на-

ходится въ б-кѣ Флорищевой пустыни. До насъ дошли также „календари“ Фохта на 1670, 1676, 1690, 1691, 1693 и др. Одни изъ нихъ были переведены, какъ указывается въ самыхъ заглавіяхъ, „съ цесарскаго языка иноземцемъ Иваномъ Якимовымъ“; другіе—„переводчикомъ посольскаго приказа П. Шафировымъ“... У царевича Алексѣя Алексѣевича былъ какой-то „календарь серебрянный“...

Новый и старый календарь теченій небесныхъ (на —1689 г.), домовитымъ для сѣвбы и для прививковъ, больнымъ для исправленія здравія, здравымъ для творенія дѣлъ великихъ, ловчимъ ловленія ради звѣря зѣло надобенъ“. Подлинникъ изданъ въ Краковѣ, нѣкіимъ Мартиномъ Станиславомъ Словаковичемъ; переводъ сдѣланъ переводчикомъ посольскаго приказа Семеномъ Лаврецкимъ. Рукопись—въ б-кѣ Архангельской семинаріи.

Буквальныя совпаденія съ названнымъ выше „предисловіемъ“ или „бесѣдой“ „о книзѣ Альманахъ“ представляютъ начальныя слова *Бѣговъ небесныхъ*,—особаго сочиненія астрологическаго характера, дошедшаго въ поздней рукописи и въ поздней редакціи, принадлежащей началу XVIII в., съ такимъ заглавіемъ: „Бѣги небесные о движеніи и теченіи двою великихъ свѣтилъ небесныхъ солнца и луны и другихъ пяти планетъ, сатурна и прочихъ, въ колико лѣтъ обходятъ круги движенія своего и въ кое время становятся въ чину своемъ...,—по елику мощно, по силѣ нашей собравше, здѣ предлагаемъ“. Содержаніе—о движеніи солнца, луны, планетъ, затмѣніяхъ, временахъ года, погодѣ, о дняхъ удобныхъ для кровопусканія, принятія лѣкарствъ и разныхъ дѣлъ,—примѣты о здоровьѣ и болѣзняхъ и т. д., въ вопросахъ и отвѣтахъ. Проф. Соболевскій предполагаетъ, что передъ нами—русская компиляція, и вообще текстъ такъ или иначе дополненный однимъ изъ русскихъ читателей XVIII в.

О человѣцѣхъ планидникъ или календарь мѣсячный человѣческимъ нравомъ, на 12 мѣсяцовъ,—который человѣкъ въ

коемъ мѣсяцѣ родится и подъ которою планидою, и кто какова будетъ обычая и возраста и счастія, и какіе будутъ у него признаки болѣзни, или какое будетъ родимое знамя, и отъ чего кому будетъ какое безсчастіе или счастіе, и кто какого цвѣту употребляти будетъ, кромѣ непотребнаго. Извѣстна одна рукопись—конца XVII в. Въ языкѣ перевода „полонизмовъ мало“.

Переводившіяся статьи календарныя и астрологическо-астрономическаго содержанія, какъ выше было замѣчено, не только переводились, но часто и передѣлывались, вообще нерѣдко носятъ характеръ вполнѣ усвоенныхъ, такъ сказать акклиматизировавшихся въ нашей письменности. Языкъ этихъ переводовъ чаще всего—чисто русскій, простой, ясный; въ содержаніи иногда встрѣчается болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Такой, болѣе или менѣе оригинальный, характеръ носитъ напр. переводъ слѣдующей статьи:—

Притча о царѣ-годѣ, о веснѣ, лѣтѣ, осени и зимѣ, съ рисунками года-царя и четырехъ временъ года,—произведеніе, очень часто встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ XVII—нач. XVIII вв. Рисунки—чаще всего копіи съ западно-европейскихъ гравюръ, но иногда представляютъ „сценки изъ русскаго быта, не имѣющія ничего западнаго...“ Въ „притчѣ“ даются объясненія изъ греческой и римской миѳологіи и исторіи,—„съ грубыми ошибками и полемикой противъ нихъ на основаніи Моисеевыхъ книгъ и Псалтыри“... Въ одномъ мѣстѣ совѣтуется тѣмъ, кто желаетъ знать о златорунномъ овнѣ и огнедышущихъ волахъ—„да чтетъ троянскую бытію“; въ другомъ говорится: „У Пріямуса царя сынъ именемъ Александръ, иже и Фарижъ именовася пастыревичъ преже“... Здѣсь же Ромилъ дѣлаетъ „жертвище во имя отца своего Марта“... Или такія замѣтки: „Ахиллесъ греческій волхвъ и царь“...; „Юнонъ былъ идолъ“...; Кастеръ и Полюскъ, Юрій Кесарь—„ипаты египетскіе изби Помбія и Магна“ и т. д. Въ языкѣ есть полонизмы; но мѣстами переводъ

представляется какъ бы съ латинскаго... „Очевидно, замѣчаетъ проф. Соболевскій,—передъ нами не простой переводъ съ латинскаго, по крайней мѣрѣ мѣстами, а передѣлка русскаго человѣка"... Переводъ, повидимому, сдѣланъ въ Псковѣ; въ предисловіи между прочимъ замѣчается: „егда отъѣдеши... отъ нашихъ псковскихъ предѣлъ"... Есть ссылки на „нашъ", „на нашъ русскій языкъ"... И т. п.

Лучшимъ пріобрѣтеніемъ по астрологіи-астрономіи нашей переводной литетатуры XVII вѣка былъ переводъ извѣстнаго труда „Іо. Гевелія: *Селенографія*, еже есть луны описаніе и прилежное крапинъ ея и подвиженій различныхъ и иныхъ всѣхъ измѣненій и изображеній, зрительнаго сосуда помощію испытанныхъ, опредѣленіе. Въ немъ же здѣ иныхъ многихъ планетъ природный зракъ и многая блюденія, наипаче же крапинъ солнечныхъ и јовешовыхъ трубозрѣніемъ изобрѣтенныхъ и табліями вельми прилежно на мѣди изваянными во увидѣніе полагаются"... Это полный переводъ сочиненія Іоанна Гевеліуса: Selenographia sive lunae descriptio atque accurata tam macularum ejus, quam motuum diversorum aliarumque omnium (Gedani, 1647),—со множествомъ чертежей и гравюръ (часть ихъ вырѣза изъ оригинала и вклеена въ переводъ)... Переводъ сдѣланъ „съ латинскаго ка словенскій, слово въ слово," какъ замѣчается въ предисловіи. „Языкъ—церковно-славянскій, простой и сравнительно ясный; переводъ исполненъ, по отзыву изслѣдователя, очень не дурно". Единственный извѣстный списокъ перевода—XVII в. Вил. Пуб. б-ки.

Не останавливаемся здѣсь на древнерусскомъ переводѣ нѣмецкаго *Луцидаріуса*,—принадлежавшаго отчасти къ общей астрологической литературѣ и перешедшаго въ древнерусскую письменность уже въ нач. XVI вѣка...

До конца XIV—нач. XV в. почти не существовало польской національной литературы: все, что писалось и со-

чинялось, писалось по латыни. Искуственная, латинская литература продолжаетъ усиливаться на первыхъ порахъ и въ XV вѣкѣ, когда въ Польшу начинаетъ проникать вліяніе современнаго обще-европейскаго Возрожденія... Лишь въ XVI вѣкѣ въ Польшѣ какъ-бы неожиданно возникаетъ, быстро и широко развивается, литература національная, на родномъ языкѣ; послѣдній впервые теперь вступаетъ въ свои права, получаетъ господство въ литературѣ,—дотолѣ не терпимый въ ней, проникавшій въ письменности лишь изрѣдка, случайно... Создателями польской литературы были два писателя: Николай Рей (1507—1569) и Янъ Кохановскій (1530—1584); первый былъ „отцомъ“ польской прозы, второго называли „княземъ поэтовъ“... За ними слѣдовали: Симонъ Шимоновичъ (1557—1629), Себастіанъ Кленовичъ (1545—1602), далѣе Станиславъ Оржеховскій (1515—1566), Петръ Скарга Павензскій (1536—1612) и др. Это былъ „золотой вѣкъ“ польской литературы, ея полный „разцвѣтъ“, продолжавшійся однако лишь съ небольшимъ полустолѣтіе. Съ началомъ XVII вѣка, съ окончательно усилившимся въ Польшѣ господствомъ іезуитовъ,—быстро наступаетъ полное паденіе польской литературы. „Безжизненное, формальное подражаніе древнимъ классикамъ, при сильно развившемся панегирическомъ направленіи, религіозное чувство, втиснутое въ форму богословскаго правовѣрія —все это лишаетъ интереса произведенія даже выдающихся писателей; съ другой стороны, литература становится орудіемъ политическихъ и религіозныхъ партій и должна соединять въ себѣ два противоположные элемента: похвалы для своихъ и рѣзкой сатиры или пасквиля—для противниковъ. Наконецъ, поэзія совершенно уступаетъ мѣсто напыщенной версификаціи іезуитскихъ коллегій; характернымъ признакомъ польской литературы становится безсодержальность, безсиліе выразить какую бы то ни было свѣжую, живую мысль. Наступаетъ время полнаго омертвѣнія, полнаго застоя“...

Такой характеръ носила литература оффиціальная. Но параллельно съ нею, въ нисшихъ слояхъ польской письменности существовала, и къ этому времени получаетъ особенное развитіе, другая литература, стоявшая ближе къ народной массѣ,—литература многочисленныхъ иноземныхъ повѣстей, сказаній, рыцарскихъ романовъ, начавшихъ теперь, при усилившихся связяхъ—съ XV вѣка—польской литературы съ западной Европой, обильнымъ потокомъ переходить въ Польшу изъ литературъ западныхъ, особенно нѣмецкой,—откуда произведенія этого рода быстро шли и въ Московскую Русь...

Въ польской литературѣ XIII—XIV, XVI—нач. XVII вв. нельзя не отмѣтить также сильнаго развитія исторіографіи, преимущественно впрочемъ баснословной... Средневѣковые историки въ Европѣ любили связывать происхожденіе новыхъ народовъ съ классическими преданіями, напр. выводить своихъ предковъ изъ Трои, связывать ихъ исторію съ походами Александра Македонскаго, генеалогію европейскихъ королевскихъ фамилій выводить изъ миѳовъ Греціи или Рима и т. д. Подобныя стремленія рано обнаруживаются и у польскихъ историковъ-хронистовъ. Уже Кадлубекъ († 1223) наполняетъ первоначальную древность польской исторіи множествомъ басенъ,—первый дѣлаетъ попытку возвести польскій народъ ко временамъ патріарха Ноя; заставляетъ поляковъ вести побѣдоносныя войны съ римлянами, съ Александромъ Македонскимъ и т. д. Въ XVI в. страсть къ баснословію въ польской исторіографіи особенно усиливается. Въ этомъ отношеніи особенно трудятся—Кромеръ (1512—1589), Сарницкій († кон. XVI в.), отъ которыхъ не отстаютъ М. Бѣльскій (1495—1575), Стрыйковскій (1547—кон. XVII в.), *Хроника* котораго съ этой стороны пользовалась наибольшей славой,—Гваньини (1538—1614) и мн. др. Фантастическимъ произволомъ особенно отличались польскія сочиненія по геральдикѣ; разумѣемъ труды Длугоша (1415—

1480), Бартоша Папроцкаго (1540—1613) и нѣкр. др.

Какъ уже замѣчено, съ пол. XVI—въ XVII вв. польскія вліянія на Московскую Русь особенно усиливаются.

Юго-западная образованность, тѣсно примыкавшая по своему характеру къ образованности польской, была здѣсь главнымъ, связующимъ звѣномъ... Западно-русская полемика съ католичествомъ, позднѣе общій характеръ образованія, получавшійся воспитанниками Кіевской Академіи, постоянныя неизбѣжныя литературныя и общекультурныя отношенія и взаимодѣйствія—все это какъ нельзя лучше могло способствовать ознакомленію русскихъ съ польской литературой. При сильномъ вліяніи польскаго языка на западно-русскій, произведенія польской литературы распронялись и въ западной и южной Россіи очень легко. „Переводъ совершался мало по малу, почти самъ собой: польская книга доставалась южно-русскимъ читателямъ и легко передѣлывалась на ихъ литературный языкъ, имѣвшій много польскихъ оборотовъ и выраженій, и потомъ, сгладивши отчасти свои польскія черты, переходила къ русскимъ читателямъ, у которыхъ съ нѣсколькими новыми поправками могла итти за русскій переводъ“... Переводъ былъ какъ-бы только постепеннымъ исправленіемъ языка,—почему въ нѣкоторыхъ нашихъ рукописяхъ XVII вѣка слово „переведено“ замѣняется словомъ: „исправленно“... Польская литература могла быть всего скорѣе посредницею въ этомъ случаѣ, потому что знаніе европейскихъ языковъ было у насъ весьма незначительно и не могло поддерживать другихъ литературныхъ сношеній,—между тѣмъ какъ польскій языкъ былъ извѣстенъ весьма многимъ“...

Хотя иногда переводы дѣлались и съ латинскаго,—но оригиналы и эти, вѣроятно, чаще всего шли изъ той же польской литературы, гдѣ латинскій языкъ, какъ и во всей Европѣ, въ это время, въ XVI—XVII вв., былъ обычнымъ для сочи-

ненiй научнаго характера. Впрочемъ, могли быть—повидимому и дѣйствительно были—непосредственные переводы и изъ другихъ литературъ, помимо польской, главнымъ образомъ изъ нѣмецкой.

Переходимъ къ самымъ памятникамъ.

Выше мы упоминали о переходѣ къ намъ, можетъ быть, уже съ конца XV в., различныхъ произведенiй—польскихъ или польско-нѣмецкихъ—календарнаго и астрологическаго характера. Пользуясь указаннымъ трудомъ проф. Соболевскаго, отмѣчаемъ важнѣйшiе, сдѣланные въ московской литературѣ XVI—XVII вв., переводы по исторiографiи, а также изъ области политическихъ и общественныхъ наукъ.

По исторiи Польши—*Исторiя Сарматiи Европской*, описанiе Сарматiи Гваньини. Въ рукописяхъ XVII—нач. XVIII в. встрѣчается два перевода этого труда: съ польскаго оригинала и съ латинскаго. Въ однихъ спискахъ языкъ перевода носитъ замѣтные слѣды церковно-славянизмовъ, полонизмовъ и малоруссизмовъ; въ другихъ—языкъ русскiй.

Кроника Литовская, М. Стрыйковскаго, также въ двухъ разныхъ переводахъ,—церковно-славянскомъ и болѣе русскомъ, хотя плохомъ.

Вертоградъ Королевскiй, исторiя Чехiи, Польши и юго-западной Руси,—полный переводъ извѣстнаго труда Папроцкаго: Ogrod Krolewsky и пр. (Прага, 1599). Языкъ перевода—плохой церковно-славянскiй, съ малоруссизмами и полонизмами.

По исторiи вообще западно-европейскихъ государствъ было переведено:

О четырехъ великихъ монархiяхъ, I. Слейдана,—полный церковно-славянскiй переводъ книжки Sleidani: De quatuor summis monarchiis и пр. (Амтердамъ, 1656).

Гранографъ Пясецкаго, — тяжелый русскій переводъ, буквальный, съ полонизмами, извѣстнаго труда Пясецкаго (Piasecius): Chronica gestorum in Europa,—подробная лѣтопись событій въ Европѣ съ 1571 по 1648 гг.

По исторіи западныхъ церквей—

Годовыя дѣла церковныя..., выбраны изъ Годовыхъ дѣлъ церковныхъ цесаря Бароніуша,—переводъ „Церковныхъ Лѣтописей" Баронія, въ извѣстномъ сокращеніи, сдѣланномъ Скаргою (Краковъ, 1603); русскій переводчикъ впрочемъ сократилъ и сокращенный текстъ Скарги. Языкъ перевода—церковно-славянскій. Былъ переводъ и полнаго текста Скарги. Въ рукописяхъ конца XVII в. встрѣчаются также отрывки перевода и полнаго текста „Лѣтописей" Баронія.

Кромѣ того въ нашихъ рукописяхъ конца XVII в. встрѣчаемъ переводы нѣсколькихъ польскихъ книгъ о Турціи, нѣсколькихъ сказаній и повѣстей *о Магометѣ*, между ними латинскихъ разсказовъ о Магометѣ и магометанской вѣрѣ Петра Альфонса (кон. XI—нач. XII в.) и Винцентія изъ Бове († ок. 1264),—исторіи завоеванія Китая татарами Матиніуса, *Исторіи іудейской войны* Іосифа Флавія, знаменитой *Исторій Эѳіопіи* Лудольфа и нѣк. др.

Литературныя вліянія Польши въ области исторіографіи сказывались у насъ едва ли не сильнѣе всего. Уже съ полов. XVI в., черезъ юго-западную Русь, начинаютъ переходить къ намъ польскія хроники, и наплывъ ихъ въ XVII в. особенно усиливается. Въ смыслѣ обогащенія собственно исторических знаній, это не всегда было прямымъ пріобрѣтеніемъ. Какъ мы выше видѣли—польская исторіографія къ XVI вѣку приняла особый характеръ; босословіямъ всякаго рода въ ней отводилось особенно широкое мѣсто... Тѣмъ не менѣе, польскія историческія сочиненія въ весьма значительной степени должны были увеличивать у насъ общій запасъ историческихъ свѣдѣній, а также и вооб-

ще расширять исторический горизонтъ. Баснословія быстро прививаются къ нашей исторіографіи. Уже Іоаннъ Грозный считаетъ себя потомкомъ Августа Кесаря... Въ 1556 году русскіе послы, отправленные въ Литву, въ спорахъ о титулѣ царя, смѣло выставляютъ происхожденіе Рюрика отъ императора Августа; царь и лично заявляетъ это польскимъ посламъ въ переговорахъ 1563—1564 гг. Генеалогія выводилась именно слѣдующимъ образомъ: „Августъ Кесарь, обладавшій всею вселенною, поставилъ брата своего, Пруса, на берегахъ Вислы рѣки..., до сего дня по имени его зовется Прусская земля,—а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика"... *Степенная Книга* уже пользуется этой генеалогіей въ извѣстіяхъ о Рюрикѣ... Баснословныя сказанія о началѣ славянъ, происхожденіи русскаго народа, о началѣ Москвы и т. п., изъ Бѣльскаго и другихъ польскихъ источниковъ быстро переходятъ въ наши Хронографы. Въ такъ наз. второй редакціи русихъ хронографовъ между протимъ уже читается неизвѣстное прежнимъ редакціямъ хронографовъ *Сказаніе о началѣ русскихъ князей*,—статья, съ которой открывается въ нашихъ хронографахъ „рядъ баснословныхъ статей, которыя съ каждой редакціей хронографа осложняются все болѣе и болѣе вымыслами... Въ названной статьѣ этихъ вымысловъ еще немного; дѣло ограничивается словопроизводствомъ собственныхъ именъ: *словяне*—„отъ многихъ словъ письменнаго разума", *русы*—„отъ русыхъ волосъ" и т. д. Гораздо больше фантастическихъ добавленій встрѣчается въ болѣе позднихъ статьяхъ. Таковы въ такъ наз. третьей редакціи хронографа статьи: *Выписано на перечень* (*вкратцѣ*) *изъ дву kроникъ полскихъ, которые свидѣтельствованны съ греческою и съ чешскою и съ угорскою kроникою многими списатели, отъ чего имянуется великое Московское государство и отъ коея повѣсти Словяне нарѣкошася и почему Русь прозвася* (названныя здѣсь „двѣ польскія хроники"—Kronika

Polska, zmódska i wszystkiej Rusi, 1582, Стрыйковскаго, и „Kronika Polska, 1597“, Март. Бѣльскаго; пользуясь своими источниками, русскій сочинитель производитъ сваянскій народъ отъ Мосоха, сына Афетова, заставляетъ славянъ принимать участіе въ троянской войнѣ, получать грамоту отъ Александра Македонскаго, и т. д.),—*О исторіи, еже о началѣ Русскія земли и созданіи Новаграда, и откуду влечашеся родъ словенскихъ князей,—а во иныхъ Гранографѣхъ сія повѣсть не обрѣтается,* и др. пп. Послѣдняя статья между прочимъ представляетъ „довольно оригинальную русскую попытку—по образцу польскихъ хроникъ, но независимо отъ нихъ, сочинить первобытную исторію русскихъ славянъ“... Матеріаловъ для составленія этой повѣсти требовалось немного: главное было—усвоить себѣ точку зрѣнія польскихъ хронистовъ и ихъ пріемы. Съ помощью послѣднихъ не трудно было составить какую угодно генеалогію, стоило только олицетворить названія народовъ и племенъ, городовъ и рѣкъ,—припомнить нѣсколько подходящихъ именъ изъ польскихъ и русскихъ источниковъ и генеалогія готова: отъ Скиѳа, правнука Аѳета—Словенъ, Русъ, Болгаръ, Команъ, Истеръ; у Словена дѣти—Волховъ и Волховецъ, жена—Шелонь, у Руса жена—Порусья, дочь—Полиста, у Волховца сынъ—Желотугъ и т. д. Съ другой стороны, рядомъ съ этими произвольными вымыслами, въ повѣсти сохранился и слабый отголосокъ народныхъ преданій о Перунѣ, чародѣѣ Волхвѣ, объ урочищахъ древняго Новгорода и его отдаленныхъ колоніяхъ“...

Подъ вліяніемъ различныхъ иноземныхъ источниковъ, преимущественно польской исторіографіи, старые византійскіе хронографы получаютъ рядъ новыхъ передѣлокъ,—редакцій...

Отчасти подъ вліяніями, шедшими съ запада, московская исторіографія XVI—XVII вв. вообще становится разнообразнѣе, богаче, шире,—чему способствуютъ отчасти и самыя историческія событія, живо затрогивавшія мысль и чувство

современниковъ... Наступившая въ нач. XVII в. эпоха „московскихъ воровъ“, нашедшая отзвуки и въ устной народной поэзіи, особенно способствуетъ широкому развитію исторической литературы,—возникаетъ необозримый рядъ различныхъ „повѣстей“, „сказаній“ и т. д. Вмѣстѣ съ общимъ ростомъ исторической литературы, иногда разнообразится и самый характеръ историческаго разсказа. Особенно это замѣтно въ отдѣльныхъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XVI—XVII в. Сухой оффиціальныя тонъ „сводовъ“ нерѣдко уступаетъ здѣсь мѣсто полулегендарной поэтической фантазіи, историческій фактъ получаетъ поэтическій колоритъ—или прямо переносится на почву народной легенды, поэтическаго творчества...

Изъ области наукъ политическихъ было переведено:

О Государствѣ, „о исправленіи гражданскаго житія“,—переводъ (не оконченный) сочиненія Modrzewsk'аго, De republica emendanda (Krak., 1551). Переводъ, предполагаютъ, сдѣлалъ въ 1678 г. Языкъ перевода церковно-славянскій „очень недурной“. Проф. Соболевскій предполагаетъ, что вѣроятно именно эта книга упоминается въ Розыскныхъ дѣлахъ о Шакловитомъ, какъ находящаяся у кн. В. В. Голицына: „*книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ*“...

О воспитаніи государя, Лорихія („Рейнхарда Лорихія, Книги о воспитаніи и наказаніи всякаго начальника,—не токмо господину, но и подданному ко читанію полезны суть зѣло“). Единственный списокъ нач. XVIII в. въ б-кѣ Флорищевой пустыни. Текстъ представляетъ переводъ лишь начала извѣстнаго сочиненія Reinharda Lorichiusa, Księgi o wychowaniu i o cwiczeniu każdego przełożonego nie tylko panu, ale i poddanemu każdemu ku czytaniu barzo pożyteczne... (Краковъ, 1558).

Образецъ крестьянскаго (христіанскаго) политицкаго

князя, „шпанскаго рыцаря Дидако Факсарду, Сто одинъ примѣръ. Хорошіе, сирѣчь добрые симбальскіе нарѣчіи“. Списки—кон. XVII и нач. XVIII в. Оригиналъ—Faxardo, Symbola christiana politica (Амстердамъ, 1659). Книгу „переводилъ переводчикъ иноземецъ“,—что обнаруживается и на языкѣ нескладномъ и неудобопятномъ. О сочиненіи этомъ упоминается въ описи заиконоспасскаго м-ря: „Златыя слова Дидака езуита“.

Морально-политическія наставленія Фредра, „воеводы львовскаго“,—„како подобаетъ жить съ немногимъ народомъ“ безъ поврежденія его силы и любви и чести“. Рядъ наставленій, то краткихъ, то длинныхъ. Языкъ церковно-славяно-правильный, съ признаками бѣлоруссизмовъ и полонизмовъ. Единственный списокъ—Публ. Б-ки, конца XVII—нач. XVIII в. Оригиналъ—A. Fredro, Castellani Leopoliensis, Monita politico-moralia, seu quomodo vivendum cum paucis, cum populo, salva virtute, gratia et autoritate (рядъ изданій, съ 1664 г.).

Гражданство обычаевъ дѣтскихъ—наставленія, въ вопросахъ и отвѣтахъ, какъ долженъ вести себя молодой человѣкъ, съ ссылками на Горація, Овидія, Ювенала, Теренція и др. Оригиналъ, повидимому латинскій, остается неизвѣстнымъ. Переводчикомъ былъ Епифаній Славинецкій, которому очевидно принадлежатъ и находящіеся при текстѣ стихи „толкователевы“. Языкъ перевода—церковно-славянскій, ученый и тяжелый.

Описаніе винъ, ими же къ погибели и къ разоренію всякая царства приходятъ и съ которыми дѣлы въ цѣлости и смиреніи содержатся и строятся—переводъ или компиляція, повидимому изъ нѣсколькихъ источниковъ и обрабатывавшаяся не одинъ разъ, такъ какъ дошедшіе списки сочиненія, XVII—нач. XVIII в., представляютъ текстъ различныхъ редакцій. Неизвѣстный оригиналъ, предполагаетъ Соболевскій, польскій. Языкъ—церковно-славянскій, съ полонизмами.

Разсужденіе объ Аргенидѣ—переведено съ латинскаго языка. Языкъ перевода съ полонизмами. „Полонизмы дѣлаютъ несомнѣннымъ, замѣчаетъ проф. Соболевскій, что переводъ этотъ сдѣланъ не Тредьяковскимъ“... Едва ли переводъ не принадлежалъ Сильвестру Медвѣдеву,—въ б-кѣ котораго мы видимъ и латинскую Аргениду. Единственый списокъ перевода—кон. XVII нач. XVIII в. „Языкъ—ученый церковно-славянскій, тяжелый и малопонятный“...

Рядомъ съ историіографіей,—одно изъ главныхъ мѣстъ въ московской переводной литературѣ занимаютъ сочиненія по географіи, или вообще средневѣковой космографіи. „Всѣ лучшіе труды по этой наукѣ общаго характера, явившіеся въ западной Европѣ, въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ, были у насъ переведены“.... Таковы:

Театрумъ свѣта всего, или Космографія Ботера въ двухъ различныхъ переводахъ; одинъ изъ нихъ, повидимому, относился къ 1681 году. Переводъ сдѣланъ съ польскаго; языкъ перевода заключаетъ въ себѣ массу полонизмовъ и бѣлоруссизмовъ.

Космографія, сирѣчь всемірное описаніе земель, Ортеліуса,—переводъ лишь текста, безъ чертежей, хотя на нихъ и дѣлаются постоянныя ссылки. Переводъ сдѣланъ не съ латинскаго оригинала, а съ польскаго. Языкъ перевода—русскій, съ небольшимъ числомъ полонизмовъ.

Космографія Г. Меркатора. Языкъ русскій, съ небольшими полонизмами и бѣлоруссизмами.

Космографія въ 76 главъ, съ предисловіемъ русскаго происхожденія. Высказывалось мнѣніе, что это—русская компиляція „Космографіи“ Меркатора и „Хроники“ М. Бѣльскаго; по мнѣнію Соболевскаго, это скорѣе переводъ какой нибудь западной компиляціи, намъ неизвѣстной. Языкъ перевода—русскій чистый, лишь съ незначительной примѣсью полонизмовъ.

Всего свѣта козмографія, сирѣчь размѣренія всея земли—пятая книга „Хроники Свѣта“ М. Бѣльскаго, великорусской переводъ съ западно-русскаго оригинала, сдѣланнаго съ польскаго, по повелѣнію короля Сигизмуда. Великорусскій переводъ сдѣланъ былъ не въ 1584 г., упоминаемомъ въ датѣ, но ранѣе,—при митр. Алексѣѣ (1565—1568). Языкъ велико-русскаго текста богатъ полонизмами и бѣлоруссизмами. Познѣе, другой великорусскій переводъ сдѣланъ былъ прямо съ польскаго; языкъ этого второго перевода—русскій, со множествомъ полонизмовъ. Судя по дошедшимъ рукописямъ, былъ еще третій западно-русскій переводъ, неполный, со множествомъ малоруссизмовъ.

Описаніе свѣта и всѣхъ въ немъ государствъ, переводъ извѣстной огромной географіи Де-Линды (Descriptio orbis et omnium rerum publicarum, 1665); переводъ сдѣланъ нѣсколькими переводчиками. Единственный списокъ — нач. XVIII в.

Позорище всея вселенныя, или Атласъ новый, Блеу—переводъ отчасти „Епифаніевъ“, отчасти „Исаіи, товарища Епифаніева“, какъ указывается въ рукописяхъ. Послѣднія—отчасти автографы переводчиковъ. Языкъ перевода—отчасти чистый церковно-славянскій, отчасти съ примѣсью полонизмовъ и южноруссизмовъ. Переводъ имѣетъ вкладную патр. Никона, 1661 г.

Изъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей могутъ быть отмѣчены слѣдующіе переводы:

Хорографія или Топографія, особное и извѣстное описаніе земли святыя, описаніе палестины, Анзельма Краковскаго. Переведено съ польскаго; языкъ перевода—церковно-славянскій, съ бѣлоруссизмами. Списки—довольно многочисленные.

Описаніе нынѣшняго персицкаго дворового развода и владѣнія, како то обстоитъ въ духовномъ и свѣтскомъ чину

отъ вышняго до нижняго чиновъ,—описаніе Персіи Сансона. Оригиналъ нашего перевода—нѣмецкій переводъ французской книги: Vayage ou Relation de l'etat présent du royaume de perse, par Sanson. Paris, 1695. Нѣмецкое изданіе имѣло у себя дополнительную статью,—которая также переведена въ нашемъ переводѣ: *Персицкое писмяное и рѣчевное обыкновеніе, которое они въ грамоткахъ своихъ и описяхъ потребляютъ*,—о свадебныхъ, похоронныхъ обычаяхъ персовъ, о ихъ религіи, образцы ихъ молитвъ и т. п. Языкъ русскій, простой, но переводъ плохой, буквальный.

Сборникъ путешествій въ Индію, „составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ, гдащаниномъ, вся изящнѣйшими на мѣдѣ изображенними иконами объясненна и свѣту изданна,"—но въ нашемъ переводѣ рисунковъ нѣтъ, для нихъ оставлены въ рукописи лишь мѣста. Языкъ перевода—отчасти церковно-славянскій съ южно-руссизмами, отчасти бѣлорусскій съ церковно-славянизмами.

Въ рукописяхъ нашихъ конца XVII в. встрѣчается также переводъ описанія извѣстнаго путешествія Олеарія, съ дополнительными статьями. Приводимъ сполна длинное заглавіе одного изъ списковъ: „Переводъ съ книги цесарскаго языку, какову написалъ свѣтославный Адамъ Олеаріусъ, со многимъ умноженіемъ ѣздъ описаній въ Московскомъ и Персицкомъ государствахъ, такожъ Ягана Албретха Манделосскаго восточные ѣзды, Юрья Андреева и Вола Иверсенскаго восточные жъ ѣзды, съ прибавкою Китайскаго росказанія, и како такое мочное государство мимошедшеи тому краткіе лѣта отъ татаръ обсилено и взято и како текучей китайскій мандаринъ и морской разбойникъ Кочинга отъ голандцевъ осаженой островъ Формозовъ взялъ,—также съ прибавкою Персицкимъ крымскимъ раздоліемъ и Древнимъ садомъ, оба наполнены охотою и богато учинени учеными притчами... Печатано въ Анбуркѣ гра-

дѣ... лѣта 1696 года". Въ заглавіи здѣсь же прибавлено: „Сія послѣдня—Древней Садъ—наперво отъ персицкаго языку на голандскій переведенъ и изъ того, въ цесарскій переведенъ, и для своего изряднѣйшаго одержанія, для Крилнаго раздолія приставится нѣкая вещь исполнена чудъ и дивными исторіями и прилучіемъ—описаніе чуждыхъ мѣстъ и земель и тѣхъ обкновеніе, природа, житіе, устроенство духовнаго и звѣстнаго (свѣтскаго?) и домоваго устава, и иное такое представляется сквозь идуще"... Въ другомъ спискѣ, также конца XVII в.,—заглавія трехъ послѣднихъ, указываемыхъ здѣсь произведеній, приведены подробнѣе и правильнѣе:

1) *Персицкій крынный долъ*, въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторій... Описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Сшахасадія, по персицки, описалось и для его изобранства и достоинства высоко почитается и возлюбляется, и тому назадъ лѣтъ десять переведено въ нѣмецкій языкъ отъ славнаго издателя Адама Аліарія".

2) *Премудраго Лохмана издивительные склады и примѣры.*

3) *Персицкій Деревный Садъ...*

Оригиналъ сборника—одно изъ изданій „Путешествія въ Московію и Персію" Адама Олеарія. Языкъ перевода—русскій простой, мѣстами съ полонизмами. Переводъ плохой, буквальный, и принадлежалъ, очевидно, нѣсколькимъ переводчикамъ.

Московская переводная литература научнаго характера —въ смыслѣ средневѣковой науки—къ концу XVII вѣка была вобще довольно значительна и разнообразна. За переводами въ области исторіографіи, общественныхъ наукъ, средневѣковыхъ космографій и т. п.,—шли переводы по риторикѣ, переводы книгъ практическаго, прикладного содержанія,—далѣе по средневѣковому естествознанію, гигіенѣ, физіологіи, анатоміи и т. д.,—не говоря о беллетристикѣ...

Въ области риторики были переведены:

Книга глаголемая риторика, сиръчь наука доброесловія или хитроръчію учащая,—двѣ части, „по тонку въ вопросѣхъ написаны, скораго и удобнаго ради ученія". Книга открывается предисловіемъ въ виршахъ:

Азъ есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумѣнія;
Мною грамматика исполняется
И діалектика украшается;
Азъ, связующися съ сими ученіи, витійскую мудрость составляти научаю
И богословная реченія ясно глаголати вразумляю...

И т. д. „Это—не большой, но хорошо составленный учебникъ риторики, безъ цитатъ изъ латинскихъ авторовъ (обычныхъ въ западно-европейскихъ риторикахъ XVI—XVII вв.) Судя по всему, оригиналъ его былъ на латинскомъ языкѣ. Переводчикъ зналъ по гречески"... По мнѣнію проф. Соболевскаго, переводъ нужно считать сдѣланнымъ не позднѣе конца XVI вѣка... Языкъ церковно-славянскій, правильный и ясный, безъ полонизмовъ и западно-руссизмовъ...

Риторика, безъ заглавія, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Повидимому — переводъ или передѣлка съ латинскаго; есть ссылки на Квинтиліана, Виргилія, вмѣстѣ съ ссылками на греческихъ церковныхъ историковъ. Языкъ—церковно-славянскій, тяжелый и ученый.

Риторика Раймунда Люллія, парисскаго учителя, кавалера... Раймундъ Люллій (Raymundus Lullius, 1235—1315) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ философовъ,—который во многихъ отношеніяхъ предварилъ философское ученіе Гегеля... Раймундъ Люллій писалъ очень много; одни насчитываютъ его сочиненій до 300, другіе до 4000. Здѣсь мы находимъ трактаты по логикѣ, метафизикѣ, грамматикѣ, теологіи, казуистикѣ, праву, геометріи, астрономіи, медицинѣ и т. д. и т. д. Люллій основалъ цѣлую школу послѣдователей, особенно процвѣтавшую въ XV в., и множество сочиненій, приписывавшихся самому Люллію,

были написаны его учениками. Такъ напр. Люллію приписывали много сочиненій по алхиміи,—хотя извѣстно, что Люллій не только не занимался алхиміей, но и осуждалъ ее, какъ ложное и безнравственое искуство... Рядомъ съ трактатами по богословію, метафизикѣ, философіи, рядомъ съ произведеніями политическими, — въ сочиненіяхъ Люллія особенно широкое мѣсто отводится изложенію самаго метода философскихъ изслѣдованій. Методу Люллій придавалъ особенно важное значеніе, и разсматриваетъ его въ цѣломъ рядѣ большихъ и малыхъ трактатовъ: Ars generalis, Ars magna, Ars cabbalistica, Ars brevis, Ars inventiva и т. д. Въ этомъ „ars“, „искуствѣ,“ Люллій стоитъ на почвѣ средневѣковаго реализма, согласно которому общія понятія (universalia) обладаютъ собственнымъ, самостоятельнымъ бытіемъ. Философское положеніе Люллій примѣняетъ однако чисто внѣшнимъ образомъ—въ своихъ знаменитыхъ „кругахъ“... „Это—родъ механическаго снаряда, употребляемаго счетчиками для нѣкоторыхъ ариѳметическихъ вычисленій, и очень похожъ, по своему механическому характеру, на такъ называемые въ схоластическихъ риторикахъ источники изобрѣтенія (inventionis); даже самая цѣль его скорѣе въ томъ состоитъ, чтобы доставить возможность каждому говорить о чемъ угодно, сколько угодно, и устранить развитіе способности самостоятельнаго изслѣдованія“... „Методъ“ состоитъ „изъ нѣсколькихъ снарядовъ, а каждый снарядъ содержитъ нѣсколько концентрическихъ круглыхъ пластинокъ. На краяхъ однихъ пластинокъ пишутся главные субъекты, на концахъ другихъ — предикаты, далѣе пишутся различные отношенія, въ какихъ могутъ быть понятія этихъ субъектовъ и предикатовъ, и т. д. Двигая одну круглую пластинку въ другой, остающейся неподвижною, мы производимъ всевозможныя сочетанія между субъектами и предикатами и избираемъ правильнѣйшее“... Эти круги въ совокупности своей обнимали всю область возможныхъ знаній,—до права и медицины включительно...

Разсматриваемая переводная „Риторика“ „кавалера Люллія“ заключаетъ въ себѣ три книги, съ присоединеніемъ еще „общей части“; первая книга—„о разумѣхъ письма святаго“ (четыре „бесѣды“), вторая—„о матеріи поученія“ (14 „бесѣдъ“), третья —„о формахъ поученія“. „Общая часть“ трактуетъ „о расположеніи риторическомъ“ (въ 8 главахъ). Изъ двухъ, имѣющихся на лицо, списковъ (конца XVII—нач. XVIII в.в.) этого трактата,—въ одномъ „общая часть“ замѣняется образцами проповѣдей. Въ одномъ спискѣ разсматриваемый трактатъ приписывается Бѣлобоцкому, одному изъ двухъ извѣстныхъ ученыхъ братьевъ. Проф. Соболевскій не имѣлъ подъ руками оригинала но предполагаетъ, что разсматриваемая риторика—едва ли простой переводъ съ латинскаго: въ текстѣ находятся нѣкоторыя приспособленія къ русской дѣйствительности, упоминаются напр. фунты, золотники, пуды, сажени, версты, и т. д. Во всякомъ случаѣ, переводъ или передѣлка отличается ясностью и удобопонятностью въ изложеніи. Языкъ—церковно-славянскій, ученый, съ великоруссизмами и полонизмами.

Переводы книгъ практическаго содержанія:

Воинская книга,—въ переводѣ Юрьева и Ѳомина. Въ предисловіи сообщается: въ 1606 г. царь Василій Шуйскій „указалъ воинскую нѣмецкую книгу перевести на русскій языкъ для вѣдома всякихъ тамошнихъ воинскихъ чиновъ и урядствъ, понеже въ тамошнихъ странахъ такія драгія хитрости и въ воинскихъ обычаяхъ ученія мудрыми и искусными людьми изыскано“... Переводъ оконченъ былъ въ 1607 г. Единственная рукопись перевода—неполная, или самый переводъ былъ не полный; дошедшій текстъ начинается: „Наукъ, како зелье пищальное дѣлати въ травѣ, чтобы добрѣ прудко грянуло“...; послѣдняя: „Наукъ, како зеленое зеліе дѣлати“ и т. д. Оригиналъ—Kriegsbuch, Fronsperger'a (1586, Francfurt). Языкъ—русскій.

Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и иныхъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, Онисима Михайлова.—печатный текстъ, изданный Рубаномъ (2 ч., Спб., 1777—1781, по рукописи, „найденной въ 1775 г. въ мастерской и оружейной палатѣ въ Москвѣ“). По указаніямъ „предисловія“, книга составлена въ два пріема, въ 1606 г. и 1620 гг. Михайловъ повидимому пользовался вышеупомянутымъ болѣе раннимъ переводомъ Юрьева и Ѳомина. Оригиналъ первой части неизвѣстенъ; для второй служила упомянутая выше Kriegsbuch Fronsperger'a. Языкъ русскій, вполнѣ удобопонятный.

Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, Вальгаузена. Напечатано въ Москвѣ, въ 1647 г. Переводъ перваго тома сочиненія Wahlhausen'a: Kriegskunst zu Fuss. Языкъ русскій, простой и ясный.

Художества огненная и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и къ оборонѣ приличныя,—переводъ 1685 г.

О подготовленіи къ войнѣ,—*Причины успѣха на войнѣ*,—*Что нужно знать войну*,—нѣсколько книгъ о *Полевой охотѣ*,—нѣсколько книгъ по коннозаводству и выѣздкѣ лошадей (*Книга лошадинаго ученія*, 1670; *О строеніи конскаго дому*)—нѣсколько книгъ по сельскому хозяйству, даже поваренному искусству и т. д. и т. д.

Переводы по гигіенѣ, физіологіи, анатоміи и т. п.:

Проблемата, т. е. вопрошенія разныя, списанія великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденныя, тожде и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ, такожде и о звѣриныхъ, съ прилежаніемъ собрана и на три части раздѣлена, ко обученію или къ навыкновенію разуму человѣческому весьма благопотребна“. Въ рукописяхъ нашихъ кон. XVII—нач. XVIII вв. встрѣчается не-

рѣдко, и притомъ въ двухъ различныхъ редакціяхъ. Въ одномъ изъ списковъ перваго перевода, въ концѣ, стоитъ помѣтка: „Преведена сія книга польскаго языка на словенскій языкъ съ печатныя польскія книги печати краковской"; въ другомъ спискѣ того же перевода оригиналъ указывается точнѣе: „Выдана въ Краковѣ..., въ 1567 г". Другой переводъ сдѣланъ въ 1677 году,—какъ точно указывается въ одномъ изъ списковъ этого перевода: „Переведена сія книга съ польскаго языка на словенскій языкъ съ печатныя польскія книги печати краковской въ лѣто... 1677". По указанію проф. Соболевскаго, оригиналъ—польская передѣлка извѣстнаго средневѣкового сочиненія *Problemata Aristotelis*, впервые изданная въ 1555 г. и сдѣланная нѣкіимъ Андреемъ „изъ Кобылина" (Andrzej z Kobylina). Языкъ въ обоихъ переводахъ плохой церковно-славянскій, съ массой полонизмовъ. Хотя всѣ списки сочиненія не ранѣе XVII в., тѣмъ не менѣе самый переводъ, по мнѣнію Змѣева, можетъ быть относенъ и къ XVI в. Изложеніе—въ вопросахъ и отвѣтахъ. О составѣ сочиненія можно отчасти судить по приложенному въ рукописи подробному оглавленію (оно воспроизведено въ монографіи г. Змѣева): „Гл. 1-я. О главѣ человѣческой (34 вопроса съ отвѣтами). Гл. 2-я. О видѣніи—первомъ чувствѣ. Гл. 3-я. О носѣ—второмъ чувствѣ. Гл. 4-я. О ушахъ и слышаніи—третьемъ чувствѣ" и т. д.

Управленіе здравія врачевъ парижскихъ царю аглицкому списанное; научающее, якъ всякъ человѣкъ по вся цѣлаго року мѣсяца, въ ядeніи и питіи, яко и въ сѣченіи жилъ, имать радѣтися. „Управленіе"—добавляется въ заглавіи—отъ „врачевъ парижскихъ царю аглицкому написанное", „типомъ издадеся" сначала „латинскимъ языкомъ" въ Парижѣ, потомъ въ 1565 г. въ „Краковѣ„; „нынѣже въ року 1698 году на словенскій языкъ переведено".. Это—наставленіе въ стихахъ, какъ должно себя вести, чтобы быть здоровымъ. Образчикъ стиховъ:

Аще тя цѣла, аще здрава хочешь мѣти,
Престань тяжко пещися и тяжко скорбѣти:
Скорбно сердце, гнѣвъ частый мысль всегда уныла,—
Сіи тріе снѣдаютъ людемъ скоро тѣла...

Переводъ сдѣланъ съ латинскаго; оригиналомъ послужила извѣстная латинская книжка, переведенная почти на всѣ европейскіе языки: Regimen sanitatis medicorum parisiensium, pro tuenda sanitatis regis Angliae compositum, docens quomodo quilibet homo se per singulos totius anni menses cum in esu et potu, tum in venarum incisione gerere debeat. Указываемое въ заглавіи польское изданіе въ Краковѣ, 1565 г.,—неизвѣстно. Языкъ перевода—церковно-славянскій, съ полонизмами и малоруссизмами.

Великая и предивная наука Богомъ преосвященнаго учителя Раймунда Люллія... Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Списки нач. и перв. пол. XVIII в. Оригиналъ—Ars magna generalis et ultima Р. Люллія. Впрочемъ нашъ текстъ — переводъ не подлиннаго трактата, а особаго извлеченія изъ него, или передѣлки. Извѣстно, что „Великой наукой“ Раймунда Люллія увлекался Квиринъ Кульманъ. Сочиненіе это вообще пользовалось у насъ особымъ уваженіемъ; одинъ изъ переписчиковъ называетъ его „ароматоуханнымъ гроздополезнымъ овощемъ“... Славяно-русскій текстъ состоитъ изъ 8 главъ, съ чертежами.

Краткая наука, Раймунда Люллія. Оригиналъ—Ars brevis Р. Люллія. Списокъ—XVII в. Переводъ обоихъ сочиненій, повидимому сдѣланъ однимъ лицомъ.

О четвероножнѣхъ перстныхъ, Описаніе четвероногихъ животныхъ, Альдрованда, „философа и медика Бононійскаго“. По указанію проф. Соболевскаго, оригиналъ—Ulysses Aldrovandus, De Quadrupedibus digitatis viviparis libri tres... Bononiae, 1637. Славяно-русскій текстъ заключаетъ въ себѣ переводъ лишь одной, первой главы труда Альдрованда — о львѣ; авторъ представляетъ историческія данныя о львѣ,

его описаніе, говоритъ объ употребленіи льва для потѣхъ, казней, о томъ, что значитъ видѣть льва во снѣ и т. п. Переводъ извѣстенъ въ единственномъ спискѣ (въ И. Публ. Б-кѣ), нач. XVIII в., и повидимому былъ лишь начатъ, и остался нетолько не оконченнымъ, но и не продолженнымъ.

Исторія и объявленіе, малаго свѣта зериало, которое есть образъ Божіей твари, о человѣчестѣмъ тѣлѣ. Текстъ заключаетъ въ себѣ отчасти анатомію, отчасти физіологію, и представляетъ переводъ сочиненія „магистра Ягана Лудвика Реммелина Улмензиса, изыскателя въ лѣчебномъ дѣлѣ“, какъ указывается въ находящемся при переводѣ посвященіи. Самое посвященіе „писано въ Тюбингѣ августа въ 12 д. 1631 году“. Оригиналъ разсматриваемаго перевода извѣстное Catoptron micrososmicon, Remmlin'a, много разъ издававшееся. Переводъ имѣется въ единственной рукописи конца XVII в. (въ б-кѣ Флорищевой пустыни), и сдѣланъ съ изданія 1632 года, вышедшаго „въ городѣ Увзбурхѣ“, какъ указывается на рукописи перевода. Текстъ состоитъ изъ 8 главъ. 1-я глава трактуетъ о томъ, „что̀ человѣкъ и его внѣшній образъ“; 2-я—„о разнообразныхъ частѣхъ, которыя все тѣло и вся его части одѣяютъ“ и т. д. Въ послѣдней, 8-й главѣ „писано про дѣла снастей или соединенныхъ частей и всего тѣла“... При переводѣ, въ слѣдуемыхъ за нимъ особыхъ приложеніяхъ, повидимому приложены были карты или „видѣнія“, какъ они здѣсь называются. Въ ряду названныхъ приложеній читаются также статьи:

1) *Ученіе о пульсѣ или движеніи жилы сердечныя*;

2) *О пущаніи крове*;

3) *Изъ книги Іоанна Бевервикія, врачебныя науки доктора, гл. 14, о снѣ*, въ 14-ти статьяхъ. Оригиналъ последней—сочиненія голландскаго ученаго XVII в., Бевервика.

Книга таинственная Альберта Великаго, „о таинствахъ женскихъ (о рожденіи, плодозачатіи во чревѣ матернемъ, о

зависимости рожденія отъ планетъ и т. д.), о силахъ травъ, каменій, звѣрей, птицъ и рыбъ". Рукописи—XVIII в. Въ одномъ изъ списковъ точно указывается оригиналъ: „Альбертъ славный... Въ Амстердамѣ, у Юдона Юншоніа (амстердамскій типографъ Юншоній—Янсоній), лѣта 1648. Переведенъ же слово отъ слова съ латинскаго на словенскій и написанъ лѣта господня 1670"... Оригиналъ—Alberti Magni, De secretis mulierum, item de virtutibus herbarum, lapidum et animalium (Amstel.., 1648). Языкъ перевода—„плохой церковно-славянскій, съ полонизмами".

Книга Михаила Скотта о естествознаніи... Рѣчь идетъ преимущественно о тѣхъ же „таинствахъ женскихъ",—о зачатіи и дѣторожденіи, о различныхъ примѣтахъ, соединяемыхъ съ этимъ,—что и въ предыдущемъ сочиненіи, лишь гораздо больше указывается здѣсь различныхъ „знаменій", по которымъ можно судить о характерѣ человѣка, и заключающихся или въ общимъ свойствахъ всего организма или въ особенностяхъ частей тѣла,—въ носѣ, устахъ, волосахъ между бровями, въ бородѣ, „ступаніи ногъ въ хожденіи", въ голосѣ, „смѣяніи" и т. д. и т. д. Книга Скотта въ нашихъ рукописяхъ обыкновенно слѣдуетъ за вышеназваннымъ сочиненіемъ Альберта Великаго,—какъ это мы видимъ и по отношенію къ оригиналамъ этихъ двухъ сочиненій, въ латинскихъ изданіяхъ XVII в. Языкъ перевода—„плохой церковно-славянскій, съ полонизмами..."

Вмѣстѣ съ произведеніями историческаго содержанія, уже съ конца XV вѣка, и особенно съ пол. XVI и въ XVII вв., чрезъ посредство Польши въ московскую Русь переходитъ множество произведеній собственно литературнаго, беллетристическаго характера, рядъ переводныхъ беллетристическихъ повѣстей и сказаній,—и отдѣльными произведеніями, и въ видѣ особыхъ, нерѣдко весьма обширныхъ сборниковъ.

Здѣсь, въ области произведеній собственно литературнаго характера, вліяніе польской литературы на нашу имѣло значеніе впрочемъ довольно относительное, условное. Вліяніе это сводилось—преимуществено, если не исключительно—къ роли посредника. Со стороны собственно польской литературы, литературы оригинальной, мы совсѣмъ не видимъ въ этой сферѣ особеннаго вліянія на московскую Русь ни въ XVI, ни въ XVII вв.; въ московской литературѣ вовсе нѣтъ напр. произведеній лучшаго, „золотого" періода польской литературы,—или слѣды вліяній этого рода крайне единичны и ничтожны... Вообще, по замѣчанію одого изъ изслѣдователей,—въ русскую литературу изъ польской шли такія произведенія, „которыя относятся не столько къ польской литературѣ, сколько къ средневѣковой европейской, и преимущественно нѣмецкой... За немногими исключеніями, польское вліяніе было передаточное"...

Останавливается лишь на нѣкоторыхъ памятникахъ нашей переводной беллетристики XVII вѣка.

Западно-европейскія переводныя произведенія, шедшія къ намъ черезъ Польшу, представляли главнымъ образомъ три группы: а) сборники духовно-нравоучительныхъ повѣстей и сказаній и отдѣльныя повѣсти подобнаго же характера, б) повѣсти „смѣхотворнаго" содержанія и в) рыцарскіе романы. Впрочемъ, указанныя группы не были рѣзко разграничены,—нерѣдко смѣшивались между собой: то или другое изъ направленій являлось лишь преобладающимъ, рядомъ съ которымъ шли и другія, иногда противоположныя; среди духовно-нравственныхъ сказаній и повѣстей встрѣчаются повѣсти „смѣхотворныя" или повѣсти съ рыцарской окраской,—съ другой стороны, „смѣхотворныя повѣсти" нерѣдко ставятъ своей цѣлью морально нравоучительную, „обличенія злыхъ обыклостей", и т. д. Произведенія нравоучительнаго характера, повѣсти „душеспасительныя" среди этой массы перево-

дившихся произведеній вовсякомъ случаѣ занимали, и по времени и по своей многочисленности, распространенности, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, и здѣсь, кажется,—одна изъ главныхъ причинъ, почему „польское вліяніе" у насъ такъ незамѣтно и быстро укрѣпилось. Цѣлымъ рядомъ переводовъ вліяніе это въ сущности лишь усиливало прежнее духовно-нравоучительное направленіе нашей литературы, и нерѣдко самымъ тѣснымъ образомъ примыкало къ нему...

Однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ этого отдѣла нашей западной беллетристической переводной литературы XVII в. было *Великое Зерцало*.

Великое Зерцало уже рано стало сборникомъ весьма распространеннымъ въ западно-русской литературѣ XVI—XVII вв., служа здѣсь однимъ изъ главныхъ пособій для проповѣдниковъ. Въ западно-русской литературной средѣ, не смотря на вражду къ католикамъ, латинскія повѣсти, пользовались полнымъ уваженіемъ; „исторіи з розныхъ авторовъ", упоминаемыя въ „Ключѣ Разумѣнія" Голятовскаго, служили замѣчаетъ излѣдователь, для нашихъ юго-западныхъ проповѣдниковъ такимъ же авторитетомъ, какимъ они были для польскихъ, вообще для католическихъ,—такихъ легендъ можно встрѣтить въ южно русскихъ сочиненіяхъ и сборникахъ очень много. Южно-русскіе писатели не только цитировали и переводили эти сборники, но и составляли въ подражаніе имъ свои"...

Въ предисловіи, читаемомъ при нѣкоторыхъ спискахъ „Великаго Зерцало", замѣчается, что переводъ былъ совершенъ „по желанію и повелѣнію великаго государя Алексѣя Михаиловича... въ лѣто 1677"... Сборникъ повидимому приготовлялся къ печати, но почему-то не былъ изданъ,—тѣмъ не менѣе въ ряду нашихъ переводныхъ западныхъ сборниковъ XVII в. Великое Зерцало быстро стало однимъ изъ самыхъ популярныхъ. Повѣсти изъ него уже скоро стали списывать-

ся рядомъ съ повѣстями и сказаніями изъ Патериковъ, Прологовъ,—„книгъ самыхъ дорогихъ“ для древне-русскаго православнаго читателя, заносятся въ Синодикъ и т. п. Нѣсколько позднѣе, въ XVIII в., Великое Зерцало, какъ извѣстно, переходитъ въ литературу старообрядческую,—и уже одинъ этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ объ основномъ характерѣ этого западно-европейскаго сборника... Популярность сборника вполнѣ объясняется такъ сказать его „православнымъ“ характеромъ, общимъ характеромъ и колоритомъ его содержанія,—какъ нельзя лучше подходившими къ общему характеру и направленію всей нашей древней литературы. Въ Великомъ Зерцалѣ особенно выступаетъ напр. аскетическое отношеніе къ народнымъ пѣснямъ, играмъ, пляскамъ, и т. п... Повѣсти Великаго Зерцала явились въ русской литературѣ какъ бы наглядными примѣрами изъ западно-европейской жизни того аскетизма, и той морали, которые передавались до того времени у насъ, въ древне-русскихъ поученіяхъ, какъ простыя порицанія или наставленія“... Многочисленныя повѣсти напр. легендарнаго характера вполнѣ соотвѣтствовали древне-русскимъ житіямъ и сказаніямъ о чудесахъ. Какъ въ древне-русской литературѣ встрѣчается много повѣстей и чудесъ, связанныхъ съ иконами Божіей Матери, съ иконами и мощами святыхъ,—такъ и въ Великомъ Зерцалѣ передъ читателемъ развертывался необозримый рядъ поэтическихъ повѣствованій и разсказовъ, передававшихъ чудеса отъ реликвій... Для своей популярности въ нашей литературѣ XVII—нач. XVIII в. Великое Зерцало заключало въ себѣ и еще одну какъ бы спеціальную черту. Какъ литературное произведеніе, сборникъ пропитанъ аскетизмомъ, преобладаніемъ въ разказахъ религіозной чудесности, стоитъ вполнѣ на почвѣ стараго православнаго католичества,—со всей суровостью относясь къ „еретикамъ“, лютерамъ и кельвинамъ, и вообще къ различнымъ „новшествамъ“ въ сферѣ религіозной... Именно эта сторона

едва ли не имѣла особаго значенія и для московской Руси: и ей, уже съ XVI вѣка, приходилось бороться также противъ различныхъ еретическихъ „новшествъ"... Общность многихъ источниковъ, древне-христіанскихъ вообще и византійскихъ въ частности, общій характеръ разказовъ, аскетическаго, поучительнаго направленія—такъ сблизили Великое Зерцало съ нашей древней литературой, что сборникъ уже очень скоро какъ бы совершенно утратилъ характеръ переводнаго... Отсюда—не только близость его съ названными памятниками, но черезъ нихъ и сильное вліяніе на произведенія собственно народной словесности,—на духовные стихи, сказки, легенды и т. п.

Самое содержаніе сборника чрезвычайно обширно; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ число разсказовъ достигаетъ почти 900. Повѣсти и разсказы болѣе или менѣе сходные по сюжетамъ, содержанію и своей конечной морально-наставительной цѣли—составляютъ „отдѣлъ", съ однимъ общимъ заглавіемъ, указывающимъ на ту добродѣтель или порокъ, около которыхъ группируется содержаніе разсказовъ,—примѣрами, „прилогами" которыхъ служатъ собранныя повѣсти. Таковы отдѣлы о „пьянствѣ", о „лукавствѣ", „терпѣніи" и т. д.

Среди повѣстей исключительно духовнаго содержанія въ „Великомъ Зерцалѣ" есть повѣсти свѣтскаго содержанія, даже „смѣхотворныя". Такъ въ Зерцалѣ читается нѣсколько шутливыхъ разказовъ, заимствованныхъ изъ Sermones Г о т ш а л к а, голланскаго проповѣдника XV в.,—между ними извѣстный разсказъ объ упрямой женѣ, перешедшій и въ область нашихъ сказокъ...

Наиболѣе обширная повѣсть Великаго Зерцала, *О Удонѣ епископѣ Магдебурскомъ*—особенно часто встрѣчается въ нашихъ сборникахъ XVI—XVII вв. и отдѣльно, вообще была одной изъ самыхъ любимыхъ

Однимъ изъ популярнѣйшихъ средневѣковыхъ сборниковъ духовно-повѣствовательнаго характера были *Римскія Дѣянія* (Gesta Romanorum). Сборникъ этотъ былъ едва-ли не самымъ богатымъ источникомъ средневѣковыхъ сказаній отдѣла такъ наз. „странствующей“ литературы; здѣсь было собрано множество разсказовъ, принадлежавшихъ и классическому міру и восточной поэзіи и туземной, западноевропейской литературѣ среднихъ вѣковъ, и Византіи и т. п. Происхожденіе сборника объясняютъ различно; время появленія, его первоначальную, древнѣйшую редакцію относятъ приблизительно ко второй пол. XIII в. Памятникъ имѣлъ очень длинную генеалогію. Первоначальная редакція—XIII вѣка—впослѣдствіи чрезвычайно измѣнилась отъ вставокъ, сокращеній и интерполяцій; не только рукописи, но и печатныя изданія сборника значительно разнятся между собою и редакціями текста и подборомъ самыхъ статей...

Содержаніе сборника не вполнѣ точно опредѣляется заглавіемъ; здѣсь есть много разсказовъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ „дѣяніямъ“ римлянъ. Какъ мы уже замѣтили, сборникъ представляетъ собою безконечный рядъ разсказовъ анекдотическаго характера, главная, конечная цѣль которыхъ—нравоученіе. Разсказъ подгонялся именно къ этой нравоучительной цѣли; нравоученію отводилось первое мѣсто... Самые разсказы по своимъ литературнымъ связямъ и вообще по своей литературной исторіи—нерѣдко очень древни; многіе изъ нихъ, уходятъ гораздо дальше греко-римской культуры,—ведутъ начало съ дальняго Востока, отъ арабовъ, евреевъ, изъ Византіи и т. п. „Всѣ эти разсказы, замѣчаетъ изслѣдователь, давно уже существовали на европейской почвѣ къ эпохѣ кодификаціи сборника. Въ него они вошли въ томъ видѣ, въ какомъ странствовали по всей Европѣ“... Компилятивный характеръ сборника обнаруживается изъ цитатъ и ссылокъ, находящихся въ самомъ текстѣ; кромѣ римскихъ писателей, цитируются писатели сревневѣковые, много вошло также восточ-

ныхъ сказокъ и апологовъ, изъ латинскихъ хроникъ и т. д. Разнообразіе анекдотическаго содержанія дѣлало сборникъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ въ средневѣковой литературѣ... Помимо занимательности, анекдотичности,—популярность Gesta Romanorum увеличивалась упомянутымъ господствующимъ тономъ всего изложенія, обиліемъ въ немъ морализаціи: къ разсказамъ и анекдотамъ обыкновенно присоединяются моральныя наставленія. Этой чертой объясняется, почему къ сборнику такъ охотно прибѣгали средневѣковые католическіе проповѣдники: они находили здѣсь неисчерпаемый матеріалъ для своихъ поученій... Впрочемъ въ Gesta'хъ обильный матеріалъ для себя находили не только проповѣдники; въ немъ иногда мотивы и фабулы для своихъ произведеній почерпали и такіе писатели, какъ Боккачіо и Шекспиръ...

Позднѣйшій изслѣдователь литературную исторію Gesta Romanorum, какъ сборника, ставитъ въ тѣсную связь съ болѣе раннимъ средневѣковымъ подобнымъ же сборникомъ—Disciplina Clericalis, извѣстнымъ трудомъ Петра Альфонса (1062—1110), крещеннаго испанскаго еврея. Сборникъ Альфонса—по легкому изложенію и занимательности содержанія, состоящаго изъ повѣстей, анекдотовъ басенъ—до такой степени пришелся по вкусу наивной публикѣ среднихъ вѣковъ, что сталъ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ чтенія, оказавши въ то же время большое вліяніе на развитіе литературы этого рода... Въ сборникѣ Петра Альфонса позднѣйшіе изслѣдователи видятъ и „тотъ зародышъ, изъ котораго постепенно образовались и Gesta". Одно время составленіе Gesta приписывалось то Эликандру († 1227), то Берхорію († 1362); позднѣйшій изслѣдователь справедливо указываетъ на тщетность и безосновательность подобныхъ пріуроченій, — вполнѣ вѣрно характеризуя литературную исторію большинства подобныхъ средневѣковыхъ сборниковъ. „Разъ рукопись Петра Альфонса попалась въ

руки монаховъ, замѣчаетъ С. Л. Пташицкій, они изъ нея выписывали, что̀ казалось подходящимъ, а къ этому добавляли и изъ другихъ источниковъ другіе разсказы. Такихъ бродячихъ разсказовъ, невѣдающихъ отечества, въ то время была уже масса. Они прицѣплялись къ одному общему кому и, катясь подобно лавинѣ, образовали тотъ безыменный трудъ, въ которомъ нельзя отыскать ни того, кто его натолкнулъ, ни того, кто направилъ его по извѣстному пути, ни того, кто содѣйствовалъ его дальнѣйшему и окончательному образованію. Въ такихъ произведеніяхъ дѣйствуетъ стихійная сила, она ими управляетъ и ихъ образуетъ. Такіе личности, какъ Голькотъ, Vincentius Bellovacensis, авторъ *Dialogus Creaturarum*, Berchorius—брали уже готовый матеріалъ и подчасъ уже систематизированный. Брали его съ полнымъ сознаніемъ права имъ пользоваться, какъ вещью, составляющую общее достояніе, а не чье-либо частное. Поэтому-то въ такихъ произведеніяхъ, какъ Gesta Romanorum, нельзя даже доискиваться того, кто его составилъ, и слѣдуетъ ограничить изслѣдованіе вопросомъ, какъ онъ составился. Образованіе этого памятника не можетъ принадлежать иниціативѣ одной какой нибудь личности, онъ составился постепенно и незамѣтно для составителей. Около небольшаго сборника группировались подходящіе разсказы, въ которыхъ ни текстъ, ни даже замкнутый циклъ не стѣсняли каждаго новаго переписчика. Всѣ относились свободно къ переписываемому образцу, ихъ не стѣсняла фраза текста, ее видоизмѣняли сообразно личному вкусу, и пропускъ однихъ разсказовъ и вставка другихъ были на каждомъ шагу. Дошло дѣло до того, что изъ сотни полторы списковъ, мы не можемъ найти даже двухъ вполнѣ сходныхъ между собою. Сколько рукописей, столько отдѣльныхъ произведеній“...

Не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ библіографическихъ подробностяхъ, приводимыхъ изслѣдователемъ—

чтобы наглядно видѣть, до какого разнообразія иногда доходили въ своихъ рукописныхъ и печатныхъ редакціяхъ подобныя произведенія западно-европейской средневѣковой литературы.

Въ самыхъ первыхъ латинскихъ изданіяхъ, 70-хъ гг. XV вѣка, Gesta имѣютъ 150—151 главу. Въ третьемъ изданіи—Кельнъ, 1473 г.—этихъ главъ уже 181. Кельнское изданіе послужило прототипомъ всѣхъ позднѣйшихъ, а равно—оригиналомъ и для большинства средневѣковыхъ переводовъ: голландскаго, французскаго и нѣмецкаго. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ сохранена опредѣленная послѣдовательность разсказовъ; они начинаются статьею De dilectione и оканчиваются главой De adulterio... Въ рукописныхъ сборникахъ не нашлось ни одного списка, который бы могъ служить оригиналомъ для изданія первопечатнаго. Болѣе всего къ нему подходитъ одна изъ рукописей Мюнхенской б-ки. Всѣ старопечатныя изданія содержатъ въ себѣ *Житіе св. Алексья* и *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ*,—чего не встрѣчаемъ въ рукописныхъ сборникахъ... Отдѣльную весьма обширную группу рукописныхъ сборниковъ, составляютъ рукописи англо-латинскія и латино-германскія. Рукописи эти „поражаютъ изслѣдователя своимъ необычайнымъ разнообразіемъ, какъ по группировкѣ разсказовъ, такъ и по ихъ изложенію". Въ 150 рукописяхъ этой группы—нѣтъ „даже двухъ рукописей, которыя бы представляли дословную копію. Переписчики не только не стѣснялись выборомъ статей, но даже и текстомъ разсказа или нравоученія"... Впрочемъ, при всемъ разнообразіи списковъ, изслѣдователи усматриваютъ въ нихъ нѣсколько группъ. Важнѣйшей группой здѣсь является та, представителемъ которой служитъ одна изъ рукописей Дрезденской б-ки. Группа заключаетъ въ себѣ самую древнюю редакцію. Здѣсь—строго выдержанная послѣдовательность разсказовъ, иногда только нарушаемая отдѣльными вставками и пропусками. Всѣ сборники этой разновидности начинаются статьей De milite,

qui ad peregrinandum profectus est, и оканчиваются разсказомъ: De filia regis et quinque militibus et cane. Во второй половинѣ сборника вставлены разсказы изъ „Исторіи семи мудрецовъ“. Самое большое число разсказовъ—112. Къ этой редакціи примыкаютъ старинные нѣмецкіе переводы. Особенно она была распространена въ Германіи и оттуда перешла въ Польшу, гдѣ въ теченіе XV ст. многократно списывалась. Эта редакція послужила источникомъ для западнославянскихъ редакцій Gesta Romanorum... Совершенно особую редакцію представляетъ редакція польская,—рѣзко отличающаяся по составу отъ всѣхъ западно европейскихъ редакцій, не исключая и сейчасъ названныхъ англійскихъ. Рукописей польскаго перевода не дошло до насъ; имѣются лишь печатныя изданія, и даже довольно позднія, преимущественно XVIII в.; изъ дошедшихъ лишь одно, и то дефектное (безъ начальныхъ листовъ), можетъ быть отнесено къ XVII в. Есть свѣдѣнія о существованіи изданія половины XVI вѣка. Польская редакція заключаетъ 39 разсказовъ,—и является повидимому извлеченіемъ изъ первопечатныхъ латинскихъ изданій, именно изъ одного изъ болѣе позднихъ, заключающихъ въ себѣ 180—181 разсказовъ (а не 150—151, какъ въ самыхъ раннихъ). Въ польскомъ изданіи „мы имѣемъ дѣло съ выборомъ, сдѣланнымъ самостоятельно и исключительно для польскаго изданія. Составитель выбиралъ изъ латинскаго сборника разсказы по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь никакими традиціями... Порядокъ статей совершенно произвольный“. По отношеніи къ большинству статей, переводъ сдѣланъ былъ спеціально для этого сборника,—лишь для двухъ слѣдуетъ допустить возможность пользованія уже существовавшимъ переводомъ“... Эти двѣ статьи—*Житіе св. Алексѣя* и *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ*.

Русскіе списки Римскихъ Дѣяній довольно многочислен-

ны. По датамъ, находящимся на рукописяхъ, переводъ относится къ 1691 году,—при чемъ оригиналомъ указывается польское изданіе 1663 г., до сихъ поръ остающееся библіографамъ неизвѣстнымъ. Дошедшіе списки заключаютъ въ себѣ 35—39 главъ. Расположеніе главъ часто совершенно произвольное, не согласное съ польскимъ,—и въ различныхъ спискахъ различное. Изъ повѣстей, входящихъ въ составъ нашихъ „Римскихъ Дѣяній“, отмѣтимъ—

Исторію о Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ и о Тарсѣ королевнѣ; прикладъ, что печаль премѣняется въ радость,—

О хитрости діавольстѣй; прикладъ, яко судбы Божія неиспытаны и скрыты суть,—

Прикладъ, сирѣчь притча о гордомъ цесарѣ Евинянѣ и о его ниспаденіи, и какъ Господь Богъ многажды гордымъ противитца, а смиренныхъ возноситъ и даетъ благодать,—

Прикладъ о хитрости женстѣй,—и рядъ дальнѣйшихъ на тему, *„яко не подобаетъ вѣрити женамъ, ниже тайнъ своихъ объявляти имъ“* и др. п.п.,—

Прикладъ о правдѣ и о любви, яко правда избавляетъ отъ смерти,—

Прикладъ, сирѣчь притча о двою лѣкаряхъ,—

Прикладъ, чтобы мы блюлись отъ лести діаволсти, дабы насъ не прельстилъ,—

Прикладъ, чтобы мы чистоту и вѣру брака соблюдали,—

Прикладъ о житіи св. Алексѣя человѣка Божія, или Прикладный животъ св. Алексѣя, чтобы смыслости сего свѣта возненавидѣли и т. п.

Сравнивая разные списки „Дѣй“, изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что переводъ былъ не одинъ. Несмотря на весьма значительную популярность сборника въ средѣ нашихъ читателей,—въ переводѣ почти не замѣтно слѣдовъ русскаго вліянія.

Нѣкоторыя отдѣльныя повѣсти, читаемыя въ Gesta'хъ, извѣстны были у насъ повидимому и раньше общаго перевода „Дѣяній", и вообще имѣли въ нашей письменности самостоятельный характеръ. Такой самостоятельный характеръ имѣла напр. *Повѣсть объ Аполлонѣ (Аполлоніи), королѣ Тирскомъ*,— 153-я глава Gesta Romanorum. Повѣсть обращалась у насъ и въ общемъ переводѣ „Римскихъ Дѣй" и отдѣльно. Редакція перевода, встрѣчающагося въ рукописяхъ отдѣльно, отлична отъ той, въ какой повѣсть читается въ „Дѣяхъ",—и въ именахъ, и въ общемъ изложеніи, и въ языкѣ; послѣдній не страдаетъ полонизмами. Очевидно, двѣ редакціи были двумя различными переводами...

Къ двумъ разсмотрѣннымъ сборникамъ по общему характеру болѣе или менѣе подходятъ два другіе сборника, переведенные у насъ въ концѣ XVII в., и принадлежавшіе къ произведеніямъ восточныхъ литературъ,—упоминавшіеся выше произведенія персидскаго поэта XIII вѣка, Саади—*Гюлистанъ* (*Кринный долъ*) и *Бостана* (*Деревной садъ*), бывшіе помѣщенными при нѣмецкомъ изданіи „Путешествія" Олеарія. Содержаніе произведеній—собранія разсказовъ и анекдотовъ съ правоучительными выводами. Переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго.

Отмѣтимъ также сборникъ, переведенный съ нѣмецкаго въ 1674 году, переводчикомъ посольскаго приказа Андреемъ Виніусомъ.—*Зрѣлище житія человѣческаго*. Сборникъ представляетъ собраніе басней и апологовъ самаго разнообразнаго содержанія; басни и апологи разбиты не по рубрикамъ, какъ въ „В. Зерцалѣ", а являются самостоятельными частями, при чемъ мораль выводится изъ каждой повѣсти отдѣльно...

Уже съ XVI вѣка въ московской Руси видимъ переводы западныхъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей

„о витязяхъ добрыхъ“,—*о славномъ рыцарѣ Трысчанѣ (Тристанѣ), о Анцалотѣ (Ланцелотѣ) и о Бовѣ и о иныхъ многихъ витезѣхъ добрыхъ*, какъ читается въ заглавіи цѣлаго ряда такихъ повѣстей въ такъ наз. Познанской ркси XVI вѣка.

„Лучшимъ временемъ рыцарскаго романа, говоритъ акад. Пыпинъ, авторъ классическаго труда по исторіи нашей старой повѣсти,—былъ конецъ среднихъ вѣковъ, когда онъ принялъ свою окончательную форму, и вмѣстѣ съ другими преданіями и сагами среднихъ вѣковъ, получилъ обширное распространеніе: каждая замѣчательная исторія имѣла множество переводовъ и была знакома цѣлой массѣ читателей вдалекѣ отъ первоначальной родины... Иные изъ романовъ переводимы были почти на всѣ европейскіе языки, первопечатныя изданія ихъ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ и рѣдчайшихъ инкунабуловъ. Въ заключеніе своихъ странствованій рыцарскіе романы, путемъ польскихъ переводовъ, заходили и въ нашу старинную письменность. Если къ понятіямъ нашихъ читателей не подходили картины любви, нѣжной и самоотверженной, то нравились богатырскія похожденія, описанныя въ этихъ исторіяхъ: физическая сила и храбрость рыцарей, непреодолимая охота совершать трудные подвиги, любовь къ странствіямъ, соединеннымъ съ чудесами и опасностями, сближали чужихъ паладиновъ съ богатырями нашего сказочнаго эпоса, такъ что иные переводные романы въ самомъ дѣлѣ стали рядомъ съ чисто народными произведеніями. Такимъ героемъ былъ напр. Бова Королевичъ... Въ одномъ спискѣ его исторіи, принадлежавшемъ XVIII вѣку, читатель или переписчикъ выразилъ свое мнѣніе объ этомъ героѣ такимъ образомъ, заканчивая повѣсть: „И почелъ Бова жить на старинѣ... лиха избывать, а добра наживать, а Бовѣ слава не минетца, отнынѣ и до вѣка“...

Исторія Бовы Королевича, какъ мы видимъ изъ упомя-

нутой Познанской рукописи—была однимъ изъ самыхъ первыхъ у насъ западныхъ романовъ. Имя героя указываетъ на рыцарскій романъ, относящійся къ циклу сказаній о Карлѣ В. и внесенный въ знаменитую поэму-хронику среднихъ вѣковъ *Reali di Francia*,—явившуюся ок. первой пол. XIV вѣка. Содержаніе Reali di Francia („Королевичи Франціи") въ своемъ полномъ составѣ обнимаетъ всю исторію Карла В., съ его предками и потомками; хроника распадается на шесть книгъ,—изъ которыхъ четвертая посвящается прототипу русскаго „Бовы", Б у о в о д' А н т о н у. Сполна хроника въ первый разъ была напечатана въ 1491 году, въ Моденѣ; послѣ того печаталась множество разъ, — и заключая въ себѣ обильный матеріалъ разнаго рода разсказовъ, повѣстей, преданій, сдѣлалась источникомъ для многихъ послѣдующихъ поэтовъ и раманистовъ. Нашла своего передѣлывателя и исторія Буово д' Антона. Въ 1480 г. въ Болоньѣ явилась основанная на IV книгѣ хроники, *стихотворная поэма*, имѣвшая необыкновенный успѣхъ. Дѣйствующими лицами поэмы являются: Б л о н д о й я (Blondoia), молодая супруга герцога Г в и д о н а,—послѣдній царитъ въ градѣ Антонѣ (il duca Guidone d' Antona); Р и з а р д о (Rizardo), слуга Блондойи; Д о д о н ъ М а й н ц к і й (Dodon di Maganza), сосѣдній герцогъ, котораго любитъ Блондойя; Б о в о (Buovo d' Antona), единственный сынъ Блондойи и Гвидона; С и н и б а л ь д а (Sinibaldo), дядька Бово; с л у ж а н к а Блондойи; Арминіонъ (Erminione), армянскій царь, къ которому въ конюхи попадаетъ Бово; Д р у з і а н а (Drusiana), дочь армянскаго царя; М а р к а б р у н ъ (Macabruno), сосѣдній король, одинъ изъ претендентовъ на руку Друзіаны; С у л т а н ъ С а д о н с к і й (Soldan de Sadonia), сосѣдній король, который нападаетъ на Арменію; его сынъ Лукаперъ (Lucafer), богатырь-великанъ, притязатель на руку Друзіаны; У г о л и н ъ (Udolino), братъ Арминіона, дядя Друзіаны; М а л ь г а р і я (Malgaria), дочь

Султана Садонскаго, сестра Лукапера; Пуликане (Pulicane), одинъ изъ свиты Маркабруна, полу-человѣкъ, полупесъ, сильное чудовище, которому нѣтъ равнаго на бѣгу; Оріо, герцогъ, непокорный ленникъ короля Маркабруна; Синибальдо и Гвидонъ, дѣти Друзіаны и Бово; Терисъ, сынъ Синибальдо; Пипинъ, король Франціи, союзникъ Додона; Пассамонтъ, король, претязатель на руку Мальгаріи,—наконецъ, жители Антона, карабельщики, купцы и т. д.

Эта стихотворная поэма и послужила оригиналомъ для нашего романа-сказки. Какимъ образомъ итальянская поэма (или та или другая ея редакція) сдѣлалась извѣстной у насъ, была ли она переведена непосредственно, или предварительно прошла сквозь какую нибудь славянскую передѣлку,—изслѣдователи не рѣшаются сказать положительно. По мнѣнію однихъ, поэма могла быть занесена жонглерами въ какую-либо итальянско-славянскую среду, и отсюда перешла въ Россію; въ своихъ далекихъ странствованіяхъ жонглеры „могли заходить на рубежи итальянско-славянскаго міра и заносить туда разсказы о карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго Стола, издавна популярные въ Италіи“... Другіе думаютъ, что повѣсть могла быть занесена заѣзжими итальянцами, сопровождавшими царевну Софью Палеологъ; „на такой ранній переходъ ея къ намъ указываетъ между прочимъ и та родственная связь, которая давно уже установилась между нею и нашими былинами, въ пересказѣ однихъ и тѣхъ же подробностей, а также и заимствованіе изъ сказки о Бовѣ богатыря Пуликана, который закрѣпленъ въ нашихъ былинахъ“... На происхожденіе русской передѣлки непосредственно изъ итальянскаго источника указываютъ такія данныя, какъ „Милитриса“—*Меретрисъ, meretrix;* Салтанъ—Soldans, *задонскій*—di Sadonia и т. п. Какъ бы то ни было, романъ рано пріобрѣлъ у насъ

особую популярность, и явился тѣсно связаннымъ съ нашимъ народнымъ эпосомъ.

Безчисленныя лубочныя изданія „Бовы" представляютъ двѣ редакціи,—болѣе полную и сокращенную (на 32 листахъ и на 8 лл.). Первая носитъ заглавіе: „Сказка полная о славномъ сильномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекраснѣйшей супругѣ его королевнѣ Дружевнѣ"; вторая, сокращенная: „Гисторія о храбромъ и славномъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о смерти отца его". Полная редакція ведетъ свое начало отъ одной изъ двухъ группъ, на которыя распадаются русскіе списки. Представителемъ первой группы можетъ быть приблизительно названъ текстъ сказки, изданный въ „Памятникахъ древней письменности", по рук. XVII в.: „Сказанія про храбраго витязя про Бову Королевича" (Вып. I, Спб., 1879); представителемъ второй—текстъ, изданый акад. Веселовскимъ: „Слово о нѣкоемъ храбромъ витязѣ и о славномъ богатырѣ о Бовѣ Королевичѣ"... Это распредѣленіе списковъ—лишь приблизительное, не рѣшающее. „Въ обоихъ редакціяхъ, замѣчаетъ изслѣдователь, Милитриса очутилась собственнымъ именемъ, имя Блондойи изчезло, вмѣсто Бово—Бова́; Пулканъ—Полканъ; Дружнена—Дружнена, Дружневна; св. Семіонъ—Суминъ. Явились новыя имена: отецъ Милитрисы—Кирбичъ, Кирбитъ Верзауловичъ, царствующій въ Дементіанѣ градѣ и т. д.

Какъ уже было нами упомянуто, древнѣйшая русская редакція повѣсти о Бовѣ Королевичѣ дошла до насъ въ такъ наз. познанской рукописи XVI в. (хранится въ Познанской публичной библіотекѣ), на которую впервые еще въ 40-хъ гг. указалъ Бодянскій и которая лишь въ самое послѣднее время подробно была обслѣдована, а отчасти и издана, акад. Веселовскимъ. Познанская рукопись, какъ мы уже замѣтили, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ повѣстей,—подъ общимъ заглавіемъ: „Починается повѣсть о витезяхъ съ

книгъ сербскихъ, а звлаща (именно) о славномъ рыцеры Трысчанѣ, о Анцалотѣ (Лонцелотѣ) и о Бовѣ и о иншыхъ многихъ витезѣхъ добрыхъ"... Самый текстъ повѣсти о Бовѣ, находящійся дальше, носитъ въ рукописи заглавіе: „Исторыя о княжати Кгвидонѣ". Ближайшій литературный источникъ какъ для Бовы, такъ и для другихъ, помѣщенныхъ здѣсь, повѣстей, точно указывается въ приведенномъ заглавіи: „съ книгъ сербскихъ"... Эти исходные сербскіе тексты, „книги сербскія"—пока остаются неизвѣстными; но что бѣлорусскій текстъ рукописи былъ взятъ дѣйствительно „съ книгъ сербскихъ", это отчасти доказывается нѣкоторыми, какъ бы застрявшими въ познанскомъ текстѣ, сербизмами... Оригиналомъ для „сербскихъ книгъ" служилъ источникъ итальянскій,— что́ доказывается опять нѣкоторыми также случайно оставшимися въ познанскомъ текстѣ слѣдами итальянскаго языка...

„Исторія о Гвидонѣ" познанской рукописи однако—не одно и то же, что „Сказаніе о Бовѣ", читаемое въ нашихъ народныхъ пересказахъ повѣсти. „Сказаніе" такъ часто переписывалось и пересказывалось, что приняло совершено русскій стилистическій колоритъ,—между чѣмъ исторія о Гвидонѣ носитъ на себѣ еще замѣтные слѣды „сербскихъ книгъ", съ которыхъ взятъ познанскій текстъ. Самые тексты русской повѣсти не одинаковы; въ нихъ изслѣдователь приблизительно намѣчаетъ двѣ редакціи,—обѣ эти редакціи въ извѣстныхъ пунктахъ одинаково приближаются къ познанскому тексту, и въ то же время одинаково далеко уходятъ отъ него въ другихъ...

Какъ мы уже замѣчали, на Руси „Бовѣ" досталась особая популярность. Въ 1693 году, въ числѣ „потѣшныхъ книгъ" царевича Алексѣя упоминается „книга въ лицахъ о Бовѣ Королевичѣ",—но дошедшіе до насъ отъ XVII в. списки повѣсти своимъ языкомъ, совершенно народнымъ, наглядно показываютъ, что для этого вѣка повѣсть была далеко не новинкой...

„Нѣвкоемъ было царствѣ, въ великомъ государствѣ, въ славномъ градѣ во Антонѣ“ и т. д. (списокъ XVII в); или: „Бысть нѣкій король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антоновѣ, младъ весьма и храбръ, и збиралъ себѣ во градѣ храбрыхъ витязей во златыхъ поясѣхъ, и охочь былъ въ чистомъ полѣ тѣшитца съ соколы и ястребы и съ выжлецы“ и т. д. (списокъ XVII—нач. XVIII в.)—этотъ языкъ повѣсти показываетъ, въ какой степени она уже обнародовѣла къ XVII—нач. XVIII в.в.

Рядомъ съ повѣстью о Бовѣ Королевичѣ изъ западно-европейскихъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей, перешедшихъ къ намъ въ XVII вѣкѣ,—особенной популярностью пользовались у насъ романы: *О Мелюзинѣ* и *Повѣсть о благородномъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о благородной королевнѣ Магиленѣ*

Основа романа *О Мелюзинѣ* связана съ весьма развитымъ цикломъ сказаній и повѣрій о феяхъ, женщинахъ-оборотняхъ. Превращеніе женщины въ змѣю—довольно обыкновенный мотивъ романтическаго эпоса; онъ повторяется и въ нашей извѣстной сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и Жаръ-птицѣ, гдѣ герой, Иванушка, женится на женщинѣ-лягушкѣ, которая потомъ оказывается могущественной волшебницей... Первая редакція романа явилась во Франціи въ концѣ XIV столѣтія. Значительно передѣланное и измѣненное, произведеніе дало основу для французскаго романа, напечатаннаго въ 1478 году; нѣсколькими годами раньше вышелъ нѣмецкій переводъ... Въ русскую письменность исторія о Мелюзинѣ перешла изъ Польши. Въ дошедшемъ спискѣ XVII в. романъ не имѣетъ заглавія; въ началѣ, на первыхъ страницахъ указывается лишь содержаніе отдѣльныхъ его главъ. Въ концѣ послѣдней главы имѣется точная дата перевода: повѣсть „съ французскаго языка на латинскій переведена бысть лѣта отъ Р. Христова 1400, съ нѣмецкаго же на польскій переведена лѣта Господня 1569,—

нынѣ же, прибавляетъ переводчикъ, съ польскаго на славено-россійскій языкъ переведена лѣта 7185 (=1677) генваря въ 12 день"... Языкъ перевода страдаетъ полонизмами.

Прототипомъ бывшей у насъ столь популярной *Исторіи о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ Неаполитанской* былъ французскій романъ, древнѣйшая редакція котораго относится ко второй половинѣ XV вѣка. Въ немъ разсказывается судьба нѣжно любившихъ другъ друга Петра, графа Прованскаго, и Магелоны, дочери короля Неаполитанскаго: разлученные несчастными обстоятельствами, они долго страдали, не имѣя другъ о другѣ никакой вѣсти, пока наконецъ, послѣ длинныхъ приключеній, не соединились снова... Исторія Петра Прованскаго помѣщена Сервантесомъ въ его Донъ-Кихотѣ. Предполагаютъ, что романъ Магелоны заимствованъ изъ дѣйствительности: въ Провансѣ до сихъ поръ сохраняется гробница этой принцессы; подлѣ Марселя одинъ изъ острововъ носитъ даже ея имя, а въ Мадридскомъ арсеналѣ показываютъ ключъ, „которымъ Петръ Прованскій заводилъ своего коня"... Къ намъ повѣсть была занесена изъ Польши. Переводъ явился въ началѣ или половинѣ XVII вѣка; въ 1693 году, въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича, упоминается уже потѣшная книга въ лицахъ „Петръ Златые-Ключи". Повѣсть скоро перешла въ лубочныя изданія, но въ сильно сокращенномъ видѣ, лишь въ извлеченіи. Въ Россіи имя героя укрѣпилось даже за однимъ урочищемъ: въ саратовской губерніи есть мѣстечко „Петръ Златые-Ключи"...

Повѣсть въ дошедшихъ рукописяхъ носитъ заглавіе: „Сказаніе о Петрѣ Кралевичѣ французскомъ, нарицаемаго Златыхъ Ключевъ, и прекрасной его супругѣ, неаполитанскаго краля дщери, имянемъ Магилены, о снитіи ихъ и житіи ихъ, зѣло умилительно слушающимъ", или: „Исторія о славномъ рыцарѣ неаполитанскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ

Ключей и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ дѣвицѣ, о житіи и о похожденіи ихъ“. Тексты представляютъ мѣстами различіе, но „происходятъ отъ одного перевода“. Въ одномъ изъ списковъ находится предисловіе, предполагаютъ, русскаго переводчика,—которое хорошо выражаетъ то необыкновенное уваженіе, съ которымъ относился къ книгѣ переводчикъ, и съ которымъ конечно относились къ роману и вообще современные русскіе читатели. Языкъ предисловія отчасти показываетъ и вообще точку зрѣнія тогдашняго русскаго читателя на переводную повѣсть... „Читателю любезный! начинаетъ свое предисловіе переводчикъ: Сладость медвеная услаждаетъ гортань, а слово душу; ни откудо бо, точію отъ вкуса познавается сладость, а отъ повѣданія умныхъ мудрость... Мы же полезное являти будемъ инымъ на подвигъ усердный. Сего ради молю ти, вникнувъ въ сію святую (!..) книгу..., отъ нея же познаеши, како во единомъ Бозѣ надеждею житія же учитъ... Молю не просто прочитати сію книгу, но со усердіемъ... Сладко вамъ божественное писаніе, братіе, не точію почитающимъ... Яко и сія благородная княжата, о нихъ же повѣствованіе предлежитъ, глаголю, великопрестольнаго и славнаго королевича Петра, иже паче тлѣнной славы небесную возлюби... Молю убо умѣющихъ щедроблевость и твердость, надежду во Господѣ, о таковыхъ благожелательнѣ послушати“... и т. д. Языкъ самаго разсказа совершенно напоминаетъ обычный старый стиль „житія“: „Въ лѣто отъ воплощенія Божія Слова осмосотное, индикта перваго, во дни Федерика царя Пятаго во Ишпаніи велицѣй, бысть чудо преславное“... и т. д. Впрочемъ, вообще языкъ перевода— русскій, лишь съ незначительной примѣсью полонизмовъ, которые „не составляютъ замѣтнаго недостатка въ изложеніи, доходящемъ нерѣдко до чисто народнаго склада“...

Однимъ изъ выдающихся фактовъ польскаго вліянія на русскую письменность XVII вѣка является переходъ къ намъ

изъ Польши *повѣстей смѣхотворныхъ*, польскихъ *фрашковъ, жартъ, фацецій* (fraszka—бездѣлица, малость, шутка). Элементъ назидательный, господствующій въ такихъ сборникахъ, какъ „Великое Зерцало“ „Римскія Дѣянія“, и т. п.,— въ „повѣстяхъ смѣхотворныхъ“ окончательно уступаетъ направленію чисто-повѣствовательному, анекдотическому. За интересностью разсказа, мораль совершенно упускается изъ виду. Читателя начинаетъ интересовать самый разсказъ, самое событіе, безъ всякаго отношенія къ его нравоучительности; чтеніе съ цѣлями нравоучительными быстро стало уступать мѣсто чтенію, гдѣ „дидактическій интересъ смѣнялся простымъ историческимъ любопытствомъ“... Въ западной Европѣ появляется множество собраній историческихъ разсказовъ, анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ греческой и римской исторіи... Послѣдняя и прежде нерѣдко выводилась на сцену въ сборникахъ дидактическаго характера, но—играла лишь служебную роль, была иллюстраціею къ нравоученію, морали; теперь она пріобрѣтаетъ самостоятельный интересъ для читателя. За историческимъ анекдотомъ въ сборники скоро входятъ новелла, шутка. Послѣдній элементъ особенно быстро становится на первый планъ. Возникаетъ особый разрядъ сборниковъ—*шуточныхъ*, *facetiae* (facetia, — забавная вещь, смѣшной случай). Сборники этого рода рано явились въ западныхъ литературахъ, и находили себѣ массу читателей. Надъ составленіемъ такихъ сборниковъ трудились иногда люди очень ученые. извѣстные своими серьезными трудами; таковъ напр. былъ Поджіо Браччіоллини († 1459), котораго считаютъ даже основателемъ этого направленія въ средневѣковой литературѣ. Во всякомъ случаѣ со времени выхода его *Фацецій* (*Poggii Florentini Facetiarum Liber*,— издано первоначально въ Римѣ и Венеціи въ 1470 году), направленіе это особенно усиливается. Изъ послѣдователей Поджіо наиболѣе извѣстны: Генрихъ Бебель, Фриш-

линъ, Меландръ. Первые сборники „Фацецій“ появились на латинскомъ языкѣ; послѣдній нисколько не мѣшалъ ихъ популярности, —этотъ языкъ въ то время былъ языкомъ всего образованнаго и вообще читавшаго общества. Но уже очень скоро Фацеціи начали появляться и на языкахъ народныхъ. Содержаніемъ „были по бо́льшей части какія-нибудь смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ и непостоянствомъ женщинъ, недогадливостью мужчинъ; но нерѣдко выставлялись здѣсь и комическія стороны общественной жизни, притязанія сословій.—съ этой стороны „фацеціи“ примыкали къ чисто-сатирической литературѣ. Наконецъ здѣсь же читатель находилъ остроумныя изреченія и фарсы“... Въ старинной польской литературѣ западныя фацеціи были довольно распространенны; изъ Польши произведенія этого рода—въ цѣлыхъ сборникахъ и отдѣльными разсказами, анекдотами переходили и къ намъ. Таковы *Фрашки сиръчь издъвки, факеціи или жарты польски, издъвки смъхотворны московски*..,—читаемыя въ одной рук. XVII в. Въ рукописи указывается и время перевода: „добрѣ съ польскаго исправлены языка печатать поданы сто осмьдесятъ осьмого (7188—1680), ноембрія дня осмаго“...

Въ ряду „стихотворныхъ повѣстей“ въ нашу письменность въ XVII в. перешло и нѣсколько *новеллъ* Боккачьо (1315—1374), фактъ, замѣчаетъ изслѣдователь „любопытный, по его неожиданности“... Новеллы эти бо́льшею частью повидимому перешли также изъ польскихъ передѣлокъ.

Были впрочемъ—одновременно—вліянія на литературу Московской Руси, шедшія и помимо Польши или даже Запада: едва ли нѣкоторыя сказанія не переходили въ древнюю Русь непосредственно съ Востока... Относительно этого, изслѣдователями высказываются лишь предположенія,—основанія къ которымъ даютъ такіе памятники нашей старой пись-

менности, какъ *Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши*, *Повѣсть о Шемякиномъ судѣ*, *Сказка о Еруславѣ Лазаревичѣ*, и нѣкоторыя другія под. Передъ нами группа повѣстей, въ которыхъ мотивы и сказанія западно-европейскихъ литературъ самымъ неотдѣлимымъ образомъ связываются съ преданіями и сказаніями литературъ Востока,—иногда, въ отношеніи къ нѣкоторымъ памятникамъ этой группы, съ самымъ рѣшительнымъ преобладаніемъ элементовъ туземныхъ, чисто русскихъ... Типичнымъ образчикомъ послѣдняго,—образчикомъ именно такой литературной передѣлки иноземныхъ сюжетовъ и сказаній въ произведеніе національное, народное—является упомянутая сейчасъ *Повѣсть о Шемякиномъ судѣ*.

Пересмотръ всего прежде сдѣланнаго и новое обслѣдованіе повѣсти представлено въ монографіи акад. М. И. Сухомлинова: Повѣсть о судѣ Шемяки. Приложеніе къ XXII т. Зап. И. Ак. Наукъ Спб., 1873. Вотъ результаты его изслѣдованій.

Дѣлая очеркъ предшествовавшаго научнаго изученія повѣсти,—указывая на труды здѣсь Гейдеке (Heideke), фонъ-деръ-Гагена (v. d. Hagen), Дитриха (Dietrch) Бенфея (Benfey), Пыпина, Тихонравова, Буслаева и Афанасьева,—Сухомлиновъ соглашается съ характеристикою памятника, сдѣланнаго Тихонравовымъ. По мнѣнію послѣдняго, „наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и воззрѣнія, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западно-европейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей повѣсти остается убогій,—изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ случайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, исцовъ и самого судьи Шемяки“... Въ своей моногра-

фіи, путемъ самостоятельныхъ научныхъ ислѣдованій и соображеній, авторъ приходитъ, въ общемъ, къ тому же взгляду на памятникъ.

Авторъ начинаетъ съ того, что представляетъ сводный текстъ повѣсти,—на сколько она сохранилась у насъ въ нашихъ народныхъ сказкахъ, старинныхъ рукописяхъ и лубочныхъ картинахъ (стр. 7—12). Переходя къ историко-литературному обслѣдованію своднаго текста, авторъ замѣчаетъ: „Для вѣрной постановки вопроса о происхожденіи и составѣ русской повѣсти, необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: необычайность, затѣйливость рѣшеній судьи; подробности дѣйствій подсудимаго и произносимыхъ надъ нимъ приговоровъ— держать у себя лошадь пока выростетъ у ней хвостъ, прижить ребенка, упасть съ высоты на подсудимаго и т. п.; общій характеръ судьи и подсудимаго, и связь памятника, въ общемъ и частностяхъ, съ однородными ему произведеніями другихъ литературъ“... Авторъ начинаетъ съ послѣдняго тункта; онъ передаетъ содержаніе родственныхъ нашей повѣсти сказаній другихъ литературъ—тибетской сказки изъ Дзанглуна, индѣйской сказки о каирскомъ купцѣ и средневѣковой нѣмецкой пѣсни о судѣ Карла В. Сравнивая съ названными произведеніями нашу повѣсть, акад. Сухомлиновъ замѣчаетъ: „При сравненіи русскаго сказанія съ иностранными (во всемъ объемѣ перваго и послѣднихъ), бросается въ глаза отсутствіе въ немъ одного и весьма существеннаго обстоятельства, именно — условія и приговора о вырѣзаніи мяса у несостоятельнаго должника“... Затѣмъ, переводя къ частностямъ повѣсти, къ отдѣльнымъ чертамъ ея сюжета,—авторъ указываетъ родственныя имъ подобныя же черты въ литературахъ другихъ народовъ, кромѣ сказаній тибетскаго, индѣйскаго и средневѣковаго нѣмецкаго, въ юмористическихъ разсказахъ и народныхъ книгахъ польской

литературы и нѣмецкой. Указавши эти литературныя связи (въ общемъ и частностяхъ) нашей повѣсти съ подобными же сказаніями другихъ литературъ, авторъ замѣчаетъ: „Одна изъ важнѣйшихъ особенностей русской повѣсти заключается въ томъ, что судья является въ ней олицетвореніемъ кривды, между тѣмъ какъ въ подобныхъ сказаніяхъ другихъ народовъ судья дѣйствуетъ, какъ представитель правды. Шемяка поступаетъ своекорыстно, въ надеждѣ получить взятку, а между тѣмъ рѣшенія его въ сущности, по понятіямъ народа, вѣрны: они совпадаютъ съ рѣшеніями такихъ народныхъ идеаловъ справедливости, какъ Соломонъ и Карлъ В. Этотъ разладъ между стремленіями и дѣйствіями одного изъ главныхъ лицъ повѣсти наводитъ на мысль о различныхъ началахъ, изъ которыхъ она постепенно слагалась. Какъ самый составъ ея, такъ и воззрѣніе на судей, лежащее въ ея основѣ, въ значительной степени разъясняется при помощи семитическихъ легендъ. Въ нихъ же встрѣчается одна изъ выдающихся чертъ, которой еще не найдено аналогической—рѣшеніе судьи воротить лошадь только тогда, когда у ней снова выростетъ хвостъ. Камень также является здѣсь, какъ орудіе мести неправедному судьѣ“... Обращаясь къ памятникамъ еврейской литературы, изслѣдователь приводятъ изъ *Вавилонскаго Талмуда* и *Книги Праведнаго* разсказы о несправедливостяхъ содомскихъ судей. Подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ, заключаетъ Сухомлиновъ, серьезное, обличающее повѣствованіе о жестокихъ и неправедныхъ судьяхъ оттѣняется сатирою..., такъ и въ русской повѣсти серьезное перемѣшивается съ забавнымъ. Не отрицая сатирическаго характера русской повѣсти—продолжаетъ авторъ—должно замѣтить, что насмѣшка представляется въ ней позднѣйшимъ наслоеніемъ и не на одной только заимствованной, но и на чисто русской основѣ. Въ народной сказкѣ до самаго ея заключенія, совпадающаго съ текстомъ

лубочныхъ картинъ, нѣтъ и тѣни сатиры... Главное дѣйствующее лицо въ „Шемякиномъ Судѣ"—честный бѣднякъ, чрезвычайно ловко избѣжавшій опасности: убогій братъ также „переклюкалъ" богатаго брата и всѣхъ своихъ вороговъ, какъ Ерема-дуракъ и Иванушка-дурачекъ перехитрили своихъ лукавыхъ и несправедливыхъ братьевъ"...

Въ нашей повѣсти Сухомлиновъ видитъ какъ бы нѣсколько наслоеній: „Въ составѣ русской повѣсти, говоритъ онъ, слышится нѣсколько мотивовъ: любимыя идеи народной словесности о побѣдѣ правды надъ кривдой, о спасеніи несчастнаго отъ злобы сильныхъ міра—сливаются съ чертами изъ сказанія о судахъ, распространеннаго у индоевропейскихъ и семитическихъ народовъ. Въ наиболѣе давнемъ слоѣ повѣсти изображается судьба бѣдняка, въ потѣ лица работавшаго на богача-брата и сохранившаго жизнь его сына... При дальнѣйшемъ развитіи легенды, эпическій характеръ мало по малу сглаживается, уступая мѣсто чертамъ дѣйствительной жизни и неизбѣжному спутнику изображенія ея въ литературѣ—началу сатирическому. Съ появленіемъ этого начала послѣдовало измѣненіе мотива, и праведный судья изъ эпическаго представителя доброй силы, охраняющей несчастіе, превратился въ судью неправеднаго—кривосуда и взяточника"... Въ сатиру повѣсть превратилась не вдругъ; въ повѣсти не все, что́ кажется сатирическимъ на нашъ взглядъ, казалось такимъ современнымъ читателямъ: „законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшенія Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ XVII в"... Впрочемъ, въ концѣ XVII в. повѣсть превратилась уже въ сатиру. „Много времени прошло до той поры, пока разбираемая нами повѣсть изъ серьезной и назидательной легенды о праведномъ судьѣ превратилась въ сатиру на взяточниковъ. Постепенное наслоеніе, видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ вліяніемъ

различныхъ источниковъ,—какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ ряду послѣднихъ видное мѣсто должно быть удѣлено семитическимъ сагамъ и сказаніямъ, которыя разносились евреями повсюду, и безспорно извѣстны были и на Руси"... Что касается до чертъ собственно русскихъ, то таковыми является въ повѣсти масса подробностей, взятыхъ изъ русскаго быта, и имя судьи,—„Шемяка"...

Общая масса переходившихъ къ намъ съ Запада въ XVI—XVII вв. свѣтскихъ переводныхъ произведеній не представляла собой ничего, кромѣ легкаго, пріятнаго чтенія, нерѣдко даже слишкомъ легкаго; но они находили большой и охотный кругъ читателей. Свѣтское содержаніе переводной беллетристики представляло особый интересъ для нашихъ читателей,—сравнительно съ строго духовнымъ, нерѣдко прямо аскетическимъ содержаніемъ почти безразраздѣльно господствовавшимъ до того времени въ нашей литературѣ.

„Главное, чѣмъ рыцарскіе романы и другія переводныя исторіи пріобрѣли значеніе въ то время, замѣчаетъ Пыпинъ, было то, что они возбуждали и поддерживали охоту къ легкому и пріятному чтенію,—отсюда названіе ихъ „потѣшныя книги",—оттого они нерѣдко представлялись „въ лицахъ" или „въ личныхъ фигурахъ", съ которыми уцѣлѣли до сихъ въ лубочныхъ изданіяхъ"... Отсюда—и ихъ общее литературное значеніе...

Переходившая къ намъ западно-европейская литература, свѣтскаго характера своимъ содержаніемъ замѣтно вліяетъ на измѣненіе характера и направленія и нашей собственной, оригинальной литературы. Западные переводы быстро способствуютъ разширенію литературныхъ рамокъ, разнообразію

и обогащенію литературнаго содержанія,—общему развитію и росту нашей литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—переходившая къ намъ западно-европейская свѣтская литература своимъ содержаніемъ оказываетъ могущественное вліяніе на развитіе собственной, самостоятельной свѣтской повѣсти. За весь предшествовавшій періодъ русской литературы, интересы чтенія были исключительно моральные, религіозные. Окружающая дѣйствительность игнорировалась: литература трактовала исключительно о вопросахъ духовнаго спасенія... Теперь, въ XVI—XVII вв., при наплывѣ въ нашу письменность свѣтскихъ иноземныхъ произведеній, шутливаго, а нерѣдко и скабрезнаго содержанія,—задачи и цѣли литературы упращиваются: она какъ-бы понижается въ глазахъ читателей, пріобрѣтаетъ болѣе обыденный, реальный характеръ, какъ бы болѣе земное направленіе. Переходъ отъ отвлеченныхъ, исключительно духовныхъ интересовъ къ реальнымъ вопросамъ жизни и дѣйствительности—теперь сталъ легче... Въ литературѣ возникаютъ первые опыты самостоятельной шутливой повѣсти, сатирическаго и юмористическаго разсказа, первыя попытки частью шутливаго, частью критическаго отношенія къ дѣйствительности.... Для общества какъ-бы наступаетъ время разсужденія, критическаго наблюденія надъ тѣмъ, чѣмъ оно живетъ, что̀ его окружаетъ; фантазія начинаетъ почерпать свои образы изъ живаго наблюденія надъ дѣйствительной жизнью. Подъ вліяніемъ переводныхъ образцовъ, въ московской литературѣ XVI—XVII вв.—уже довольно значительные размѣры пріобрѣтаетъ литература повѣствовательная оригильная,—оригинальная свѣтская повѣсть, разсказъ...

Дѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ этомъ отдѣлѣ нашей литературы XVI—XVII вв.

Какъ и вся наша литература древняго періода, древне-

русская повѣсть очень долгое время сохраняла характеръ строго духовный, церковный. Это—скорѣе легенда, отчасти „житіе“... Съ областью житій повѣсть особенно долго сохраняетъ непосредственную связь. Нѣкоторыя повѣсти XV—XVI вв. трудно отличить отъ „житій“. Таковы напр. смоленская *Легенда о Меркуріи*,—*Повѣсть о Юліаніи Милостивой*,—*Повѣсть о Петрѣ царевичѣ и супругѣ его Февроніи*,—*Сказаніе о явленіи унженскаго креста* и др. пп. Такъ въ *Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ* русскій читатель вноситъ свой колоритъ: мудрецъ алевитской и азорской земли и ближайшіе къ нему лица, герои „Тысячи и одной ночи“—получаютъ въ русскомъ пересказѣ характеръ „угодниковъ божіихъ“... Господствующій тонъ литературы такъ силенъ, что ему не можетъ не подчиниться и заносный, иностранный сюжетъ... „И призрѣлъ Господь Акира на смиреніе—излагаетъ русскій пересказчикъ—и сослалъ два ангела мирно глаголюща: Акиръ, угодниче божій, не будетъ у тебя ни единаго дѣтища“ и т. д. Повѣсть, слѣдуя общему литературному потоку, почти превращается въ легенду...

Русская повѣсть XVI—XVII вв. на первыхъ порахъ вращается въ области или чисто исторической или житійной. Вообще, наша повѣсть и въ XVII в. нерѣдко еще тѣсно связана съ старой полу-церковной, полу-легендарной повѣствовательной литературой, перѣдко вращается или въ кругу тѣхъ же темъ и сюжетовъ или—если и затрогиваетъ новыя—обрабатываетъ ихъ по старому, въ прежнемъ церковномъ стилѣ,—сохраняетъ вообще самыя тѣсныя и непосредственныя связи съ содержаніемъ болѣе ранней легендарной литературы древней Руси, особенно апокрифической. Таковы напр. *Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи*,—*Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ*, *Сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ, о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ*, написанная въ чисто апокалипсическомъ тонѣ,—сходная съ ней *Повѣсть о происхожденіи виннаго питія*, *Повѣсть о высокоумномъ хмѣлѣ*,

наконецъ, знаменитая *Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ*... Послѣдняя не лишена широкой общечеловѣческой, философской основы. По мнѣнію изслѣдователя,—„двѣ различныхъ струи сошлись, не помирившись, въ демоническомъ образѣ Горя. Съ одной стороны народныя фаталистическія представленія о лихой долѣ, прирожденной, навязанной человѣку, непокидающей его до могилы, неизбѣжной какъ рокъ. Онѣ дали народныя краски изображенію Горя... Эти народныя черты служатъ въ повѣсти къ характеристикѣ существенно другого образа,—демона христіанско-библейской легенды, древняго искусителя, нападающаго на человѣка, когда онъ, преступивъ заповѣдь, открывается вліянію грѣха"... Основной идеей и своими отдѣльными сторонами повѣсть сближается съ самыми различными произведеніями древне-русской письменности. Внѣшняя завязка повѣсти—наставленія родителей къ непокорному сыну—связываетъ повѣсть съ обширнымъ цикломъ древне-русскихъ „наставленій отъ отца къ сыну"; наставленія родителей напоминаютъ поученія Акира и русскія передѣлки этого памятника; ближайшее слѣдствіе неповиновенія родителямъ—пьянство, разгулъ молодца—связываетъ повѣсть съ особымъ обширнымъ отдѣломъ древне-русской письменности, съ многочисленными „словами" и „поученіями" противъ „злого запойства", отчасти—съ такими произведеніями, какъ Домострой и т. д. и т. д. Самый образъ Горя-злой доли вводитъ повѣсть въ циклъ чисто народныхъ пѣсенъ о злой долѣ, съ одной стороны, и въ область средне-вѣковой эсхатологіи и демонологіи, съ другой; повѣсть сближается здѣсь съ такими памятниками, какъ *Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи Христовѣ*, *Мытарства Ѳеодоры*, *Слово Василія Великаго о прельщенномъ отроцѣ*, *Повѣсть о Тязіотѣ, воскрешемъ изъ мертвыхъ*, *Повѣсть о бодрости человѣческой* или *Преніе живота съ смертью*,—наконецъ съ областью древне русскихъ *Синодиковъ*, и т. д. и т. д.

Особый циклъ древне-русскихъ повѣстей вращается на почвѣ старой демонологіи,—при чемъ главное дѣйствующее лицо, „врагъ рода человѣческаго“, „бѣсъ“ къ XVII в. теряетъ свой прежній, страшный характеръ, — пріобрѣтаетъ черты бытовой, житейской обстановки, не столько устрашаетъ, „соблазняетъ“ и „строитъ козни“, сколько забавляетъ, попадается самъ въ затруднительныя обстоятельства, дѣлается предметомъ насмѣшки. Съ такимъ характеромъ является отчасти уже кривой бѣсъ Палеи, обманутый при дѣлежѣ Соломономъ,—купцый бѣсъ русскихъ и малорусскихъ разсказовъ; окончательно съ такимъ характеромъ выступаетъ бѣсъ въ *житіи Иларіона Суздальскаго*, конца XVII в., и въ др пп.

Скоро шутка, сатира переходитъ и на другія темы. Таковы *Повѣсть о бражникѣ*, *Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи* и др. пп. Для характеристики измѣнившихся воззрѣній, для характеристики нашего XIV—XV в. и XVII-го, особено любопытно сравнить древнерусскія сказанія эсхатологическаго характера, группирующіяся напр. около Посланія нов. арх. Василія „о раѣ“—съ названной сейчась „Повѣстью о бражникѣ“...

На почву стараго церковнаго повѣствованія довольно рано прокрадывается и пародія. Прежнія священныя темы, старые сюжеты дѣлаются предметомъ шутки, сатиры. Образцы этого рода имѣлись и въ переводной литературѣ; напр. *Сказаніе о блаженномъ Гроздіи и о осужденіи его*,—„пародія или на судопроизводство или на мученическое житіе“... Особенное значеніе въ этомъ отношеніи, нужно думать, имѣли различныя „смѣхотворныя“ повѣсти, „фацеціи“, переходившія къ намъ съ запада въ XVII в. „Эти разсказы могли приниматься охотно, потому что ихъ смѣхъ и сатира, не затрогивая глубокихъ вопросовъ, скользили на поверхности явленій, подлежащей практической жизненной оцѣнкѣ, такимъ нехитрымъ опредѣленіемъ, какъ умѣлость или неудачливость, ловкость

или тупость и т. п. Эти разсказы отвѣчали потребностямъ народнаго юмора, нерѣдко находившаго въ нихъ вновь свои собственные сюжеты, и не перечили установившимся нравственнымъ воззрѣніямъ, только замѣняя ихъ серьезный тонъ— тономъ шутки"...

Ранѣе другихъ особенно быстро возникаетъ здѣсь группа повѣствованій о мудрыхъ женахъ, „мудрыхъ", т. е. хитрыхъ, изворотливыхъ, — нерѣдко напоминавшія старыя темы „о женахъ злыхъ и злоязычныхъ и коварныхъ"... Таковы повѣсти *о женѣ, научившей медвѣдя грамотѣ*, — *о женѣ перелукавившей своего мужа*, — *о женѣ, обманувшей дьявола*,— *о томъ, какъ жена мужа поминала*, и т. п.

Къ области нашей свѣтской сатирической повѣсти XVI—XVII вѣковъ, отчасти еще связанной съ литературою переводной и областью литературы странствующихъ разказовъ, отчасти чисто русскаго происхожденія,—примыкаютъ далѣе такія произведенія нашей литературы этого времени, какъ—

Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лещъ съ ершомъ о Ростовскомъ озерѣ и о рѣкахъ, или *Повѣсть сказуемаго Ерша Ершова, сына Щетинника и ябедника*,—

Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался волкъ съ лисицею,—

Челобитная монаховъ Калязина монастыря тверскому архіерею на архимандрита того монастыря [упоминаемый въ челобитной тверской архіепископъ Симеонъ былъ тверскимъ архіереемъ съ 1676 по 1682 гг.; около этого же времени управлялъ Калязинымъ монастыремъ и архимандритъ Гавріилъ],—

Списокъ съ челобитной (нач.: „Господину моему судьѣ-свиньѣ бьетъ челомъ и плачетца и за печь прячетца"...),—

Челобитная боярамъ,—

Роспись о приданномъ (нач.: „Въ началѣ восимь дворовъ крестьянскихъ, промежь лебеда, на старой Резани, не доѣзжая Казани" и т. д.),—

Повѣсть о попѣ Савѣ, о великой ево славѣ (нач.: „Послушайте, міряне и всѣ православныя христіане, что учинилось, великое чудо совершилось надъ глупымъ попомъ“...); за „повѣстью“ слѣдуютъ *Тропарь попа Савы гласъ 6*, далѣе *Сонъ попа Савы, большія славы*, и *Кондакъ попа Савы*,—

Сказаніе, какъ волка грамотѣ учили (нач.: „Ты волку молвишь: азъ да буки; а волкъ: козы да бараны“...),—

Какъ баба діавола обманула (нач.: „Баба нѣкая вдова, въ горѣ жила)“,—

Повѣсть о курѣ и о прекрасной лисицѣ (нач.: „Жилъ человѣкъ нѣки, жилъ долги вѣки“...),—

Слово о бражникѣ, како внидѣ въ рай,—

Повѣсть о Еремѣ съ Ѳомой и др п.п.

Замѣчательное собраніе всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ произведеній представляетъ одна изъ рукописей бывш. б-ки акад. Буслаева, нынѣ И. Пуб. Б-ки, перв. четв. XVIII вѣка (№ 92).

Начавшая развиваться въ московской литературѣ XVI—XVII вѣковъ свѣтская оригинальная повѣсть въ своемъ содержаніи получаетъ около этого времени значительное подкрѣпленіе между прочимъ съ двухъ сторонъ,—со стороны старыхъ апокрифовъ, занимавшихъ такое выдающееся мѣсто во всей нашей древней письменности, и со стороны стоявшей до сихъ поръ совершенно изолированно отъ книжной литературы устной безыскуственной народной поэзіи. Старые апокрифы въ московской литературѣ XVI—XVII вѣковъ, забывая о своемъ прежнемъ, строго церковномъ характерѣ, нерѣдко превращаются въ народный разказъ, шутливую повѣсть, сказку... Таковы читаемыя въ рукописяхъ этого времени слѣдующія „сказанія“ и „повѣсти“:

Сказаніе о потопѣ и о Ноевѣ ковчегѣ и о столповѣ сотвореніи по потопѣ,—

Сказаніе вкратцѣ о Давидѣ пророцѣ, како царствова во Іерусалимѣ и отъ коего роду бысть, —

О премудрости Соломона и о прелюбодѣяніи жены его, како изведеся отъ Соломона къ Кипрскому царю, —

Повѣсть о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ и о ихъ премудрости,—

Повѣсть царя Давида и сына его Соломона,—

Сказаніе о царѣ Агеѣ,—

Царя Соломона, о плазивихъ женахъ и нѣкр. др.

Одновременно съ этимъ, какъ сейчасъ замѣчено, фактическое содержаніе возникающей повѣсти обогащается притокомъ произведеній устной безыскусственной поэзіи. Въ XVII в. мы видимъ уже довольно замѣтное взаимное вліяніе и взаимодѣйствіе между произведеніями книжной литературы и областью устнаго народнаго творчества. Книжная литература и теперь, какъ прежде, даетъ главную, преобладающую пищу народному творчеству; но теперь—и послѣднее начинаетъ, въ свою очередь, вліять на первую.... Въ повѣствовательную книжкую литературу входитъ струя устной народной поэзіи, — произведенія устнаго народнаго творчества начинаютъ проникать въ книжную литературу, сюжеты народной поэзіи дѣлаются сюжетами книжныхъ произведеній, перелагаются въ повѣствовательную форму, варіируются и записываются или цѣликомъ или передѣлываются, даютъ сюжеты для силлабическихъ виршей, въ книжную литературу входитъ масса народныхъ пословицъ, поговорокъ, различныхъ полу-книжныхъ, полу-народныхъ притчъ и т. д. и т. д. Нѣсколько драгоцѣнныхъ подобныхъ произведеній нашей книжной литературы XVI, XVII—нач. XVIII вв., отчасти еще неизданныхъ, имѣется въ упомянутомъ собраніи Буслаева, поступившемъ въ И. Пуб. Б-ку; отмѣтимъ *Былину о Ставрѣ Годиновичѣ, Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ, Сказаніе о седми русскихъ богатыряхъ* и др. пп.

IV.

14 мая 1649 года „указалъ государь царь и в. кн. Алексѣй Михайловичъ всея Русіи послати свою государеву грамоту въ Кіевъ къ митрополиту Сильвестру Коссову, чтобъ онъ, митрополитъ, ему, великому государю, послужилъ и его царскаго жалованья себѣ поискалъ, и учителей, божественнаго писанія вѣдущихъ и эллинскому языку навычныхъ, священника Арсенія да Дамаскина Птицкаго, прислалъ къ нему, великому государю, къ Москвѣ, для справки Библіи греческіе на словенскую рѣчь, на время. И по тому государеву указу, его государева грамота къ кіевскому митрополиту къ Сильвестру Коссову о томъ послана, и іюня въ 20 день писалъ къ государю царю и в. кн. Алексѣю Михайловичу кіев. митр. Сильвестръ Коссовъ—и прислалъ съ кіевскимъ старцемъ Ѳеодосіемъ учителей кіевскихъ, старцевъ Арсенія да Епифанія“... Присланные старцы были Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій. Приведенная грамота открываетъ передъ нами рядъ ближайшихъ, непосредственныхъ сношеній и вліяній юго-западной Руси на Московское Государство къ концу первой пол. XVII в.—въ сферѣ литературы и образованія.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ этихъ сношеній и вліяній, мы должны сдѣлать значительное отступленіе и остановиться на предварительной исторіи образованія и литературы въ юго-западной Руси въ концѣ XVI—пол. XVII вв.

---

28 іюня 1569 года, въ Люблинѣ, на общемъ сеймѣ, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ и короля Сигизмунда Августа, могущественнѣйшій представитель Литвы, Юрій Ходкевичъ, староста жмудскій, во главѣ другихъ литовско-рус-

скихъ депутатовъ, прибывшихъ на сеймъ, отъ имени всего литовско-русскаго народа говорилъ польскому государю: „Свѣтлѣйшій, милостивѣйшій король! Мы пришли сюда къ вашему величеству, чтобы покончить это дѣло (дѣло политическаго объединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей). Мы соглашаемся на него, но съ великою болью и стѣсненіемъ сердца,—по приказу вашей королевской милости, повинуясь волѣ вашей. Какъ все это намъ больно, невозможно выразить того словами... Вѣдь мы обязаны нашему отечеству, какъ вѣрные сыны его, заботиться о его благѣ, на сколько есть у насъ силъ... Призываемъ во свидѣтели ваше королевское величество и все настоящее собраніе: отечество свое мы защищали здѣсь столько, сколько могли! Мы не въ силахъ довершить этой защиты, и пусть это будетъ приписано препятствіямъ, судьбѣ, временамъ... Мы должны уступить, и мы уступаемъ, ввѣряя наше дѣло милости вашего величества, какъ исполнителю законовъ и общему нашему государю... Благоволите, ваша королевская милость, такъ привести къ концу это дѣло, чтобы оно не было соединено съ нашею неволею или посрамленіемъ нашимъ или нашихъ потомковъ... Не допустите, ваше величество, посрамить насъ. Путь этотъ актъ совершится такъ, чтобы на насъ не было ни одного пятна! Будьте сами, ваше величество, стражемъ и умирителемъ совершаемаго дѣла!.. Было бы очень больно намъ или внукамъ нашимъ, если бы пришлось вспоминать о сегодняшнихъ событіяхъ съ сожалѣніемъ, вмѣсто радости, или обвинять насъ, что мы не видѣли своей неволи... Мы уже доведены до того, что должны броситься съ униженной просьбой къ ногамъ вашей королевской милости („тутъ, замѣчаетъ современный актъ, всѣ съ плачемъ пали на колѣни")!.. Умоляемъ васъ, ради самого Бога, благоволите припомнить нашу службу, нашу вѣрность, кровь нашу, которую мы для твоей царской славы проливали! Благоволи такъ устроить насъ, чтобы это было для всѣхъ съ честію, а не съ униженіемъ,—съ со-

храненіемъ добраго имени нашего и твоей царской совѣсти"!.. Недаромъ литовскіе депутаты на колѣняхъ взывали о милости къ польскому королю, не даромъ они соглашались на унію „съ великою болью и стѣсненіемъ сердца": совершившееся черезъ два дня послѣ этого событіе—люблинская унія 1569 года — надолго самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнила судьбы литовско-русскаго края. Юго-западная Русь, составлявшая дотолѣ самостоятельное Великое Княжество Литовское — съ этого момента была непосредственно присоединена къ Польшѣ.

Находясь подъ литовскими князьями, край этотъ по крайней мѣрѣ не утрачивалъ своей народности. Его языкъ былъ языкомъ государственнымъ, языкомъ княжескаго дома, языкомъ законодательства и управленія. Почти всѣ государственные акты и грамоты Великаго Княжества Литовскаго писались по русски; на русскомъ же языкѣ изданы были *Судебникъ* Казимира и *Литовскій Статутъ*. Въ „Статутѣ", даже прямо узаконялось: „Писарь земскій маетъ по русски, литерами и словы русскими, вси листы, выписы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы"... Но что еще важнѣе, уже съ XIV вѣка, русскій языкъ въ самой Литвѣ начиналъ дѣлаться языкомъ простонароднымъ, языкомъ всего литовскаго народонаселенія, какъ православнаго, такъ и католическаго. Андрей Василло, первый католическій епископъ въ Вильнѣ, вынужденъ былъ сознаться, что въ Литвѣ, и по введеніи въ ней католичества, продолжаетъ господствовать русскій языкъ и русская грамота; въ своемъ латинскомъ завѣщаніи онъ и самъ приводитъ нѣсколько русскихъ словъ, замѣчая, что это слова простонародныя... Литовско-русскій край продолжалъ оставаться политически назависимымъ отъ Польши: онъ имѣлъ отдѣльную территорію, особые органы законодательной, судебной и административной власти. Унія 1386 года имѣла значеніе лишь политическаго союза, какъ и понималась въ оффиціальныхъ актахъ XIV—XV вв. Русское населеніе,

представляя болѣе девяти десятыхъ всего количества народонаселенія, оставалось—и могло оставаться—православнымъ. Мало того; православное населеніе, какъ господствовашее по численности, начинало уже оказывать замѣтное вліяніе на населеніе литовское, въ собственной Литвѣ. Помимо языка, вліяніе это начинало сказываться и съ сферѣ религіозной. Въ литовской столицѣ, въ Вильнѣ, уже въ XV вѣкѣ половина жителей были православными. Православіе начинали исповѣдывать здѣсь не только въ низшей массѣ, гдѣ оно больше всего распространялось, но и въ высшихъ слояхъ, въ средѣ литовскихъ вельможъ и князей. Въ XIV—XV вв. сами литовскіе великіе князья нерѣдко переходили въ православіе. Вмѣстѣ съ этимъ, вліяніе проникало и другими путями. Весь общественный бытъ Литвы постепенно все болѣе и болѣе складывался подъ вліяніемъ русскимъ. Особенно этому способствовали весьма нерѣдкіе случаи родства литовскихъ князей съ русскимъ великокняжескимъ домомъ: этимъ путемъ русскіе вносили въ литовское общество свои общественныя понятія, нравы, обычаи. Литовцы учились у русскихъ военному искусству, умѣнью строить и защищать крѣпости, русскіе часто занимали у нихъ высшія общественныя должности, нерѣдко были правителями цѣлыхъ областей, и т. д. и т. д.

Уже Ягелло, актомъ соединенія Литвы и Польши, въ 1386 году, нанесъ сильный ударъ распространенію и упроченію русской народности въ Литвѣ; теперь, съ момента люблинской уніи 1569 года,—началось окончательное порабощеніе русскаго, православнаго, населенія польскимъ, католическимъ.

Господствуя оффиціально, Польша начинаетъ теперь открыто стремиться къ подавленію и уничтоженію въ присоединенномъ краѣ національной и религіозной самостоятельности. Поляки наводнили теперь Литву „якъ чорна хмара",—по выраженію одной малорусской пѣсни; они чувствовали себя полными хозяевами, и дѣйствительно были ими. Литовскія долж-

ности быстро очутились въ рукахъ поляковъ. Въ силу договора, поляки могли имѣть теперь въ Литвѣ поземельную собственность, и не замедлили воспользоваться своимъ правомъ, явившись вскорѣ владѣтелями цѣлыхъ литовско-русскихъ областей. Имъ даже могло принадлежать право „патронатства" надъ мѣстными православными храмами и монастырями. Юго-западная Русь и Литва должны были теперь составлять съ Польшей одно государство,—имѣть одинъ сенатъ, одни финансы, одно войско. Сеймы стали смѣшанными, и чаще стали бывать въ Польшѣ. Представители Литвы смѣшались съ представителями Польши. Два различныхъ народа, различныхъ по языку, вѣрѣ общественному строю, обычаямъ и симпатіямъ,—теперь, въ силу искусственно придуманныхъ обязательствъ, должны были превратиться въ одинъ народъ, нераздѣльный и единный. При этомъ само собою подразумѣвалось, что юридическая равноправность обоихъ государствъ должна быть фактической гегемоніей Польши...

Перевѣсъ, впрочемъ, долженъ былъ склониться и самъ собою на сторону болѣе культурную. Болѣе образованная, болѣе близкая къ западной Европѣ Польша не могла не охватить Литовскую Русь своимъ вліяніемъ. Послѣднее шло преимущественно черезъ высшіе слои, а за ними тянулось и среднее дворянство, быстро начавшее превращаться въ польскую шляхту. Превращеніе часто дѣлалось само собой: мелкое западно-русское дворянство, въ силу договора, уравнивалось съ польской шляхтой,—у этой шляхты ему приходилось теперь учиться своимъ новымъ правамъ, и тѣмъ самымъ незамѣтно для себя сближаться и сродняться съ новыми, польско-католическими, обычаями и нравами. Рядомъ съ всемогущей силою культуры, образованія, шло и подкупающее вліяніе простой внѣшности. „Русское дворянство изъ потребности просвѣщенія всѣми силами стало стараться быть похожимъ на польское. „Ляхъ" для русскаго сталъ существомъ высшимъ. Богатые паны, литовскіе и русскіе, завели у себя при дворахъ

цѣлые притоны для поляковъ-цивилизаторовъ... Въ домашней жизни, въ пріемахъ обращенія, въ нравахъ—все, составлявшее признаки русской старины, стало по теперешнимъ понятіямъ признакомъ грубости и невѣжества; все польское и западное—служило вывѣской образованности и хорошаго тона"... Вліяніе сказывалось, говоря характернымъ языкомъ Іоанна Вышенскаго,—„во многыхъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ чорныхъ и шарыхъ, чирвоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ склявицахъ и келпшковъ и винахъ мушкателахъ, малмазыяхъ, алякантахъ, ревулахъ, медахъ и пивахъ розмаитыхъ,—въ барилахъ зъ медами, барилкахъ зъ винами, шкатулахъ зъ фляшами, наполненными виномъ, малмазыею, зъ горѣлкою горкою дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ, валахахъ, дрыкгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ,—колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ...—въ обиліи слугъ"... Старинныя русскія однорядки казались теперь безобразными, и быстро замѣнялись вычурными польскими нарядами, старинныя помѣщенія русскихъ пановъ также сдѣлались неудобными—ихъ стали замѣнять пышные палаццы, построенные и убранные во всевозможныхъ вкусахъ Польши и западной Европы"...

Вмѣстѣ съ вліяніемъ бытовымъ, шло вліяніе въ сферахъ нравственной и умственной. Половина и конецъ XVI вѣка было временемъ перелома въ умственной жизни Польши. Это было время,—когда „всѣ реформаторы, всѣ новаторы, преслѣдуемые за вольнодумство, религіозное или политическое, бѣжали въ Польшу и находили здѣсь себѣ спокойное пристанище и послѣдователей. Въ ничтожнѣйшихъ селеніяхъ и деревушкахъ основывались типографіи, которыя отпечатывали и пускали въ обращеніе несмѣтное количество книгъ и брошюръ, политическихъ, богословскихъ, научныхъ, полемическихъ"... Польша тянула къ западу и стремилась впитать въ себя и переработать по своему образованность романскихъ и нѣмецкихъ народовъ. Связанная политически съ Поль-

шей въ одно неразрывное цѣлое, Русь, въ лицѣ своего высшаго класса, должна была идти невольно за Польшей". Вліяніе польской образованности на литовско-русскую аристократію особенно облегчалось развившимся къ этому времени обычаемъ поѣздокъ молодыхъ людей въ западно-европейскія страны и долгаго пребыванія ихъ въ западно-европейскихъ университетахъ. Вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что и дома, за отсутствіемъ собственныхъ средствъ къ образованію, приходилось или отдавать дѣтей въ іезуитскія польскія училища или держать домашнихъ учителей, также въ большинствѣ случаевъ поляковъ или іезуитовъ. Вмѣстѣ съ польскимъ и вообще иностраннымъ воспитаніемъ невольно являлась привязанность ко всему польскому, иностранному, и отчужденіе отъ своего роднаго, русскаго. Молодые литовско-русскіе аристократы, воспитанные поляками и іезуитами, долго странствовавшіе потомъ по западнымъ университетамъ, невольно разучивались въ своемъ родномъ языкѣ, дѣлались равнодушными къ родной вѣрѣ,—на все начинали глядѣть глазами своихъ воспитателей, во всемъ, что являлось особенностями русской жизни, начинали видѣть противоположность просвѣщенію, нѣчто такое, чего нужно не только избѣгать, но и стыдиться... „Очистите церковь отъ всякихъ прелестей и забобоновъ еретическихъ,—безъ цестроты, въ простотѣ сердца, Бога хвалѣте; латинскій смрадъ пѣсней изъ церкви иждените, простою нашею пѣснію русскою поюще Бога благодарѣте... Еретичество и невѣріе всякое отъ себе отвержѣте. Иконное поклоненіе съ учтивостю почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матере Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ конци трапезы вашея пригвоздѣте. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститись,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко креста Христова, славы своея соромѣются. И не толко въ церкви, але

и на трапезу сѣдаючи крестомъ знаменайте. Если бы и латина или еретики быти съ тобою ся прилучили, не соромѣйтеся... Иноческаго чину не поруговайте...; нынѣ вы помудрѣли, Бога отгнали и благочестіе стратили, и зъ иноческаго чина ся смѣете, и духомъ проклятаго дьявола хулите"—укоряетъ современниковъ Вышенскій. „Поеретичѣхомъ вси обиталници Малой Россіи, жалуется онъ,—отъ Бога устранихомся далече, къ невѣрію и зло житіе припрягше... Русине! бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ—съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси, раздѣлился на папежника, евангелиста, нововыкрещенца... Отъ главы и до ногъ острупѣли есте,—отъ начальникъ, отъ священникъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмраднѣли есте гноемъ міролюбія, образъ Божій огноили есте, нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнилство, все огнь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство"... Правда, Іоаннъ Вышенскій былъ слишкомъ суровый обличитель; но самая крайность обличеній, рѣзкость ихъ тона, не можетъ не свидѣтельствовать о силѣ новыхъ иноземныхъ вліяній въ средѣ западно-русскаго православнаго общества.

Всеохватившее вліяніе польской культуры особенно скоро сказалось на языкѣ. Русскій языкъ сталъ или замѣняться польскимъ или ощущалъ на себѣ со стороны послѣдняго столь сильное вліяніе, что дѣлался неузнаваемымъ. Въ концѣ XVI вѣка многіе русскіе Литовскаго Княжества по польски говорили и писали больше и охотнѣе, чѣмъ по русски. Въ частной перепискѣ чаще всего употребляли польскій языкъ, хотя нерѣдко польскія слова писали русской азбукой. Присланную отъ Курбскаго въ славянскомъ переводѣ бесѣду Іоанна Златоуста кн. Острожскій считаетъ—„лѣпшаго ради выразумѣнія"—необходимымъ перевести на польскій языкъ. Во

времена Курбскаго въ Литовской Руси повидимому легче можно было найти человѣка, знающаго греческій или латинскій языкъ, чѣмъ знающаго языкъ славянскій; по крайней мѣрѣ, такое мнѣніе выражаетъ самъ Курбскій. Въ одномъ памятникѣ конца XVI в. читаемъ: „Ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка,—вси человѣцы приложишася простому несъвершенному лядскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка“. На тоже жалуется Іоаннъ Вышенскій. „Славянскій языкъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ посланій, омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ... Славяно-русскій языкъ казался ничтожнымъ, бѣднымъ, въ сравненіи съ языкомъ польскимъ, и особенно латинскимъ, на которомъ писалась тогда вся научная литература. О литературѣ на славянскомъ языкѣ никто не говорилъ, да ее мало и знали... Писатели-католики указывали на бѣдность литературы на славянскомъ языкѣ, на плохое знаніе языка самими западно-русскими православными, и послѣдній упрекъ былъ не совсѣмъ не справедливъ. „Еще не было, писалъ въ своемъ сочиненіи *O jednosći kośćioła Bożego* Петръ Скарга,—на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ писаннаго на немъ? На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, да и быть не можетъ. Сами священники православные не понимаютъ теперь этого языка, и спрашиваютъ объясненій по польски. Благодаря славянскому языку, у православныхъ нѣтъ другихъ школъ, кромѣ самыхъ элементарныхъ, для обученія чтенію. Этимъ и ограничивается вся ихъ наука. Отсюда—общее невѣжество и заблужденія. Да и естественно: съ славянскимъ языкомъ выходитъ—слѣ-

пецъ слѣпца водитъ"... Въ виду этихъ нападковъ, вопросъ о славянскомъ языкѣ волновалъ многихъ и былъ предметомъ оживленной полемики. Западно-русскимъ православнымъ приходилось серьезно говорить о правѣ и славянскаго языка на существованіе, о его важности и необходимости. „Книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте", пишетъ Іоаннъ Вышенскій. „Што нѣкоторіе наши на словенскій языкъ хулять и не любять,—да знаешъ запевно, яко того майстра (дьявола) дѣйствомъ и рычаніемъ, духа его поднявши, то творять. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій: понеже безъ поганскихъ хистростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ.., простымъ прилежнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ"... „Суть нѣцыи глаголюще, чесо ради словеньская письмена,—читаемъ въ *Сказаніи како состави св. Кириллъ Философъ азбуку славенску*, приложенномъ къ виленской грамматикѣ 1621 года—ни бо тѣхъ Богъ сътвори, ни ангелъ, ни суть законни, яго жидовская и елинская, иже отъ закона суть и пріятны Богомъ. И мнять таковіи, яко единемъ имъ сътвори Богъ письмена, и не вѣдятъ, что̀ глаголютъ окаяннiи, яко треми языки токмо Богъ повелѣ книгамъ быти, рѣша, яко же и въ евангеліи глаголется, иже бѣ титла написана на крестѣ Господни—еврейски и гречески и латински, а славеньски нѣсть ту; и того ради глаголютъ, не суть славеньскіи книги отъ Бога. Но что възъглаголемъ о тацѣмъ безумнымъ? обаче да речемъ къ нимъ отъ святого писанія, якоже научихомся, яко вся взможна суть отъ Бога, а не отъ инаго и ино, якоже и псалмистъ глаголетъ: Хвалѣте Господа вси языци, и похвалите его вси людіе, а не едиными треми письмены и языки, якоже они баснословятъ. Не сотвори Богъ жи-

довска языка прежде, ни еллинска, ни римска, но сиръскій, имъ же Адамъ глагола"... Другой современникъ, посвящая князю изданную имъ книгу и обращаясь къ нему, доказываетъ съ еще бо́льшей подробностью силу и важность славянскаго языка: „Есть заправды и то межи иншыми, непосполитая, ижъ ваша княж. милость прирожоный свой славенскій діалектъ або языкъ любишъ и выславуешъ, и силу его разумѣючи, радъ книги того діалекту читаешъ, и многихъ до читаня и коханья ся въ немъ побужати рачишъ. И слушне: маетъ бо вѣмъ языкъ славенскій таковую въ собѣ силу и зацность, же языку грецкому якобы природне съгласуетъ, и власности его съчиняется: и въ перекладъ свой приличне, и не яко природне онъ беретъ и пріймуетъ, въ подобныи спадки склоненій и съчиненія падаючи; венцъ, и найзвязнѣйшее сложное грецкое слово, подобнымъ такъже звязнымъ и сложнымъ по славенску выложити есть можно, чого иншимъ жаднымъ, а нѣ латинскимъ недоказати языкомъ: чого доводомъ есть, же латинскіи переводники таковыи слова, обширне зъ околичностями на свой прикладаютъ языкъ, многими околичностями ширити мусятъ. Отколь безпечнѣйшая есть рѣчъ и увѣреннѣйшая—философію и өеологію славенскимъ языкомъ писати изъ грецкого переводити, нежли латинскимъ: который оскудный есть, же такъ реку до трудныхъ, высокихъ и богословныхъ рѣчій недоволный: для того жь въ книгахъ латинскихъ барзо много словъ ся грецкихъ находитъ, и гдыбысмо зъ книгъ языка латинского хотѣли всѣ грецкіи выбрати слова, сталъ бы ся якъ единъ отъ иныхъ. И не дармо славный и мудрый вѣковъ нашыхъ политикъ и историкъ глубокій, въ книзѣ подъ именемъ Мачузского выданой, языкъ латинскій до ученой конскои едноходы, а грецкій до прироженой ровнаетъ. Зъ вѣку заисте той славенскій языкъ есть знаменитъ, которого Іафетъ и его поколѣнье уживало: широко и далеко ся ростягалъ и славный былъ: для чого

отъ славы славенскимъ назваиый есть: зажъ бо вѣмъ не славный есть, гды отъ заходу Бѣлого моря и венецкихъ и рымскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня з Греціею въ сусѣдствѣ и въ братерствѣ живетъ; на всходъ зась солнца надъ Чорнымъ моремъ до Персіи притягаетъ, а у Ледоватого моря ся опираетъ на полночь з нѣмцами, и которыи учасноцтво зъ ними маютъ, отпирается. Не погоржали тымъ языкомъ славенскимъ и царскіи и кролевскіи дворы, мѣлъ запсте у нихъ свою знаменитую повагу. Припомню домовыи прпклады. Меховита, историкъ польскихъ дѣевъ, пишетъ, ижъ кролевая Ядвига чптовала Библію славенскую, и до вырозумѣнья ей мѣла выклады отцевъ святыхъ славенскимъ языкомъ, который зъ Бибдіею читала. Другій прпкладъ: за Казимира кроля въ Краковѣ друковано по славенску книги вѣры и набоженства такого, яковое мы по сіи дни ведлугъ чину церкве Всходней заховуемо" [„Посвят. предмова" Захарія Копыстенскаго, къ Бесѣдамъ І. Златоуста, Кіевъ, 1623]...

Самымъ роковымъ образомъ вліяніе люблинской уніи сказалось въ сферѣ религіозной. Политическая унія въ Люблинѣ привела къ религіозной уніи въ Брестѣ (1596) Съ внѣшней, фактической стороны актъ люблинскаго „единенія" поставилъ православную церковь въ ново-объединенномъ государствѣ въ крайне ложное положеніе: актъ этотъ, окончательно передавая польско-литовскимъ королямъ-католикамъ право патронатства надъ западно-русскою церковью, тѣмъ самымъ давалъ имъ въ руки могущественнѣйшее средство для быстраго внутренняго ея обезсиленія; съ другой стороны—и это самое главное—унія открыла въ Литву широкую дорогу іезуитамъ, которыхъ польское правительство пригласило сюда въ томъ же 1569 году, спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ люблинскаго акта, и борьба съ которыми для мѣстной православной церкви была тѣмъ труднѣе, что она

какъ разъ передъ этимъ понесла сильныя потери отъ нахлынувшаго протестантства...

Уже со времени объединенія въ 1386 году, а теперь, послѣ 1569 года, несравненно въ еще бо́льшей степени,—литовско-русское православіе, господствующее de jure, de facto являлось вѣроисповѣданіемъ лишь терпимымъ. Польское правительство продолжало и теперь, какъ прежде, дѣйствовать въ отношеніи къ нему крайне двулично. И послѣ люблинской уніи польскіе короли очень хорошо видѣли, что ихъ Великое Княжество Литовское не столько собственно литовское, сколько русское, что русское населеніе въ немъ господствующее, что населеніе это предано своей исконной вѣрѣ, православію, что языкъ княжества въ массѣ—языкъ русскій, что и въ высшихъ слояхъ общества—при всѣхъ успѣхахъ здѣсь полонизаціи—есть еще много знатныхъ русскихъ фамилій, владѣющихъ громадными поземельными имуществами, еще свѣжо чувствующіе свою кровную связь съ Москвой, и представители которыхъ, въ случаѣ чего, легко могутъ со всѣми своими владѣніями отойти къ великому князю Московскому, который, конечно, не откажетъ своимъ единовѣрцамъ въ покровительствѣ и защитѣ... Эти и подобныя соображенія заставляли польскихъ королей иногда относиться съ наружнымъ расположеніемъ къ православному населенію края. При вступленіи на престолъ, каждый король обыкновенно давалъ торжественныя клятвы сохранять всѣ „права и привиллегіи“ православныхъ; нерѣдко издавались подобныя постановленія и послѣ, во время правленія... Но то, что дѣлалось въ этомъ отношеніи одной рукой, тутъ же разрушалось другой. И личныя католическія симпатіи и болѣе отдаленныя политическія соображенія заставляли польско-литовскихъ правителей въ душѣ сочувствовать иному, и на дѣлѣ стараться проводить другую политику. Православіе въ Литовской Руси являлось если не единственнымъ, то самымъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію исконной цѣли Польши

въ отношеніи къ литовско-русскому краю—„ополяченію его посредствомъ католицизма“... Отсюда, рядомъ съ постоянными на бумагѣ заявленіями о совершенной полноправности православныхъ, шло систематическое подавленіе западно-русскаго православія на дѣлѣ. Рядомъ съ грамотами, благопріятными для православныхъ, тутъ же издавались постановленія, совершенно имъ враждебныя: то православные лишались права занимать высшія должности въ государствѣ, то имъ запрещали строить и даже возобновлять свои церкви, или же церкви эти прямо отнимались у нихъ и передались католикамъ, то ихъ лишали исконнаго права отправлять торжественно свои церковныя службы и праздники, то вдругъ самое вѣроисповѣданіе православное въ оффиціальныхъ бумагахъ являлось „схизмою“, а православныя церкви „синагогами“, или, наконецъ, православные подвергались прямымъ полицейскимъ преслѣдованіямъ и насиліямъ...

Практиковать въ отношеніи къ мѣстному православію свою двуличную политику польско-литовскимъ королямъ особенно легко было благодаря принадлежавшему имъ праву патронатства надъ западно-русскою церковью,—праву короля раздавать по своему усмотрѣнію мѣстныя православныя епископіи, монастыри и церкви.

Въ западно-русскихъ областяхъ прихожане издавна принимали значительное участіе въ дѣлахъ своего прихода. Избраніе, напр., епископа здѣсь издавна совершалось не такъ, какъ въ Москвѣ, не соборомъ окружныхъ епископовъ, при согласіи великаго князя, а королемъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и всѣмъ „людствомъ“ той епархіи, куда назначался епископъ. Мало по малу участіе міврянъ и духовенства стало стушевываться, и назначеніе епархіальнаго архіерея исключительно сосредоточилось въ рукахъ короля. Понятно, ка́къ должны были пользоваться такимъ важнымъ правомъ короли-католики. Духовныя мѣста стали считаться наградами за гражданскія или военныя заслуги. Интересы самой церкви

быля для королей совершенно чужды; напротивъ, заднія политическія соображенія должны были заставлять ихъ поступать въ такомъ случаѣ прямо во вредъ этимъ интересамъ. Злоупотребленія явились вопіющія. „Въ епископы и настоятели монастырей избираемы были бо́льшею частію лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій, не приготовленныя къ исполненію высокихъ іерархическихъ обязанностей. Ихъ привлекали богатыя церковныя имѣнія, пожалованныя епископіямъ и монастырямъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими лицами, для благоустройства церквей, для устройства школъ и богадѣленъ... Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ, шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшіе захватить въ свои руки церковныя имѣнья, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги—и получали п р а в о вступить въ управленіе епархіею по смерти престарѣлаго епископа. До посвященія въ епископскій санъ, они назывались „нареченными епископами“... Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія. Шляхтичъ, получившій отъ короля жалованную грамоту на епископію, могъ п е р е д а т ь с в о е п р а в о д р у г о м у лицу, получивъ за то достаточное вознагражденіе. Иногда право на епископію король предоставлялъ д в у м ъ л и ц а м ъ въ одно и то же время. Въ такомъ случаѣ споръ между „нареченными епископами“ обращался въ открытую войну. Они набирали толпу вооруженныхъ людей и силой овладѣвали епископскою резиденціею и церковными имѣніями, употребляя при этомъ пушки, гаковницы и другое огнестрѣльное оружіе... Нареченные епископы по нѣскольку лѣтъ управляли епархіями, оставаясь в ъ с в ѣ т с к о м ъ з в а н і и; но и посвятившись въ епископскій санъ, продолжали вести безпорядочную, буйную жизнь, которою отличалась тогда бо́льшая часть польской шляхты. Имѣя въ услуженіи отряды гайдуковъ и другихъ ратныхъ людей, они позволяли себѣ самоуп-

равство и лично участвовали въ разбояхъ, грабежахъ и наѣздахъ, нарушая законы и пренебрегая королевскими повелѣніями"... Подобно этому игуменами въ монастыряхъ часто бывали не монахи, а міряне, которые брали монастырь въ арендное пользованіе, управляли всѣми монастырскими вотчинами, совсѣмъ не думая принимать монашество, да и по закону это было для нихъ не обязательно... Такъ безцеремонно пользовались правомъ патронатства польскіе короли, а примѣру короля слѣдовали и другіе болѣе мелкіе патроны-католики, князья и паны, также имѣвшіе въ своихъ помѣстьяхъ православные монастыри и церкви. Такой порядокъ вещей въ корнѣ подтачивалъ православную западно-русскую церковь, уничтожая въ ней самое главное—церковную іерархію...

Къ концу XVI вѣка передъ нами—дѣйствительно со всѣхъ сторонъ жалобы, отъ лица самихъ западной-русскихъ православныхъ, на ихъ современную церковную іерархію. Въ 1580 году, въ *предисловіи* въ Библіи, кн. К. К. Острожскій пишетъ: „Видѣхъ церковь Христову, честною кровію Его искупленную, отовсюду враги противящимися попираему и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему... Кто бо есть отъ благодарныхъ и благоразумныхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость церкви Христовы, на паденіе клонящуся, или кто не смирится и не смутится, видя виноградъ, Богомъ насажденный, его же объимаютъ вси мимоходящіи путемъ, разоренія ради оплотовъ его?.. Различныя супостати и многообразныя лукавства обстоять ны"... Какъ относились къ нуждамъ мѣстной православной церкви ея „оплоты", можно видѣть изъ *посланія галицко-русскихъ дворянъ* къ кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ въ 1585 году. Упомянувъ о насиліяхъ и притѣсненіяхъ право-

славнымъ въ Львовѣ отъ католиковъ, дворяне продолжаютъ: „А что сказать о поруганіи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытые листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ и къ большему поруганію нашего св. закона... Какія при томъ совершаются опустошенія церквей! Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы...; въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братій, живутъ игумены съ женами и дѣтьми. Изъ того, что отдано въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святокрадства, дѣлаютъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей, изъ ризъ дѣлаютъ саяны, изъ епитрахилей брамы... Въ великій епископскій санъ возводятся люди негодные, которые, къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ безъ всякаго стыда, съ женами и дѣтей рождаютъ. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроеній, о чемъ мы къ сожалѣнію теперь писать не можемъ. Епископовъ наставилось много, по два на каждую каѳедру, оттого и порядокъ сгибъ... Бога ради осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кіевскихъ, и возревнуй ихъ благочестію... Намъ жаль души твоей... Даемъ знать твоей милости—прибавляютъ въ заключеніе дворяне: архіепископія кіевская (Кіево-софійскій соборъ), сущая нынѣ подъ твоею властью, отдана нѣкоему еретику жолнеру, а архимандритія уневская обѣщана такому же“... Или вотъ что писали, спустя семь лѣтъ, въ 1592 году, львовскіе братчики константинопольскому патріарху Іереміи: жалуясь на притѣсненія отъ мѣстнаго епископа Гедеона [...„непрестанными бѣдами томитъ насъ, между всякими чиновными людьми оклеветалъ насъ,—мы не можемъ соорудить ни церкви, ни школы, какъ бы слѣдовало, и отпустили нашихъ дидаскаловъ, Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, а другіе разошлись по другимъ мѣстамъ и только Стефанъ остался здѣсь“...], указывая далѣе на недостойную

жизнь другихъ православныхъ епископовъ [...„епископъ холмскій и пинскій живутъ съ женами, еще и перемышльскій епископъ съ женою на епископство возведенъ“...],—братчики пишутъ: „Церковь сильно смущается; люди сановитые, впавшіе въ разныя ереси и хотѣвшіе возвратиться къ своему правовѣрію, нынѣ отказываются отъ того, порицая церковное безчиніе, а всѣ люди единогласно говорятъ: „если не исправится въ церкви беззаконіе, то въ конецъ разойдемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ безмятежномъ покоѣ“... „Да вѣдаетъ твоя святыня, продолжаютъ взывать братчики во второмъ своемъ посланіи къ патріарху, отправленномъ вслѣдъ за первымъ, въ томъ же 1592 году,—что у насъ такъ называемые святители поистинѣ сквернители, обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами..., другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ?... Епископы расхитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истощили всѣ церковныя имѣнія и испразднили иночество... Церковь наша православная является исполненною всякаго зловѣрія, и люди смущаются недоумѣніемъ, не настаетъ ли время погибели. Многіе утвердили совѣтъ предаться римскому единоначальному архірейству и пребывать подъ папою римскимъ... Власть мірская потрясла всѣ наши города, и готовятся совершить по своему хотѣнію. Народъ же разсуждаетъ, что вѣра Христова можетъ правовѣрно исповѣдываться и подъ римскою властью, какъ было изначала: потому что въ многоначаліи нашемъ—безначаліе обрѣтается, отеческіе законы попраны и ложь лицемѣрствующихъ православіемъ учителей покрыла церковь“... „Не стало у насъ учителей, не стало проповѣди слова Божія, не стало науки“, пишетъ кн. К. К. Острожскій къ Ип. Поцѣю въ 1593 году, наканунѣ брестской

уніи: „пришло накопецъ на насъ то, что у насъ не остается ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ. Слѣдуетъ намъ сказать словами пророка: кто дастъ главѣ нашей воду и очесамъ нашимъ источникъ слезъ—чтобы мы могли оплакивать день и ночь обнищаніе и упадокъ нашей вѣры и закона? Все ниспровергло и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что съ нами будетъ"... Припомнимъ также свидѣтельство *Перестроги,* западно-русскаго памятника 1600—1605 г.: „Наступовали на столицѣ митрополитове и епискове неискуссные, не такіе, якіе исперва бывали..., лѣнивые и недобрые настали, и зъ ними порядки церковные у забвеніе пришли. Книги тые, що еще ихъ позостало, порохомъ припали и все набоженство пришло ко взгордѣ, такъ ижъ не тылько шляхецкого, але и простого люде стану у иновѣрство и отщепенство приходили, отъ духовныхъ соблазнени будучи"... „Чтожъ за чюдо, говоритъ другой современникъ, ижъ и нынѣ отъ православные вѣры [міролюбцы и роскошници свѣта сего] до матере прелести [самолюбія и тѣлоугодія] отпадаютъ и отступаютъ. Не дивуйся тому и не соблажняйся, возлюбленный брате, было то прежде, есть и будетъ; а до того правду хотячи почтити, а похлебству мѣсце не дати, нѣстъ у нашее русскимъ и въ дружествѣ стояти, и нѣсть отъ кого пользовати, й не чюдо что и вси не отступятъ. А то яко, и для чего?—для того: словесныхъ пастыревъ никакоже обрѣсти нѣсть, точію по бруху и самолюбію"... Извѣстно, что во время брестской уніи (1596) только два епископа остались вѣрными православію: львовскій, Гедеонъ Балабанъ, и перемышльскій, Михаилъ Копыстенскій... Западно русская православная іерархія и въ XVII в. чаще всего дѣйствовала въ видахъ уніи. „Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, писалъ въ Москву изо Львова московскій посолъ Тяпкинъ въ 1675 г.,—что ихъ владыки здѣсь только ман-

тіей благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри же тяжки св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ“...

Какъ разъ около этого времени западно-русское православіе стало нести большія потери въ борьбѣ съ протестантствомъ, а съ момента люблинской уніи, еще съ другимъ, несравненно болѣе хитрымъ и могущественнымъ врагомъ—іезуитами.

Въ Польшѣ и Литвѣ протестантство сдѣлалось извѣстнымъ очень рано, въ самое первое время его появленія въ западной Европѣ. И географическая близость къ протестантскимъ странамъ и международныя сношенія и политическія условія — все способствовало здѣсь успѣху протестантства. Особенно „открытымъ и почти беззащитнымъ полемъ“ для дѣйствія протестантства была юго-западная Русь. У Польши и Литвы издавна были частыя и разнообразныя сношенія съ западной Европой. Кромѣ того, въ XV—XVI вв. польская и литовско-русская аристократическая молодежь свои молодые годы обыкновенно проводила въ западныхъ университетахъ, и, конечно, не могла здѣсь не знакомиться съ новыми протестанскими идеями. Въ періодъ этой продолжительной жизни въ молодости за границей, чаще всего, вѣроятно, и полагались зародыши будущаго религіознаго индифферентизма, который такъ скоро сталъ обнаруживаться въ литовско-русской аристократіи, дѣлая для нее вопросомъ весьма нетруднымъ, легко рѣшаемымъ, и переходъ въ протестанство и переходъ въ католичество и самый вопросъ объ уніи... Протестанство, впрочемъ, шло въ Литву и юго-западную Русь и другимъ путемъ: въ польскихъ и литовско-русскихъ городахъ издавна было очень много нѣмцевъ колонистовъ; въ XIV—XV вв. ихъ

можно было встрѣтить во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Польши и западной Руси. Между этими нѣмцами-переселенцами, кажется, раньше всего и стало распространяться протестантство. Какъ бы то ни было, сдѣлавшись рано извѣстнымъ, протестантство быстро стало пріобрѣтать себѣ послѣдователей въ польскомъ и литовско-русскомъ обществѣ. Сочиненія Лютера, Меланхтона, Кальвина и въ польскихъ и литовско-русскихъ областяхъ расходились во множествѣ. Уже въ 1520 году и свѣтская и духовная власти въ Польшѣ начинаютъ запрещать эти сочиненія; запрещенія повторяются въ 1523, 1530 и 1532 гг. Въ королевскихъ указахъ, полякамъ—подъ страхомъ конфискаціи имущества и вѣчнаго изгнанія изъ отечества—запрещалось „ввозить, продавать и употреблять книги Лютера". Въ 1541 году вышло даже болѣе рѣшительное постановленіе: польскимъ молодымъ людямъ запрещалось ѣздить для образованія въ Германію, а равно и приглашать изъ Германіи учителей въ Польшу; вмѣстѣ съ этимъ—всѣхъ, кто заразился какою-либо ересью, предписывалось „лишать дворянства и наказывать, какъ виновниковъ въ оскорбленіи величества и измѣнѣ отечеству"...

Очень скоро указы, изданные сначала только для Польши, пришлось распространить и на Литовскую Русь. Въ литовско-русскомъ обществѣ, протестанство распространялось кажется, еще быстрѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Распространенію здѣсь протестантскихъ идей больше всего помогъ самъ Сигизмундъ Августъ, съ 1544 года избранный литовскимъ великимъ княземъ. Воспитанный въ идеяхъ протестантства, новый князь, переселившись въ Вильну, не скрывалъ своихъ симпатій къ этимъ идеямъ. Онъ окружилъ себя здѣсь лицами свободнаго образа мыслей; изъ его собственной библіотеки раздавались публикѣ для чтенія сочиненія Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ; его придворные проповѣдники открыто проповѣдывали реформатскія идеи, несмотря

на угрозы и противодѣйствія со стороны вѣрныхъ католиковъ Ставши позднѣе (съ 1548 года) польскимъ королемъ, Сигизмундъ, по политическимъ соображеніямъ, долженъ былъ перемѣнить значительно свое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ въ самой Польшѣ, но въ юго-западной Руси онъ попрежнему продолжалъ покровительствовать протестантству. Очень много способствовали распространенію въ Литвѣ протестантства также нѣкоторые богатые представители литовско-русской аристократіи, какъ кн. Николай Радзивиллъ Черный, кн. Николай Радзивиллъ Рыжій и богатый магнатъ Янъ Кишка. Это были представители самыхъ богатыхъ литовскихъ фамилій, пользовавшихся огромнымъ вліяніемъ и въ обществѣ и при дворѣ,—и всѣ свои громадныя матеріальныя средства, все свое общественное вліяніе они отдали на распространеніе принятыхъ ими идей... Радзивиллы были послѣдователями протестантства въ формѣ кальвинизма, Янъ Кишка—въ формѣ крайнихъ сектъ социніанства. Въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ названныя лица основывали школы, заводили типографіи, строили протестантскія церкви, собирали ученыхъ для перевода протестантскихъ книгъ на литовскій и русскій языки—словомъ, принимали всѣ мѣры для усиленія и развитія протестантской пропаганды среди литовско-русскаго православнаго населенія... Результаты этихъ усилій были огромны. На первыхъ порахъ протестантство особенно распространялось въ средѣ католиковъ. Почти все католическое дворянство края измѣнило своей родной вѣрѣ. Католическіе священники остались безъ паствъ, цѣлые католическіе приходы переходили въ протестанство... Скоро, вслѣдъ за католиками, пришла очередь и православныхъ. Новыя идеи распространялись преимущественно въ высшихъ классахъ православнаго населенія, пріобрѣтая себѣ послѣдователей здѣсь цѣлыми массами. Къ 1596 году въ одномъ новогродскомъ воеводствѣ (въ епархіи, которою непосредственно завѣдывалъ

самъ митрополитъ), протестантами отнято было до 650 православныхъ церквей, и изъ 600 дворянскихъ домовъ, считавшихся раньше православными—только 16 домовъ остались вѣрными православію! Остальные перешли въ протестантство, именно въ крайнія секты социніанства,—послѣдователями которыхъ православные являлись преимущественно передъ другими формами протестанскихъ идей... „Мало не вся заражена язвой аріанского ученія"—замѣчаетъ между прочимъ Курбскій о Волынѣ, гдѣ онъ проживалъ съ 1564 по 1586 гг...

Несмотря однако на весь вредъ, сдѣланный западно-русскому православію протестанствомъ, вредъ этотъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано въ этомъ отшеніи вслѣдъ явившимися сюда іезуитами.

Въ Вильну, какъ мы замѣтили, іезуиты были призваны въ томъ же 1569 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ люблинской уніи.

Сильнѣйшимъ средствомъ пропаганды въ рукахъ іезуитовъ всегда было воспитаніе. Вездѣ первымъ ихъ дѣломъ было заведеніе училищъ, коллегіумовъ, академій, съ цѣлью воспитанія въ нихъ молодого поколѣнія въ духѣ католичества... „Устройство іезуитскихъ школъ—говоритъ о ихъ внутреннемъ строѣ Спасовичъ—представляло примѣръ неслыханной нигдѣ до тѣхъ поръ централизаціи. Онѣ были устроены однообразно, малѣйшее отступленіе отъ общаго плана требовало особаго разрѣшенія пребывающаго въ Римѣ и облеченнаго диктаторскою властью генерала ордена. Преподаваніе было въ полномъ смыслѣ слова космополитическое, внѣ всѣхъ условій мѣста и времени, вполнѣ подчиненное одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви,—одно и то же въ Италіи, Испаніи, Австріи и Польшѣ; какимъ оно было задумано основателемъ іезуитской педагогики и сподвижникомъ Лойолы, Петромъ Канизі-

емъ. такимъ почти и оставалось до паденія ордена. Оно пренебрегало народною мѣстною литературою и новѣйшей исторіею, науками общественными и естествознаніемъ. Главнымъ предметомъ его заботы былъ языкъ римско-католической церви, языкъ латинскій, и римская литература, тщательно очищенная отъ всякихъ идей, несогласныхъ съ церковной ортодоксіей,—всѣ классики изучаемы были по такъ называемымъ editiones castigatae. Ученикъ изучалъ въ двухъ низшихъ классахъ [infima и grammatica] основанія латинскаго языка по знаменитому учебнику іезуита Альвара; въ 3-мъ классѣ [syntaxis] оканчивалъ грамматику, въ 4-мъ [poësis] выучивался свободно читать и понимать труднѣйшихъ прозаиковъ [въ особенности Цицерона] и поэтовъ латинскихъ; въ 5-мъ классѣ [rhetorica] былъ занятъ теоріей краснорѣчія, вспомогательными науками и упражненіями въ стилистикѣ. Сверхъ этихъ пяти классовъ, при нѣкоторыхъ важнѣйшихъ коллегіяхъ состояли еще два высшіе курса: философскій [философія преподавалась преимущественно по Аристотелю] и богословскій, въ которомъ господствовалъ авторитетъ св. Ѳомы Аквината"...

На другой же годъ своего прибытія въ Литву, іезуиты открыли въ Вильнѣ коллегіумъ и при немъ низшую школу. Наставники-іезуиты съумѣли очень скоро привлечь къ себѣ мѣстное населеніе. Ихъ школа быстро стала наполняться учениками, всѣ видѣли блестящіе успѣхи ихъ учениковъ, особенно въ латинскомъ языкѣ; къ тому же дѣтей бѣдныхъ родителей іезуиты принимали къ себѣ даромъ. Скоро въ ихъ школу стали присылать своихъ дѣтей и православные, чего, разумѣется, особенно и добивались іезуиты. Театральныя представленія, публично даваемыя учениками въ іезуитской школѣ, различныя религіозныя процессіи, въ которыхъ ученики, одѣтые въ соотвѣтственные костюмы, изображали апостоловъ, пророковъ, ангеловъ и т. д., одинаково восхищали и учениковъ и ихъ родителей, и быстро распространяли популярность

новыхъ преподавателей... Вотъ напр. программа одного религіознаго празднества, устроеннаго іезуитами въ Вильнѣ: Торжественная процессія съ хоругвью св. Казимира шла черезъ городъ, останавливаясь на всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ. У Рудницкихъ воротъ, устроенныхъ въ видѣ исполинской птицы, явилась женщина въ глубокомъ траурѣ, изображавшая городъ Вильно [который страдалъ отъ частой заразы]; женщина утѣшаетъ себя тѣмъ, что послѣ канонизаціи св. Казимира она получитъ въ небѣ надежнаго ходатая и защитника. Два ангела съ лиліями въ рукахъ возвѣщаютъ ей, что надежды ея исполнились и что канонизація совершилась. Тогда женщина-Вильно мгновенно преображается въ царицу съ багряницей, короною и скипетромъ, садится въ колесницу и направляется въ городъ, предшествуемая Славой, держащею въ рукахъ золотую трубу. Близъ ратуши путь ея загораживается огромнымъ картоннымъ замкомъ съ высокими башнями. Четыре ангела и четыре добродѣтели: Мужество, Умѣренность, Расторопность и Справедливость, ведутъ между собою передъ замкомъ разговоръ, послѣ котораго замокъ загорается и исчезаетъ среди пламени, шума и ружейныхъ выстрѣловъ. Предъ академическою церковью св. Яна, предшествующая кортежу Слава зоветъ академію, чтобы она приняла участіе въ празднествѣ. Является академія, сопровождаемая богословіею, филологіею, грамматикою, наконецъ девятью музами, покинувшими Олимпъ и поселившимися на берегахъ Виліи. Послѣднюю часть празднества составлялъ діалогъ, въ которомъ участвовало семь юношей, олицетворявшихъ семь главныхъ виленскихъ церквей, и т. д... Рядомъ съ школой, шли своей очередью другія средства пропаганды,—въ видѣ церковныхъ братствъ, публичныхъ диспутовъ, богослуженія, проповѣди. Проповѣдь была непрерывна. Каждый день, утромъ и вечеромъ; она раздавалась въ іезуит-

скомъ костелѣ на четырехъ языкахъ: польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ, при чемъ проповѣдниками являлись такіе блестящіе ораторы, какъ Станиславъ Варшевицкій, первый ректоръ виленскаго іезуитскаго коллегіума, Петръ Скарга, вскорѣ прибывшій въ Вильну и быстро пріобрѣвшій извѣстность своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, и др. Вліяніе іезуитскихъ проповѣдей было иногда до того сильно, что весь народъ въ церкви рыдалъ.

Свою дѣятельность іезуиты скоро перенесли и въ другіе пункты юго-западной Руси. Покровительство новаго польскаго короля, Стефана Баторія, особенно помогло имъ въ этомъ. Въ 1578 году, королевской грамотой виленскій іезуитскій коллегіумъ былъ преобразованъ въ академію, а въ 1579 г. новая академія вполнѣ была уравнена въ правахъ съ академіей краковской. Въ томъ же году, взявши Полоцкъ, Баторій, въ благодарность іезуитамъ, сопровождавшимъ его въ походѣ, основалъ здѣсь для нихъ новую коллегію и костелъ, и отдалъ въ полное ихъ распоряженіе всѣ мѣстныя православныя церкви и монастыри, а также принадлежавшія последнимъ владѣнія,—отдалъ затѣмъ, чтобы іезуиты устроили семинарію для воспитанія юношества, распространяли въ „схизматическихъ странахъ“ католическую вѣру, основывали приходы... И іезуиты тотчасъ же открыли въ Полоцкѣ семинарію, которая быстро наполнилась учениками, въ томъ числѣ и православными. Въ 1582 году такая же семинарія была открыта Стефаномъ Баторіемъ для іезуитовъ въ Ригѣ, и при ней низшая школа. Въ 1585 г. новая іезуитская семинарія основана была въ Несвижѣ, на средства малолѣтняго наслѣдника князей Радзивилловъ, кн. Николая Христофора Радзивилла, обращеннаго изъ протестантства въ католичество. Кромѣ того, уже съ 1571 года существовала еще одна іезуитская коллегія въ Ярославѣ, въ Галиціи— въ мѣстности съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ...

Въ противовѣсъ существовавшимъ издавна въ краѣ православнымъ церковнымъ братствамъ, іезуиты основывали таковыя же собственныя. Такъ въ 1573 году въ Вильнѣ, по мысли Петра Скарги, было учреждено католическое братство св. тѣла Господня; своими блестящими театральными торжествами и процессіями братство это сильно привлекало къ себѣ окружающее населеніе.

Одновременно со всѣмъ этимъ, іезуиты обратились еще къ одному средству пропаганды, оказавшемуся особенно могущественнымъ—къ литературной полемикѣ.

Энергичная пропаганда іезуитовъ очень скоро начала приносить плоды. Прежде всего іезуиты поколебали протестантство, которое быстро стало падать въ странѣ. Наиболѣе могущественные поборники протестантскихъ идей перешли въ католичество. Такъ Варшевицкимъ былъ обращенъ въ католичество заклятый врагъ его, кальвинистъ Ходкевичъ; Петръ Скарга привелъ обратно „къ послушанію римскому престолу" малолѣтнихъ дѣтей Николая Радзивилла Чернаго, наслѣдниковъ громадныхъ владѣній. Оба случая были блестящими побѣдами іезуитовъ. Скоро возвращены были „въ лоно вселенской римской церкви" и многіе другіе пропагандисты протестантства—Сапѣги, Сангушки, Часловскіе и пр. „Чего не могла сдѣлать пропаганда, то довершалось насиліемъ: во многихъ городахъ „зборы" (протестантскія церкви) были разрушены народомъ по наущенію іезуитовъ, школы были разгоняемы учениками-іезуитами, и на это насиліе нельзя было нигдѣ найти ни суда, ни расправы"...

Быстро стала сказываться дѣятельность іезуитовъ и въ средѣ православныхъ. Больше всего помогало этому воспитаніе юношества; воспитаніе это іезуиты теперь окончательно взяли въ свои руки. Іезуитскія школы были переполнены дѣтьми православныхъ; правда, родители скоро стали раскаиваться въ этомъ, когда увидѣли, что іезуиты изъ своихъ право-

славныхъ учениковъ „мало пе всѣхъ", пользуясь ихъ малолѣтствомъ, „намовя ихъ хитролестнѣ", отвратили „отъ родной вѣры и перекрестили въ свое полувѣріе",—но это было позднѣе: на первыхъ порахъ опасность невполнѣ сознавалась. Успѣхи іезуитовъ сосредоточивались преимущественно въ высшихъ классахъ, и были здѣсь самые блестящіе: въ какіе-нибудь 40—50 лѣтъ, послѣ своего появленія въ Вильнѣ, іезуиты оторвали отъ западно-русской православной церкви почти всю мѣстную аристократію. Въ 1610 году западно русская православная церковь такъ перечисляла свои потери, понесенныя ею отъ іезуитовъ: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я, вмѣстѣ съ другими перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на головѣ своей,—гдѣ домъ кн. Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни моей короны, роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Чарторыжскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Головчинскихъ, Кршинскихъ, Масальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ, Лукомскихъ, Пузыновъ и другихъ,—которыхъ перечислять было-бы очень долго? Гдѣ прочія мои драгоцѣнности, гдѣ древніе, родовитые, сильные, во всемъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестью,—Глѣбовичи, Ходкевичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки. Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитуны, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?..

И протестантство и католичество съ іезуитами во главѣ были крайне гибельны для западно-русскаго православія потому, что они нашли западно-русскую православную церковь въ крайней степени внутренняго разстройства. По выраженію патр. Іоакима въ его грамотѣ, западно-русскіе православные къ этому времени „оскудѣли всѣми благами". „Оскудѣніе"

дѣйствительно было полное, и заключалось какъ въ крайней деморализаціи высшей мѣстной іерархіи, о чемъ уже было замѣчено, такъ—и это главное—въ совершенномъ отсутствіи у западно-русскихъ православныхъ, до самой второй половины XVI вѣка, всякаго образованія..

Въ то время, когда социніане и іезуиты покрывали сѣтью своихъ школъ юго-западную и западную Русь, у православныхъ ея обитателей не было никакихъ собственныхъ средствъ къ образованію. Православныхъ школъ, кромѣ развѣ самыхъ элементарныхъ, долгое время воесе не существовало; до 70 гг. XVI ст. во всей литовско-русской митрополіи не встрѣчается ни одного училища для православныхъ дѣтей. Поступавшіе въ духовное званіе ограничивались одного начальною грамотностью, и учились ей, вѣроятно, у различныхъ „отцовъ и мастеровъ“, на дому, какъ это въ то время было и въ Московской Руси. Общественныхъ православныхъ школъ не существовало не только для дѣтей низшаго православнаго населенія, но и для дѣтей высшихъ классовъ общества. Поневолѣ приходилось отдавать дѣтей въ іезуитскія школы и коллегіи. Въ отсутстіи у православныхъ школъ современники видѣли главную причину внутренняго церковнаго разстройства и отпаденія къ католичество высшихъ слоевъ общества. „То вельми зашкодило паньству русскому, читаемъ въ памятникѣ первыхъ годовъ XVII вѣка,—же не могли школъ и наукъ посполитыхъ (общенародныхъ) розширяти и оныхъ не фундовано: бо коли бъ были науки мѣли, не пришли бъ до таковой погибели. Читаючи кроники польскія, знайдешь о томъ достаточнѣ, якъ поляци русскія паньства пообсѣдали, поприятелѣвшися зъ ними и цурки своя (своихъ дочерей) за русиновъ давши, чрезъ нихъ свои обычаи оздобные и науку уко-

ренили, - Русь, посполитовавшись (сдружившись) зъ ними, позавидѣла ихъ обычаямъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, въ науки римскія дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣрѣ ихъ навыкли, такъ по малу малу науками своими все паньство руськое до вѣрѣ римской привели, потомкове княжатъ русскихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестились и назвиска и имена себѣ поотмѣняли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ"... [„*Перестрога*", 1600—1605 г.]. Говоря предъ этимъ о первомъ распространеніи на Руси христіанства, авторъ замѣчаетъ: „Были на Руси великіе ревнители, яжъ много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили [надѣлили], золотомъ, серебромъ, перлами и дорогими каменями церкви пріоздобили [пріукрасили], книгъ языкомъ словенскимъ великое множество нанесли,—лечъ того, что́ было наипотребнѣйшее, школъ посполитыхъ не фундовали"... „Здѣсь, писалъ М. Смотрицкій константин. патр. Кириллу Лукарису, не съ кѣмъ посовѣтываться,—ученаго человѣка и со свѣчей не найдешь"...

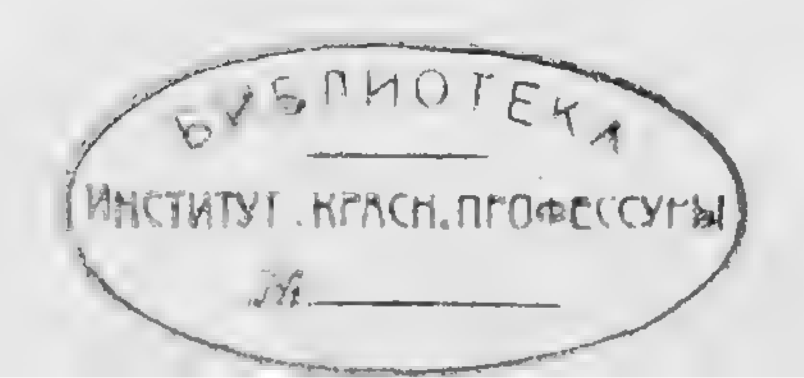
У западно-русскихъ православныхъ было мало самыхъ книгъ на славянскомъ языкѣ. Правда, по нѣкоторымъ монастырямъ существовали библіотеки, и иногда даже довольно обширныя; но такія библіотеки были вообще большой рѣдкостью, а главное—случайностью. По крайней мѣрѣ, библіотеки даже въ Кіево-печерскомъ монастырѣ до 70 гг. XVI ст. не было. Недостача нерѣдко чувствовалалась даже въ богослужетныхъ книгахъ; напр. даже въ той же Кіево-печерской лаврѣ въ концѣ XVI в. не находилось полнаго круга богослужебныхъ книгъ. Въ самомъ обществѣ ощущался крайній недостатокъ въ книгахъ для чтенія, особенно въ переводахъ важнѣйшихъ твореній отцовъ церкви. Въ существовавшей письменности Курбскій не могъ найти „и десятой части книгъ

учителей нашихъ старыхъ"... Славянскихъ книгъ было мало въ западно-русскомъ обществѣ нерѣдко по причинамъ, чисто мѣстнымъ: католики всячески старались уничтожать ихъ. Именно на это и указываетъ авторъ *Апокрисиса*, какъ на причину, почему онъ посвящаетъ свою книгу Яну Замойскому: имя могущественнаго магната должно было сохранить ее отъ истребленія. О томъ же говоритъ и авторъ *Перестроги*: „Въ самомъ Краковѣ корунномъ, замѣчаетъ онъ, и въ костелахъ римскихъ книгъ словенскихъ великими склепами знайдешь замкненыхъ, которыхъ въ свѣтъ не выпустятъ, также есть и во Львовѣ у мниховъ-домиников склепъ великій книгъ нашихъ словенскихъ учительныхъ до купы вънесенныхъ"...

Таково было положеніе западно-русскаго православія къ концу XVI в. Чѣмъ ближе къ 1596 году, тѣмъ ярче и безотраднѣе возникаетъ передъ нами картина бѣдственнаго состоянія западно-русской церкви. Высшіе классы измѣнили православію, представители іерархіи—на крайней степени нравственнаго безсилія; „оплоты" церкви рушились,—нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣди, нѣтъ науки!... Все сильнѣе и сильнѣе развивается религіозный индифферентизмъ, многіе открыто заявляютъ о своемъ желаніи отдаться Риму, о готовности принять унію..

Но нѣтъ худа безъ добра... То, что́ способствовало крайнему обезсиленію западно-русской церкви, косвенно въ тоже время было причиной и ея внутренняго нравственнаго возрожденія. Быстрыя побѣды надъ западно-русскимъ православіемъ, сначала со стороны протестантства, потомъ католичества, и въ частности іезуитовъ,—тѣмъ самымъ вызвали на защиту родной вѣры новыя силы. Овладѣвши безъ большого труда высшимъ слоемъ общества, найдя прямую поддержку своимъ цѣ-

Того же автора:

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности. Казань, 1883.

Древне-славянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Каз. университетѣ. Воронежъ, 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань, 1884.

XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб., 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1884.

Свв. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань, 1885.

Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.»). Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Свв. Кириллъ и Меѳодій» и пр. Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей. Воронежъ, 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1886.

Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань, 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва, 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обозр.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миѳологическихъ изученій. Казань, 1893.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Казань, 1894.

Григоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань, 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань, 1894.

Русскій театръ въ XVIII в. (изъ «Рус. Обозр.).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius. Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schroeder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin, 1897.

Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Казань, 1897.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ во время заграничной командировки. Казань, 1897.

Болгарскій Пѣснивецъ 1337 года (изъ «Извѣстій II Отд. И. А. Н.»).

Исторія литературы, какъ наука. Варшава, 1897.

Программа лекцій по исторіи русской литературы, съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань, 1898.

Новый трудъ по исторіи русской литературы. По поводу книги А. Н. Пыпина, Ист. рус. лит., т. I, Спб., 1898 (изъ «Ж. М. Н. Пр».).

Пушкинъ въ Казани. Казань, 1899.

Ѳ. И. Буслаевъ и его «Воспоминанія». Казань, 1899.

А. С. Пушкинъ, какъ народный поэтъ. Казань, 1899.

Два слова о сл. «былина». Спб., 1898 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Къ исторіи древнерусскаго Луцидаріуса. Казань, 1899.

Къ исторіи южно-славянской апокрифической литературы. Спб., 1899 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Академическое изданіе сочиненій Пушкина. Варшава, 1900.

